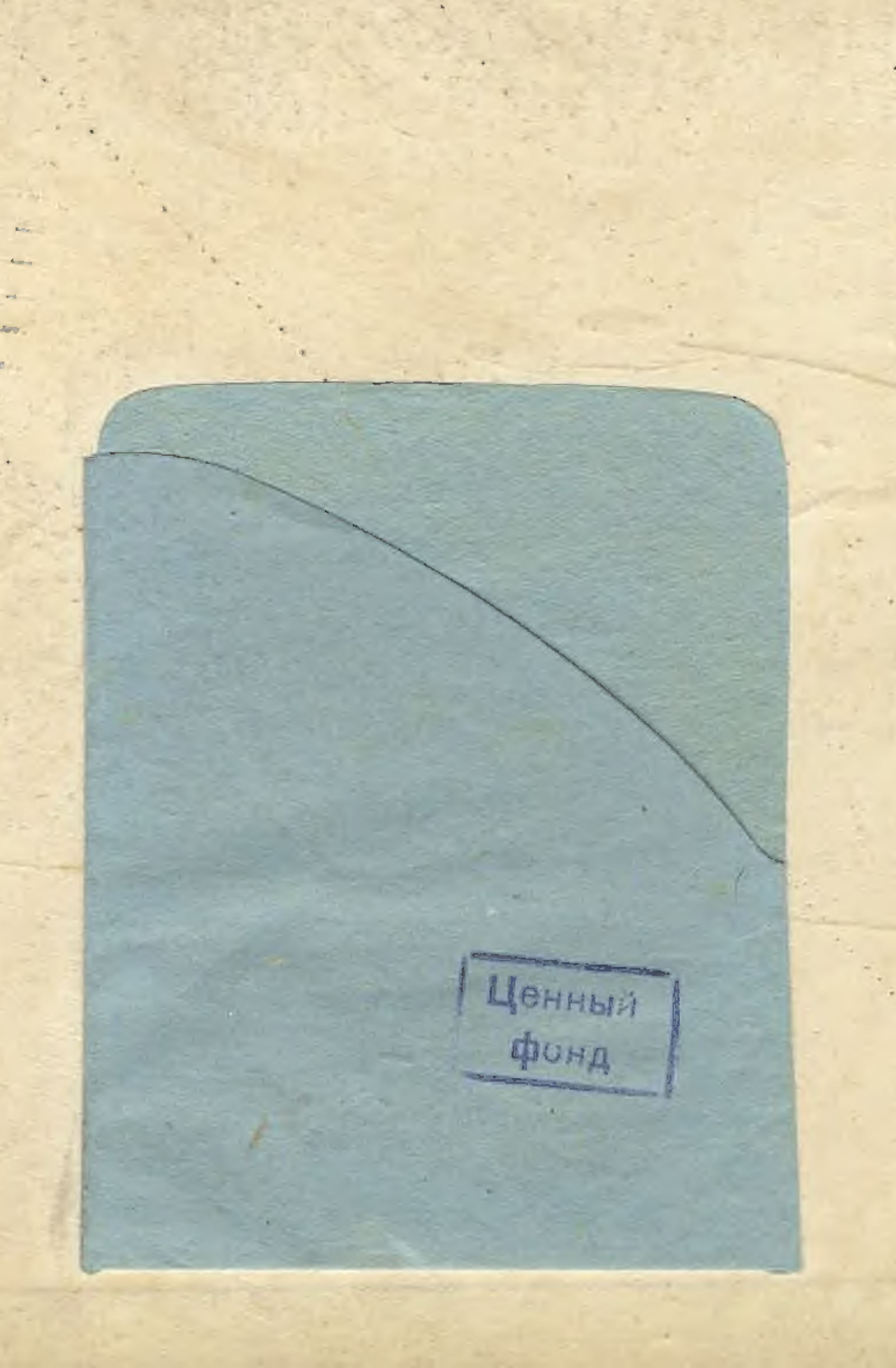
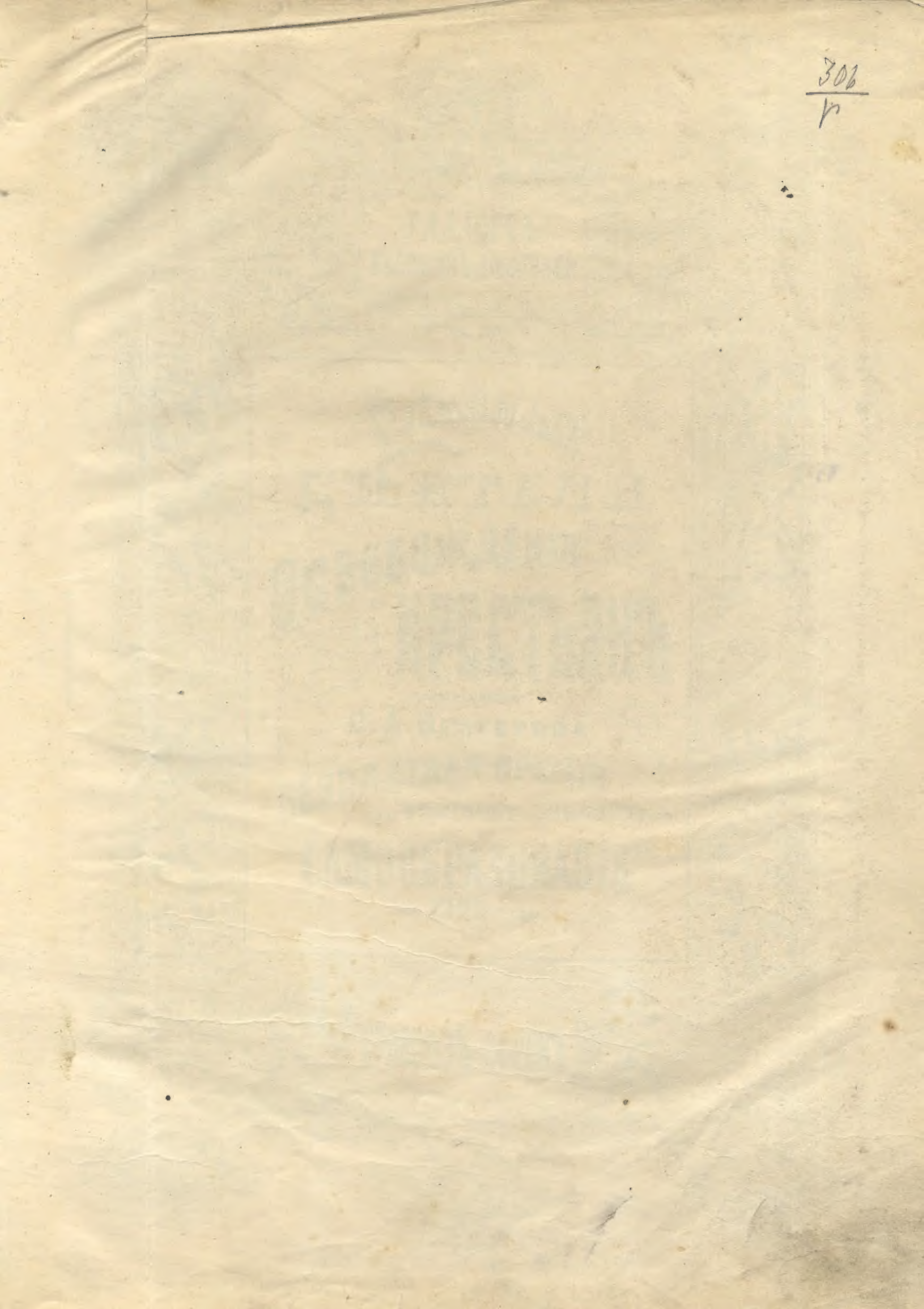
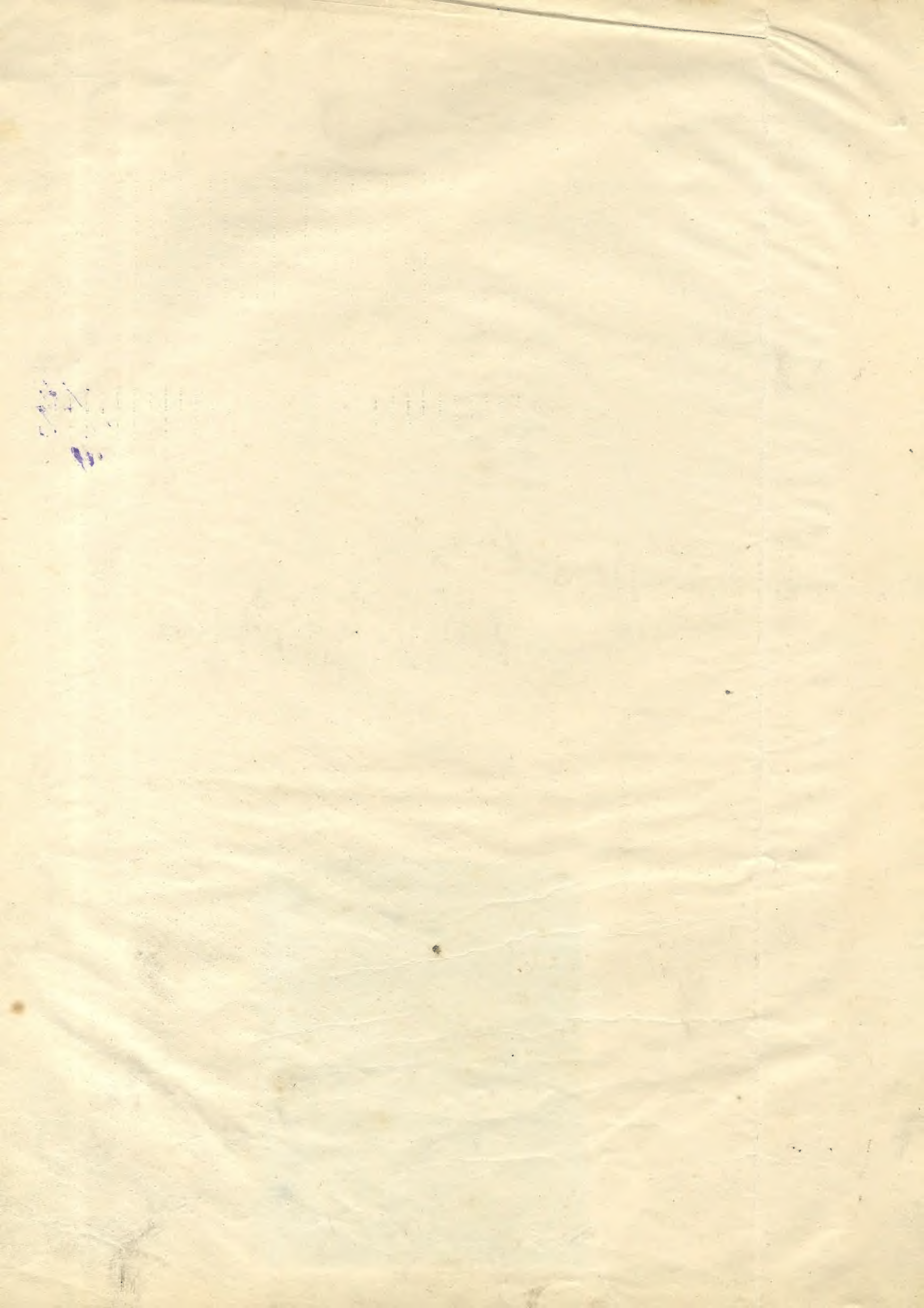

9/471
-52
Главные
деятели.
освобождения
1903.

Ценный
фонд

ГАЛЛЕРЕЯ
РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ
СЛАВНЫЕ
ДѢЯТЕЛИ
ОСВОБОЖДЕНІЯ
КРЕСТЬЯНЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
С. А. ВЕНГЕРОВА.
БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ
КЪ „ВѢСТНИКУ И БИБЛІОТЕКѢ
САМООБРАЗОВАНІЯ"
НА 1903 ГОДЪ.
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина
№

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 августа 1903 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задумавъ дать своимъ читателямъ „Галлерею русскихъ дѣятелей“, редакція „Вѣстника Самообразованія“ для начала остановилась на лицахъ, имя которыхъ связано съ самымъ великимъ и умилительнымъ событіемъ новой русской исторіи—на главныхъ дѣятеляхъ освобожденія крестьянъ.

Дѣятели всякаго событія всегда распадаются на два разряда. Прежде всего—дѣятели непосредственные, тѣ, на долю которыхъ выпадаетъ счастіе ближайшимъ образомъ связать память о себѣ съ значительнымъ событіемъ.

По отношенію къ освобожденію крестьянъ такимъ непосредственнымъ дѣятелемъ на первомъ мѣстѣ является, конечно, Императоръ Александръ II. Онъ чутко понялъ, съ чего слѣдуетъ начать новую эру русской жизни; онъ проявилъ поразительную твердость воли въ борьбѣ съ ожесточеннымъ сопротивленіемъ сферъ, его окружавшихъ.

Рядомъ съ нимъ стоитъ его просвѣщенный братъ - Великій Князь Константинъ Николаевичъ, искренній поборникъ всѣхъ великихъ реформъ Александра II.

Такой же непосредственной участницей реформы нельзя не признать Великую Княгиню Елену Павловну. Ея подписи нѣтъ ни на одномъ изъ оффиціальныхъ актовъ, связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ, но обаятельный образъ ея несомнѣнно занимаетъ первостепенное мѣсто въ исторіи реформы, которая вся подготовлялась въ ея салонѣ и подъ ея непосредственнымъ, одушевляющимъ вліяніемъ.

Послѣ этихъ трехъ власть имущихъ дѣятелей, первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ благороднѣйшему изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей—Николаю Милютину. Это былъ гражданинъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова, для котораго благо народа было реальнымъ, сокровеннѣйшимъ лозунгомъ всей его безпримѣрно-настойчивой и высоко-талантливой борьбы съ врагами освобожденія. Рядомъ съ Милютинымъ исторія 19 февраля всегда помянетъ добромъ его одушевленнаго лучшими стремленіями начальника — министра внутр. дѣлъ гр. Ланского, который сознательно проводилъ все, что предлагалъ ему его даровитый подчиненный.

Добромъ поминаетъ также всякій историкъ великаго акта гр. Ростовцева, конецъ карьеры котораго можетъ вызвать только самое глубокое уваженіе.

Къ непосредственнымъ дѣятелямъ реформы принадлежатъ, конечно, и тѣ представители общества и печатнаго слова, которые содѣйствовали ей либо въ органахъ участія общества при выработкѣ положенія 19 февраля — губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ коммиссіяхъ, либо въ современной журналистикѣ. Къ числу этихъ участниковъ реформы, сильныхъ только властью духа, принадлежатъ энергичный кн. Черкасскій, благородный Юрій Самаринъ, пылкій энтузіастъ Кавелинъ и одинъ изъ главныхъ вождей публицистики того времени—А. И. Герценъ.

Герценъ писалъ при условіяхъ, исключавшихъ возможность преслѣдованія даже за самое рѣзкое слово. Но онъ никогда не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ: онъ говорилъ въ Лондонѣ только тѣмъ языкомъ, которымъ говорилъ бы въ Россіи, если бы въ ней тогда существовала свобода печати, и въ его „Колоколѣ“ всякое доброе начинаніе правительства находило самую горячую поддержку. Онъ почтительно преклонился предъ Александромъ II, въ знаменитой статьѣ „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“, вызванной рескриптомъ на имя генералъ-губернатора Назимова.

Всѣ перечисленные выше дѣятели являются людьми, такъ или иначе скрѣпившими послѣднiй, завершительный актъ великаго событiя.

Было бы, однако, одновременно и проявленiемъ близорукости, и актомъ неблагодарности приписать только имъ однимъ всю славу великаго общественнаго подвига. Всякое историческое событiе имѣетъ свой генезисъ, всякая идея проходитъ нѣсколько фазисовъ, пока получаетъ господство и изъ области предположенiй переходитъ въ фактъ реальной жизни Благородная идея всегда зарождается въ сердцѣ одинокаго человѣколюбца. Есть люди, которые провозглашаютъ извѣстное начало, когда оно кажется чѣмъ-то совершенно безумнымъ и несбыточнымъ. Но

Слава безумцу, который навѣялъ
Человѣчеству сонъ золотой.

Въ исторiи освобожденiя крестьянъ этимъ „безумцемъ" былъ Радищевъ, за семьдесятъ лѣтъ до завершительнаго акта освобожденiя ярко и опредѣленно поставившiй вопросъ о томъ, что не долженъ владѣть человѣкъ своимъ ближнимъ, точно скотомъ.

Радищевъ былъ человѣкъ безъ литературнаго таланта, но въ душѣ его горѣлъ священный огонь истинной любви къ людямъ, а это всегда зажигаетъ чуткiя сердца. Одинокiй подвигъ его, сначала показавшiйся прямымъ безумiемъ и нелѣпостью, не прошелъ безслѣдно. Обаянiе подвига Радищева лучше всего прослѣдить по Пушкину. Было время, когда онъ попробовалъ отнестись насмѣшливо и къ неуклюжему слогу Радищева, и къ безумiю его стремленiй. Но вотъ 2 — 3 года спустя, незадолго до смерти, Пушкинъ начинаетъ подводить „итоги своей дѣятельности, пишетъ для себя „Памятникъ". Онъ высокаго мнѣнiя о своемъ значенiи; онъ не сомнѣвается въ томъ, что къ его нерукотворному памятнику „не заростетъ народная тропа".

За что же эта слава, этотъ великiй почетъ?

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Завѣты Радищева нашли своихъ непосредственныхъ послѣдователей въ декабризмѣ. Въ очеркѣ, посвященномъ Николаю Тургеневу, читатель найдетъ подробности объ его освободительныхъ проектахъ, которые характеристичны для всего движенiя. Тутъ не все удачно, но важно то, что уже исчезла утопичность. Предъ нами уже не „безумiе", а нѣчто начинающее прiобрѣтать вполнѣ реальныя очертанiя...

Около 1846—47 гг., точно по какому-то уговору, появляется рядъ произведенiй, проникнутыхъ самымъ горячимъ участiемъ къ закрѣпощенному народу. Первенствующее мѣсто въ ряду этихъ произведенiй занимаютъ стихотворенiя на народныя темы Некрасова, „Антонъ Горемыка" Григоровича, „Записки Охотника" Тургенева.

Эта литературная пропаганда производитъ потрясающее впечатлѣнiе на читающую публику, и теперь уже передъ нами новый, знаменательнѣйшiй фазисъ идеи освобожденiя. Она проникла въ самыя обширныя сферы общества; она считаетъ своихъ приверженцевъ уже не десятками или даже сотнями, а тысячами.

Государственные акты совершаются „хладнымъ разсудкомъ", но подготовляетъ ихъ всегда чувство. Законодательный актъ 19-го февраля только скрѣпилъ то, что родилось въ сердцѣ читателей Григоровича, Тургенева и Некрасова. Слезы, пролитыя надъ „Антономъ Горемыкою", фактически сыграли самую рѣшающую роль въ подготовленiи реформы, а умиленiе, охватившее всѣхъ при созерцанiи трогательныхъ фигуръ, нарисованныхъ Тургеневымъ, были убѣдительнѣе всякихъ цифръ и государственныхъ соображенiй.

Императоръ Александръ II

какъ участникъ въ крестьянской реформѣ 19 февраля 1861 г.

А. А. Кизеветтера.

Ко времени воцаренія Императора Александра Николаевича мысль о необходимости отмѣны крѣпостного права уже вполнѣ созрѣла и была одинаково сознаваема какъ передовыми кругами общества, такъ и правящими сферами. Есть извѣстіе, что Императоръ Николай какъ бы завѣщалъ своему преемнику осуществленіе великой реформы, которая такъ занимала его умъ. Такимъ образомъ Александръ Николаевичъ не былъ творцомъ самой идеи крестьянской реформы. Не ему принадлежала и программа практической реализаціи этой идеи. Крестьянская реформа 1861 г. была разработана вообще безъ всякой предварительно составленной программы. Положенія, изложенныя въ высочайшихъ рескриптахъ 1857 г., содержали въ себѣ лишь самые первоначальные наброски предположеннаго преобразованія, подвергшіеся впослѣдствіи существеннымъ дополненіямъ. Основные элементы реформы были выдвинуты мало-по-малу, въ самомъ разгарѣ подготовительныхъ къ реформѣ работъ, въ пылу партійной борьбы, которая кипѣла и въ петербургскихъ канцеляріяхъ, и въ дворянскихъ комитетахъ, и на страницахъ повременной печати.

Императоръ Александръ Николаевичъ принялъ самое видное активное участіе въ разработкѣ реформы, отведя на свою долю въ общемъ ходѣ преобразовательнаго дѣла въ высшей степени важную роль.

Царствованіе Александра II начиналось при тяжелой обстановкѣ. Тянулась война—печальное наслѣдіе предшествующаго царствованія, исходъ которой былъ такъ неясенъ и внушалъ такія мрачныя опасенія. Настроеніе общества было смутно-тревожнымъ. Надъ многими семьями виталъ призракъ смерти. Всѣхъ заботило также и ближайшее будущее. Одни боялись, какъ бы перемѣна царствованія не повлекла за собой перемѣны и въ направленіи внутренней политики, другіе нервно опасались крушенія своихъ надеждъ на новое правительство, отъ котораго ожидали окончательныхъ расчетовъ съ прошлымъ. Вопросъ о судьбѣ крѣпостного права одинаково тревожилъ и тѣхъ, и другихъ. Всѣ чувствовали, что именно этотъ вопросъ составляетъ центральный узелъ внутренней политики и всѣ стремились по первымъ шагамъ и заявленіямъ правительства уловить характеръ его отношенія къ крѣпостному праву. Но пока тянулась война, правительство воздерживалось отъ какихъ либо категорическихъ заявленій. Неопредѣленность положенія безплодно обостряла нервную впечатлительность общества. Подхватывали отрывочные намеки, сопоставляли случайные факты и старались истолковать ихъ такъ или иначе въ возможномъ согласіи съ собственными затаенными думами. Крѣпостники, лелѣявшіе мечту, что «все останется по старому», съ удовольствіемъ припоминали, какъ новый Государь, еще будучи наслѣдникомъ, отказался однажды передать отцу проектъ подготовительныхъ мѣръ къ отмѣнѣ крѣпостного права; какъ одинъ изъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, въ которомъ какъ разъ участвовалъ Александръ Николаевичъ, отнялъ у крѣпостныхъ право выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона. Наконецъ, крѣпостники радостно привѣтствовали послѣдовавшую уже по воцареніи Имп. Александра II отставку министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова, котораго считали, безъ достаточныхъ впрочемъ основаній, принципіальнымъ противникомъ правъ помѣстнаго дворянства *), и съ еще большимъ восторгомъ перечитывали первый циркуляръ преемника Бибикова—Ланского къ предводителямъ дворянства: въ циркулярѣ говорилось между прочимъ—«всемилостивѣйшій Государь повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству». Въ этихъ словахъ хотѣли видѣть обѣщаніе сохраненія крѣпостного права.

Однако и друзья будущей эмансипаціи утѣшались среди своихъ сомнѣній и тревогъ кое-какими признаками приближенія эры реформъ. Указывали на слова, сказанныя Государемъ депутаціи отъ петербургскаго дворянства: «Я убѣжденъ, что дворянство оправдаетъ свое названіе благороднаго сословія въ истинномъ смыслѣ этого слова и будетъ стоять впереди во всякомъ добромъ дѣлѣ», и съ особенною пытливостью вчитывались въ слова манифеста, возвѣщавшаго о заключеніи парижскаго мира: «каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ».

Несомнѣнно, что вопросъ о своевременности ликвидаціи крѣпостного права былъ предрѣшенъ въ умѣ Государя при самомъ воцареніи; не лишено вѣроятности, что уже тогда намѣчалась и основная мысль того стратегическаго плана, котораго рѣшилось держаться правительство, приступая къ осуществленію реформы и который состоялъ въ томъ, чтобы вызвать въ самой дворянской средѣ починъ въ отмѣнѣ крѣпостничества. Но программы реформы еще не существовало, самыя коренныя основы преобразованія крестьянскаго быта еще предстояло создать. Вопросъ болѣе, чѣмъ назрѣлъ, но способы его разрѣшенія представлялись пока лишь въ самыхъ туманныхъ очертаніяхъ.

При такомъ положеніи дѣлъ для правительства открывались два пути: или, не волнуя общества оповѣщеніемъ реформы впредь до выработки ея плана, заняться исподволь подготовкой этого плана въ тиши петербургскихъ канцелярій и интимныхъ

*) Бибикову пришлось вводить инвентарную реформу въ юго-западномъ краѣ въ качествѣ генералъ-губернатора. Отсюда и его репутація противника дворянскихъ интересовъ.

комитетовъ, или открыто и опредѣленно разсѣять всѣ недоумѣнія, ребромъ поставить вопросъ о *неотложности реформы*, призвавъ и само общество къ участію въ ея подготовленіи. Крупная историческая заслуга Имп. Александра Николаевича состояла въ томъ, что онъ, движимый вѣрнымъ политическимъ чутьемъ, не поколебался въ выборѣ между этими двумя путями. Первый путь былъ уже въ достаточной мѣрѣ изведанъ втеченіе предшествовавшаго царствованія. Незначительность достигнутыхъ результатовъ громко свидѣтельствовала о его малой пригодности. Кромѣ того, дальнѣйшее слѣдованіе по этому пути уже не соотвѣтствовало духу времени. Пришла иная пора. Прошлое рухнуло безвозвратно, погребенное подъ развалинами Севастополя.

Иногда слышатся упреки дѣятелямъ крестьянской реформы въ томъ, что дѣло реформы было пущено безъ руля и вѣтрилъ въ открытое море возможныхъ случайностей, что правительство приступило къ сломкѣ стараго порядка безъ готоваго чертежа новаго зданія. Взвѣсивъ всѣ особенности момента, который переживала Россія на порогѣ своего политическаго обновленія, нельзя не убѣдиться въ неосновательности подобныхъ упрековъ. Прежде, чѣмъ думать о подробностяхъ предстоявшей реформы, надлежало отвѣтить на тревожныя ожиданія общества твердымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ основного вопроса: быть или не быть самой реформѣ.

Таковъ именно и былъ смыслъ исторической рѣчи, съ которой Имп. Александръ Николаевичъ обратился къ московскимъ дворянамъ 30 марта 1856 г. Упомянувъ о томъ, что въ обществѣ обращаются слухи о намѣреніи правительства уничтожить крѣпостное право, и заявивъ, что немедленнаго оправданія этихъ слуховъ не воспослѣдуетъ, Государь продолжалъ: «Но конечно, господа, вы сами знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. *Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ дождаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу.* Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе».

Эта рѣчь ярко освѣтила предшествовавшія сумерки, глубоко обрадовала однихъ, не менѣе глубоко опечалила другихъ, но для всѣхъ одинаково положила конецъ томительной неопредѣленности. Послѣ словъ Государя возвратиться вспять было уже невозможно: корабли были сожжены.

Таково было первое, какъ нельзя болѣе своевременное и богатое послѣдствіями проявленіе личной инициативы Имп. Александра Николаевича въ исторіи крестьянской реформы. Ближайшіе затѣмъ шаги правительства сосредоточились на двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, было приступлено къ выработкѣ хотя бы первоначальныхъ основаній для предстоявшей реформы. Этимъ дѣломъ на первое время занялось министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стояли люди, сочувствовавшіе реформѣ,— самъ министръ Ланской и товарищъ его Левшинъ,—хотя еще и не имѣвшіе яснаго представленія о возможныхъ размѣрахъ будущаго преобразованія. Левшинъ приступилъ къ составленію докладныхъ записокъ о программѣ постепеннаго развитія крестьянскаго дѣла. Идеи, изложенныя въ этихъ запискахъ, отличались большою умѣренностью. О выкупѣ земельныхъ надѣловъ въ собственность освобождаемыхъ крестьянъ здѣсь не было и рѣчи. Землю предполагалось оставить лишь въ обязанномъ пользованіи крестьянъ за опредѣленныя повинности.

Выкупъ надѣла замѣнялся выкупомъ усадьбы съ разсрочкою выкупного платежа на 10—15 лѣтъ, при чемъ самый актъ личнаго освобожденія отодвигался вдаль къ моменту окончательнаго завершенія выкупа усадьбы. Наконецъ, Левшинъ предлагалъ приступать къ реформѣ на изложенныхъ имъ основаніяхъ не сразу по всей Россіи, а постепенно, по районамъ, начавъ съ губерній западныхъ и пограничныхъ. Въ нерѣшительныхъ, пропитанныхъ полумѣрами, предложеніяхъ Левшина какъ бы воскресалъ духъ секретныхъ комитетовъ Николаевскаго царствованія. Въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ уже тогда были люди съ болѣе смѣлыми взглядами на существо предстоявшей реформы—Николай Милютинъ, Соловьевъ,—но ихъ роль была еще впереди. Въ описываемый моментъ даже Левшинскія предложенія вызывали во многихъ государственныхъ дѣятеляхъ тревожныя опасенія. Впрочемъ, всѣ эти предположенія намѣчались, такъ сказать, на первый случай, въ ожиданіи заявленій со стороны дворянства, къ почину котораго взывалъ Государь въ своей московской рѣчи.

Наряду съ подготовительными работами въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, тотчасъ уже послѣ рѣчи Государя былъ предпринятъ рядъ попытокъ къ возбужденію въ дворянствѣ реформаціонной инициативы. Во время коронаціи Ланской входилъ въ переговоры со съѣхавшимися въ Москву предводителями дворянства относительно возможной постановки предстоявшей реформы. Эти переговоры не привели къ желаемымъ результатамъ. Предводители дворянства относились къ затрогиваемой министромъ темѣ болѣе чѣмъ холодно и сдержанно. Наступалъ очень трудный моментъ. Дѣло реформы грозило затормозиться въ самомъ началѣ. Только ввиду обнаруживавшейся невозможности немедленно опереться на содѣйствіе дворянства рѣшили прибѣгнуть къ старому средству, вполнѣ уже доказавшему свою непригодность. 3 января 1857 г. былъ учрежденъ новый негласный комитетъ по крестьянскому дѣлу, лично открытый Государемъ. Новый комитетъ не замедлилъ послѣдовать примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ началъ всѣми силами тормозить порученное его разсмотрѣнію дѣло. Государь нисколько не обманывался на счетъ безплодности занятій комитета. Открывъ его засѣданія въ своемъ присутствіи, Государь уѣхалъ заграницу и тамъ въ интересной бесѣдѣ съ гр. Киселевымъ въ Киссингенѣ прямо признался: «крестьянскій вопросъ меня постоянно занимаетъ, надо довести его до конца, я болѣе, чѣмъ когда либо, рѣшился и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ». Пессимистическій взглядъ Государя на дѣятельность комитета, какъ нельзя болѣе, подтвердился по его возвращеніи въ Россію. Работы комитета стояли на точкѣ замерзанія. Попытка оживить его дѣятельность введеніемъ въ его составъ вел. кн. Константина Николаевича, проникнутаго искреннимъ сочувствіемъ дѣлу реформы, не принесла существенныхъ результатовъ. Окончательныя заключенія, къ которымъ пришелъ комитетъ, грозили отодвинуть ликвидацію крѣпостныхъ отношеній въ безконечную даль. Государь утвердилъ эти заключенія и благодарилъ членовъ комитета «за первый ихъ трудъ», выразивъ при этомъ, что онъ надѣется и впредь на ихъ дѣятельное участіе «во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса». Государь смотрѣлъ на работу комитета лишь какъ на первый шагъ, за которымъ должны послѣдовать другіе, болѣе существенные и болѣе согласующіеся съ его личными взглядами на дѣло реформы.

Высочайшее утвержденіе заключеній негласнаго комитета послѣдовало въ августѣ 1857 г., а въ ноябрѣ того же года Государю представился неожиданный случай вторично проявить свою рѣшительную инициативу въ крестьянскомъ дѣлѣ. Дворянства Виленской, Ковенской и Гродненской губерній представили Государю черезъ виленскаго генералъ-губернатора Назимова

адресъ съ предложеніемъ безземельнаго освобожденія своихъ крестьянъ по образцу остзейскихъ губерній. Адресъ этотъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе негласнаго комитета и послѣдній высказался за принятіе предложенія дворянъ литовскихъ губерній. Но Государь взглянулъ на дѣло иначе. Заявленіе дворянъ литовскаго края было драгоцѣнно для даннаго момента, какъ первое проявленіе дворянской инициативы, шедшее на встрѣчу освободительнымъ намѣреніямъ правительства. Но по существу проектъ литовскихъ дворянъ былъ шагомъ назадъ даже сравнительно съ предположеніями Левшина. Проекты Левшина не разрывали связи крестьянина съ землей, хотя и не надѣляли крестьянъ земельной собственностью. Предложеніе дворянъ сѣверо-западнаго края сулило освобождаемому крестьянину участь безземельнаго батрака. И вотъ, по указанію Императора, секретный комитетъ совмѣстно съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ составить проектъ отвѣтнаго рескрипта на адресъ литовскихъ дворянъ въ такомъ смыслѣ, чтобы проявленная дворянами инициатива получила въ одно и то же время и Высочайшее одобреніе, и совершенно новое направленіе. Началась лихорадочная работа. Текстъ рескрипта прошелъ цѣлый рядъ редакцій. 18 человѣкъ трудились надъ его выработкой. Плодомъ этихъ усилій и явился достопамятный рескриптъ 20 ноября 1857 г. на имя генералъ-адъютанта Назимова. Въ этомъ рескриптѣ говорилось, что Государь въ отвѣтъ на заявленныя дворянами упомянутыхъ губерній благія намѣренія разрѣшаетъ имъ приступить къ составленію проекта преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ, для чего и должны быть образованы въ каждой изъ этихъ губерній по одному приготовительному комитету изъ членовъ частью по выбору дворянъ, частью по назначенію губернаторовъ и кромѣ того одна общая для всѣхъ трехъ губерній коммиссія въ г. Вильнѣ. Затѣмъ въ рескриптѣ излагались въ руководство комитетамъ главныя основанія предстоявшей реформы: безвозмездное личное освобожденіе, выкупъ усадьбъ, отводъ полевого надѣла въ пользованіе за опредѣленныя повинности, т. е. тѣ самыя начала, которыя были выдвигаемы еще Левшинымъ. Эти основанія не заключали въ себѣ, такимъ образомъ, ничего новаго и не въ нихъ состояло главное значеніе рескрипта 20 ноября 1857 г., тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени само правительство допустило существенныя видоизмѣненія въ этихъ началахъ. Рескриптъ былъ важенъ тѣмъ, что онъ указывалъ опредѣленныя формы для участія самого дворянства въ предварительной разработкѣ реформы и санкціонировалъ дѣйствительное вступленіе нѣкоторыхъ дворянскихъ обществъ на этотъ путь. Въ этомъ смыслѣ рескриптъ на имя Назимова явился послѣ вышеупомянутой московской рѣчи Государя вторымъ важнѣйшимъ актомъ въ исторіи первоначальной подготовки реформы. Московская рѣчь безповоротно провозгласила неизбѣжность реформы. Рескриптъ Назимому вынесъ дѣло реформы изъ глубины секретныхъ комитетовъ на новое поприще самодѣятельной общественной инициативы. Но для полнаго достиженія этой послѣдней цѣли требовалась широкая огласка рескрипта, между тѣмъ большинство членовъ негласнаго комитета ни въ коемъ случаѣ не хотѣло допустить опубликованія рескрипта во всеобщее свѣдѣніе. И опять Государь самъ далъ плодотворный толчекъ дальнѣйшему ходу реформы. Принимая воронежскаго губернатора, Государь сообщилъ ему о состоявшемся только что актѣ, прибавивъ: «Я рѣшился дѣло привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь». Пораженный губернаторъ поспѣшилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ вопросомъ, получитъ ли онъ соотвѣтствующее предписаніе. Ланской отвѣчалъ утвердительно и, опираясь на слова Государя, не теряя времени, провелъ черезъ главный комитетъ постановленіе о разсылкѣ рескрипта всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства ввидѣ руководства на случай, если и другія дворянскія общества пожелаютъ послѣдовать примѣру литовскихъ дворянъ. По настоянію Милютина, Ланской распорядился безотлагательнымъ исполненіемъ этого постановленія. Необходимое количество экземпляровъ этого рескрипта было отпечатано въ одну ночь и тотчасъ же сдано на почту. Поспѣшность оказалась неизлишней. Большинство комитета уже готово было взять назадъ свое недавнее постановленіе, но было поздно.

Съ этого момента дѣло реформы вступаетъ въ новый фазисъ. Рескриптъ на имя Назимова былъ прямымъ вызовомъ всему россійскому дворянству. Мало-по-малу, то подъ давленіемъ уговоровъ губернаторовъ, то по инициативѣ либеральной части мѣстнаго дворянства, то въ силу сознанія невозможности пренебречь примѣромъ сосѣднихъ мѣстностей,—повсюду стали открываться дворянские комитеты для составленія проекта новаго крестьянскаго положенія на провозглашенныхъ въ рескриптѣ основаніяхъ. Тогда же петербургскій негласный комитетъ былъ преобразованъ въ «главный комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи».

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ губернскихъ комитетахъ, открывшихъ свою дѣятельность, начиналась борьба между крѣпостническимъ большинствомъ и либеральнымъ меньшинствомъ, въ столичныхъ сановныхъ и чиновныхъ кругахъ происходила также болѣе рѣзкая и опредѣленная группировка партій. Вмѣсто нерѣшительнаго Левшина правой рукой Ланского дѣлается Милютинъ, видный членъ либеральнаго салона вел. кн. Елены Павловны, исполненнаго горячаго сочувствія дѣлу крестьянской реформы; а въ главномъ комитетѣ опорою либеральнаго теченія является вел. кн. Константинъ Николаевичъ. За то и консервативная партія, пугавшаяся реформъ, подобрала силы и сплотилась для дѣйствій. Обѣ партіи старались доступными для нихъ средствами повліять на воззрѣнія и настроеніе Государя.

Теперь передъ Государемъ открывалась новая задача. Реформа вступила въ стадію практической разработки. Предстояло провести ея основанія чрезъ борьбу противорѣчивыхъ интересовъ. Предстояло удерживать обѣ партіи отъ проявленій крайней односторонности, сохранять въ возможномъ равновѣсіи общее направленіе дѣла и своевременными уступками то той, то другой сторонѣ умиротворять волнующіяся страсти, не упуская въ то же время изъ вида конечныхъ цѣлей предпринятаго преобразованія. Здѣсь требовался отъ Государя огромный запасъ политическаго такта и неослабнаго самообладанія. Въ попыткахъ сбить Государя съ занятой имъ позиціи высокаго безпристрастія не было недостатка. Сановные представители охранительной партіи, съ грустью взиравшіе на успѣхи освободительныхъ начинаній, понимая, что Государя уже нельзя переубѣдить, старались его запугать мнимыми опасностями. Органомъ своего вліянія на Государя они избрали весьма близкаго къ Государю человѣка—Якова Ивановича Ростовцева. Выборъ былъ удаченъ. Будущій поборникъ крестьянскаго дѣла еще примыкалъ въ это время къ рядамъ близорукихъ охранителей старины, а личное довѣріе, которое питалъ къ нему Государь, всего лучше обезпечивало успѣхъ идущимъ черезъ него внушеніямъ. Государя начали пугать перспективой массовыхъ крестьянскихъ волненій, чуть ли не соціальной революціей, которая можетъ вспыхнуть съ устраненіемъ такого оплота государственнаго порядка, какъ

подчиненіе крестьянъ власти помѣщиковъ. Можно было бы возразить на эти указанія, что «оплотъ порядка» уже подарилъ Россію пугачевщиной и непрерывной вереницей мѣстныхъ крестьянскихъ волненій, что отмѣна крѣпостного права принесетъ съ собою не растравленіе, а исцѣленіе старинныхъ общественныхъ язвъ, отъ которыхъ страдала Россія. Но неизвѣстность будущаго пугаетъ людей въ большей степени, чѣмъ горькіе уроки прошлаго. Устрашающія внушенія не остались безъ успѣха и фонды охранительной партіи начали повышаться. При составленіи программы для дѣятельности губернскихъ комитетовъ былъ принятъ уже не проектъ Ланского, а проектъ Ростовцева, болѣе благопріятный для помѣщичьихъ притязаній. Вслѣдъ затѣмъ положенъ былъ конецъ свободному обсужденію крестьянскаго вопроса въ повременной печати. Наконецъ, Ростовцевымъ былъ выработанъ проектъ учрежденія по всей Россіи временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями. Всѣ эти мѣры были продиктованы недоброжелательнымъ недовѣріемъ къ предпринятой реформѣ и чувствомъ безотчетнаго страха передъ ея послѣдствіями. Можно думать, что послѣднее чувство начало закрадываться въ душу самого Государя. Это выразилось въ тѣхъ отмѣткахъ, которыми Государь испещрилъ поля поднесеннаго ему Ланскимъ доклада съ энергической критикой проекта объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ *). Въ этихъ отмѣткахъ Государь опредѣленно выражалъ свои опасенія. Въ докладѣ говорилось, что крестьяне встрѣтятъ реформу съ полнымъ спокойствіемъ. Государь отмѣтилъ: «дай Богъ! но этой увѣренности по всему, до меня доходящему, я не имѣю». «Мы должны быть готовы ко всему» писалъ Государь противъ другого мѣста того же доклада. Въ отмѣткахъ Государя явно сквозило раздраженіе противъ тѣхъ круговъ, изъ среды которыхъ вышелъ разбираемый имъ докладъ, и даже недовѣріе къ искренности изложенныхъ въ докладѣ соображеній. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто. Въ докладѣ говорилось, что учрежденіе чрезвычайныхъ властей будетъ принято за проявленіе недовѣрія правительства къ населенію и вызоветъ въ свою очередь недовѣріе народа къ правительственнымъ начинаніямъ, чѣмъ только затруднится мирное введеніе реформы. Государь замѣтилъ на это: «всѣ эти опасенія возбуждены людьми, которые желали-бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т. е. ниспроверженія законнаго порядка» Неудовольствіе, выраженное Государемъ на изложенныя въ докладѣ министра соображенія, было столь велико, что Ланской счелъ нужнымъ заговорить съ Государемъ о своей отставкѣ. Отмѣченный эпизодъ показываетъ, какъ настойчиво проводила свое вліяніе на Государя та охранительная партія, орудіемъ которой служилъ въ то время Ростовцевъ. Государь не могъ вполнѣ противостоять ея усиліямъ, но то были лишь частичныя колебанія. Вѣра въ начатое дѣло, глубокое убѣжденіе въ его своевременности и необходимости, не разъ заявленная твердая рѣшимость довести его до конца—превозмогли надъ этими колебаніями. Отставка Ланского не была принята, а проектъ Ростовцева не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Мы уже не находимъ слѣдовъ такихъ колебаній въ тѣхъ рѣчахъ, съ которыми Государь обратился къ представителямъ дворянства во время своей поѣздки по Россіи въ августѣ и сентябрѣ 1858 г. Эта поѣздка, явившаяся новымъ знакомъ личной иниціативы Государя въ крестьянскомъ дѣлѣ и показавшая, какъ внимательно слѣдилъ Государь за всѣми перипетіями въ дѣятельности дворянскихъ комитетовъ, получила весьма важное значеніе для дальнѣйшаго хода реформы. Партійная борьба въ комитетахъ была въ то время уже въ полномъ разгарѣ. Обозначились какъ перекрестныя общественныя теченія, возбужденныя приближеніемъ реформы, такъ и тѣ цѣли и средства, которыхъ будетъ держаться каждое изъ этихъ теченій. Въ точныхъ, глубоко продуманныхъ и взвѣшенныхъ словахъ Государь опредѣлилъ свое отношеніе къ этимъ теченіямъ въ рядѣ рѣчей, обращенныхъ къ дворянскимъ представителямъ разныхъ губерній. Крестьянская реформа вызвана потребностями общаго блага; содѣйствіе ея осуществленію является поэтому патріотической обязанностью дворянства, какъ передового сословія; реформа можетъ и должна быть выполнена съ взаимнымъ соглашеніемъ частныхъ интересовъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословій — таковы были основныя положенія, *провозглашенныя Государемъ* въ рѣчахъ, обращенныхъ къ тверскому, костромскому, нижегородскому, смоленскому, и виленскому дворянствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рѣчахъ къ дворянамъ владимірскимъ и московскимъ Государь категорически осудилъ попытки ввести въ работы комитетовъ положенія, подсказанныя духомъ узко-сословнаго эгоизма. Откровенныя, не допускающія сомнѣній рѣчи Государя благотворно освѣжили общественную атмосферу, пропитанную колебаніями и недоумѣніями, которыя питались противорѣчивыми отголосками столичной партійной борьбы. Эти рѣчи давали точку опоры для либеральнаго меньшинства членовъ губернскихъ комитетовъ, которое стремилось выработать возможно болѣе широкія и согласныя съ общегосударственными задачами основанія для будущей реформы.

Скоро два новыя обстоятельства дали въ высшей степени благотворный толчекъ ходу реформы. Ростовцевъ, чьи указанія имѣли столь большой вѣсъ въ глазахъ Государя, воспользовался заграничнымъ отпускомъ для основательнаго изученія крестьянскаго вопроса и въ результатѣ этого изученія превратился въ горячаго сторонника не только дарованія крестьянамъ личной свободы, но и надѣленія ихъ при освобожденіи земельною собственностью посредствомъ выкупа. Онъ развилъ свои новыя идеи въ рядѣ писемъ къ Государю, которыя произвели на послѣдняго чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Мысль о выкупѣ надѣловъ, выдвинутая впервые дворянскими комитетами и печатью, долго считалось запретной на томъ основаніи, что она не вошла въ Высочайшіе рескрипты 1857 г. Мало-по-малу дворянскіе комитеты добились разрѣшенія составить особыя положенія о выкупѣ. Теперь обращеніе Ростовцева въ пользу этой идеи твердо обезпечивало ей шансы на успѣхъ. Систематическія извлеченія изъ писемъ Ростовцева были разсмотрѣны въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ главнаго комитета. Государь живо интересовался этими засѣданіями и все время велъ ихъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ.

Вторымъ важнымъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ исходъ реформы, было образованіе при главномъ комитетѣ редакціонныхъ коммиссій для выработки общаго проекта новаго положенія о крестьянахъ изъ всѣхъ проектовъ, доставленныхъ губернскими комитетами. Мысль объ учрежденіи редакціонныхъ коммиссій была выдвинута одновременно и Ланскимъ, котораго вдохновлялъ Милютинъ, и Ростовцевымъ, который дѣйствовалъ теперь въ согласіи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Извѣстно, что

*) По указанію нѣкоторыхъ, докладъ этотъ былъ составленъ Милютинымъ, но въ дѣйствительности, записку составилъ В. А. Арцимовичъ. Ср. книгу *А. Ѳ. Кони* «За послѣдніе годы», и его же статьи въ «Вѣст. Евр.» 1893, № 4 и въ «Правѣ» 1903 г 2 марта. *Ред.*

возникновеніе этихъ коммиссій знаменовало собою передачу крестьянскаго дѣла въ руки людей, горячо ратовавшихъ за осуществленіе реформы на возможно болѣе широкихъ началахъ Предсѣдателемъ коммиссій Государь назначилъ Ростовцева, предоставивъ его личному усмотрѣнію опредѣленіе ихъ состава, а Ростовцевъ съ своей стороны широко воспользовался при этомъ совѣтами Милютина.

Теплыми словами привѣта и ободренія напутствовалъ Государь членовъ редакціонныхъ коммиссій, сказавъ имъ между прочимъ на пріемѣ 6 марта 1858 г «...Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю... Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду». Государь слѣдилъ за ходомъ занятій въ коммиссіяхъ съ напряженнымъ вниманіемъ, прочитывая всѣ журналы ихъ засѣданій и наиболѣе важные изъ обсуждавшихся тамъ докладовъ.

Между тѣмъ многозначительность наступившаго момента и быстрое развитіе событій все чаще вызывали Государя на торжественныя заявленія своихъ личныхъ мнѣній по поводу различныхъ сторонъ крестьянскаго дѣла. Характеръ этихъ заявленій былъ тотъ же, что и прежде: успокаивающій, примирительный, хотя и не оставлявшій никакого сомнѣнія въ твердой рѣшимости довести до конца предпринятое преобразованіе. Чѣмъ болѣе приближалось къ окончанію дѣло реформы, тѣмъ сильнѣе разгорались общественныя страсти, тѣмъ острѣе, тѣмъ осложненнѣе становилась борьба между представителями противорѣчивыхъ интересовъ. До драматическаго напряженія доходили столкновенія между редакціонными коммиссіями и вызванными въ Петербургъ депутатами отъ дворянскихъ комитетовъ. Въ словахъ, обращенныхъ къ депутатамъ при ихъ представленіи Государю, въ рѣчахъ, сказанныхъ по разнымъ случаямъ въ Харьковѣ, Псковѣ представителямъ мѣстнаго дворянства, Государь неизмѣнно взывалъ къ взаимному соглашенію всѣхъ прикосновенныхъ къ реформѣ общественныхъ группъ и каждый разъ повторялъ, что дѣло можетъ быть окончено «къ общей взаимной пользѣ обѣихъ сторонъ».

Личныя воззрѣнія Государя на исходъ реформы вполнѣ совпадали въ это время съ тѣми идеями, которыя господствовали въ средѣ редакціонныхъ коммиссій. Государь сталъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землей посредствомъ добровольнаго выкупа земельныхъ надѣловъ. Это какъ нельзя болѣе ясно выразилось во время столкновенія, разыгравшагося въ средѣ самихъ коммиссій, когда Шуваловъ и Паскевичъ возстали противъ надѣленія крестьянъ землей. Государь надписалъ на докладѣ Паскевича, что превращеніе крестьянъ въ земельныхъ собственниковъ «есть существенное условіе, отъ котораго онъ ни подъ какимъ видомъ не отойдетъ».

Сочувствіе Государя проектамъ коммиссій, посредничество Ростовцева, который, неизмѣнно пользуясь довѣріемъ Государя, сливалъ свою личную судьбу съ судьбою крестьянскаго дѣла и дѣлилъ съ членами коммиссій и радость успѣха, и отраву враждебныхъ клеветъ,—все это давало дѣятелямъ редакціоннымъ коммиссій надежную точку опоры среди сыпавшихся на нихъ нареканій и всякаго рода злобныхъ нападокъ.

И вотъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда эти нападки достигли, казалось, наивысшаго напряженія, передъ коммиссіями и передъ Государемъ непредвидѣнно всталъ новый тяжелый вопросъ. 6 февраля 1860 г. скончался Ростовцевъ, прошептавъ передъ своимъ послѣднимъ вздохомъ присутствовавшему при его кончинѣ Государю: «Государь, не бойтесь!».

Кто замѣнитъ Ростовцева? Вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣло теперь очень многое въ дальнѣйшемъ ходѣ крестьянскаго дѣла. Выборъ, сдѣланный Государемъ, вновь свидѣтельствовалъ о его постоянномъ стремленіи къ смягченію партійной борьбы, по возможности безъ ущерба для интересовъ реформы. Ввиду сильнаго раздраженія на дѣятельность редакціонныхъ коммиссій, обнаруженнаго сторонниками дворянскихъ привилегій, Государь считалъ нужнымъ сдѣлать видимую уступку дворянской партіи, нисколько не отступая въ то же время отъ своего сочувственнаго отношенія къ проектамъ редакціонныхъ коммиссій. И вотъ, его выборъ палъ на человѣка, который одинаково былъ извѣстенъ какъ крѣпостническими убѣжденіями, такъ и готовностью исполнять какія угодно приказанія свыше вопреки своимъ убѣжденіямъ. То былъ министръ юстиціи гр. Панинъ. Одно имя новаго предсѣдателя всколыхнуло радостныя надежды крѣпостниковъ и возбудило удручающую тревогу среди передовыхъ дѣятелей редакціонныхъ коммиссій. Но, ввѣряя Панину этотъ отвѣтственный постъ, Государь поставилъ ему условіе «вести все такъ, какъ было до него», а одному изъ членовъ коммиссій—Семенову—было сказано Государемъ: «я прошу тебя успокоить своихъ товарищей... Я не только не допущу никакого измѣненія въ составѣ коммиссій, но и обезпечу вамъ составленіе проекта согласно мнѣнію большинства безъ всякаго препятствія со стороны предсѣдателя коммиссій. Васъ, сотрудниковъ покойнаго Іакова Ивановича, прошу окончить дѣло въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ мы его вели доселѣ». Ясно, что назначеніе Панина, имѣвшее цѣлью успокоить расходившіяся страсти враждебныхъ реформѣ элементовъ, не знаменовало собою никакой перемѣны въ преобразовательныхъ намѣреніяхъ самого Государя. Какъ бы въ противовѣсъ этому назначенію вскорѣ состоялось другое: предсѣдательство въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу было передано вмѣсто заболѣвшаго кн. Орлова вел. кн. Константину Николаевичу, неизмѣнному стороннику реформы.

10 октября 1860 г. занятія редакціонныхъ коммиссій закончились и составленные ими проекты положеній о крестьянахъ перешли въ главный комитетъ. Тамъ начались бурныя пренія, занявшія болѣе сорока длинныхъ засѣданій. Государь предоставилъ комитету полную свободу дѣйствій, замкнувшись въ строго нейтральной выжидательной позиціи. «Императоръ—читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ хорошо освѣдомленнаго наблюдателя *)—остается безмолвнымъ и безстрастнымъ и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній Его Величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе Императоромъ всего этого дѣла дѣлаетъ ему величайшую честь».

Когда наконецъ, благодаря искусной и тактичной хлопотливости предсѣдательствовавшаго въ комитетѣ вел. кн. Константина Николаевича, проектъ редакціонныхъ коммиссій былъ принятъ комитетомъ—впрочемъ не безъ серьезныхъ частныхъ измѣненій—и его оставалось только провести черезъ государственный совѣтъ, Государь снова возвысилъ голосъ. Онъ выступилъ теперь съ рѣшительнымъ и авторитетнымъ изъявленіемъ своей воли. Закрывая комитетъ, Государь лестно отозвался о трудахъ редакціонныхъ коммиссій и затѣмъ заявилъ, что предоставивъ полную свободу выраженію разнообразныхъ мнѣній въ комитетѣ, онъ не допуститъ болѣе никакихъ проволочекъ и назначаетъ послѣднимъ срокомъ завершенія всего дѣла 15 февраля 1861 г. «Этого—сказалъ Государь—я желаю, требую, повелѣ-

*) Головнина, близкаго къ вел. кн. Константину Николаевичу.

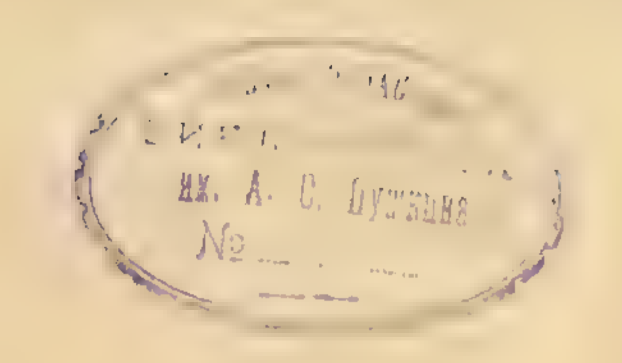
ваю». Разсмотрѣніе положеній о крестьянахъ въ государственномъ совѣтѣ началось 28 января 1861 г. въ личномъ присутствіи Государя, который открылъ засѣданія обширною рѣчью. Эта рѣчь, бывшая по свидѣтельству Головнина совершенно свободной импровизаціей, состояла изъ замѣчательнаго вступленія и краткаго обзора правительственныхъ мѣропріятій, подготовившихъ отмѣну крѣпостного права. Прежде всего Государь повторилъ свое желаніе, чтобы положеніе о крестьянахъ было окончательно обсуждено къ половинѣ февраля и могло быть обнародовано къ открытію полевыхъ работъ. Затѣмъ Государь выразилъ похвалу «тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ»; засвидѣтельствовалъ «передъ потомствомъ», что приступъ къ реформѣ былъ сдѣланъ «по вызову самого дворянства» и просилъ при окончательномъ обсужденіи законопроекта согласить возможно меньшія пожертвованія со стороны дворянъ съ дѣйствительнымъ «не на бумагѣ, а на дѣлѣ» улучшеніемъ крестьянскаго быта. Сдѣлавъ затѣмъ обзоръ хода подготовительныхъ къ реформѣ работъ, Государь заключилъ свою рѣчь требованіемъ, чтобы члены государственнаго совѣта, «отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники».

Государственный совѣтъ засѣдалъ ежедневно. Засѣданія были столь же бурны, какъ и въ главномъ комитетѣ. Государь, утверждавшій отдѣльно журналъ каждаго засѣданія, соглашался большею частью съ мнѣніемъ меньшинства. Только уменьшеніе предѣльныхъ размѣровъ надѣла и введеніе дарового надѣла были утверждены Государемъ согласно мнѣнію большинства.

17 февраля занятія Совѣта были закончены, а 19 февраля проектъ манифеста и указа сенату былъ доставленъ въ Зимній дворецъ государственнымъ секретаремъ Бутковымъ. Удаливъ всѣхъ изъ своего кабинета, «наединѣ съ своею совѣстью» Государь подписалъ манифестъ, возвѣщавшій по счастливому выраженію одного писателя милліонамъ живыхъ мертвецовъ день воскресенія.

Сопоставленные факты съ достаточною ясностью обрисовываютъ личную роль Имп. Александра Николаевича въ осуществленіи первой великой реформы его царствованія. Своевременнымъ проявленіемъ своей иниціативы онъ безповоротно выдвинулъ крестьянскую реформу на поприще практическаго осуществленія. Съ мудрой рѣшительностью слѣдуя указаніямъ времени, онъ покинулъ традиціонный путь обсужденія реформы въ секретныхъ комитетахъ и призвалъ само общество къ разработкѣ намѣченнаго преобразованія, а затѣмъ, зорко слѣдя за ходомъ реформаціонныхъ работъ, съ чрезвычайнымъ тактомъ выбиралъ время и внѣшнія формы для заявленія своихъ личныхъ взглядовъ на ту или другую сторону крестьянскаго дѣла. Въ одномъ изъ докладовъ, представленныхъ Государю Ланскимъ еще въ самомъ началѣ преобразовательныхъ работъ, весьма удачно было выражено, какого образа дѣйствій надлежитъ держаться правительству въ періодъ разработки реформы: «надо дѣйствовать—говорилось въ докладѣ—осторожно, но постоянно, не смущаясь возгласами ни пылкихъ любителей новизны, ни упорныхъ поклонниковъ старины». Исторія должна засвидѣтельствовать, что Имп. Александръ Николаевичъ близко подошелъ къ этому идеалу въ своихъ дѣйствіяхъ по крестьянской реформѣ и, если и бывали моменты, когда возгласы упорныхъ поклонниковъ старины наводили тѣнь смущенія на его душу, то все же, несмотря на это, онъ съ истиннымъ достоинствомъ провелъ дѣло крестьянской реформы мимо тѣхъ мелей, у которыхъ оно могло надолго задержаться, и тѣхъ подводныхъ камней, о которые оно могло совершенно разбиться. Если искусство править состоитъ въ умѣніи вѣрно опредѣлять назрѣвшія потребности данной эпохи, открывать свободный выходъ таящимся въ обществѣ жизнеспособнымъ и плодотворнымъ стремленіямъ, съ высоты мудраго безпристрастія умиротворять взаимно враждебныя партіи силою разумныхъ соглашеній,—то нельзя не признать, что Имп. Александръ Николаевичъ вѣрно понялъ сущность своего призванія въ достопамятные 1855—1861 годы своего царствованія. Онъ твердо выдержалъ свой постъ на «кормѣ родного корабля» въ эти трудные годы его плаванія, по праву заслуживъ пріобщеніе къ своему имени завиднаго эпитета Освободителя.

Великій Князь КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Н. П. Павловъ-Сильванскаго.

«Первый мой помощникъ въ крестьянскомъ дѣлѣ» такъ охарактеризовалъ Императоръ Александръ II участіе великаго князя Константина Николаевича въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Ему по праву принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду незабвенныхъ дѣятелей великихъ реформъ 60-хъ годовъ.

Великій князь обладалъ живымъ, воспріимчивымъ умомъ пылкимъ, увлекающимся характеромъ и достаточной степенью упорства. Пылкій и настойчивый человѣкъ, слишкомъ рѣзкій и увлекающійся, недостаточно глубокій и сильный волей, онъ, отдавшись служенію передовымъ идеямъ своего времени, оказался необходимымъ и важнымъ двигателемъ реформъ по тому извилистому и боевому пути, какимъ онѣ шли въ 50-е и 60-е годы.

Воспитаніе великаго князя совершенно не соотвѣтствовало этой главной его исторической дѣятельности, которая, какъ и у большинства дѣятелей его времени, шла въ разрѣзъ съ началами его отца. Николай Павловичъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего сына спеціалиста-моряка и поручилъ его воспитаніе морскому офицеру Ѳ. П. Литке (впослѣдствіи графу, президенту академіи наукъ). Главное вниманіе по части собственно воспитанія Литке долженъ былъ обратить на строгую дисциплину, а по части образованія—на морскія и военныя науки. Поручая барону М. А. Корфу преподавать Константину Николаевичу статистику и законовѣдѣніе, Императоръ Николай рекомендовалъ ему «долго не останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ» и въ видѣ руководства въ преподаваніи юриспруденціи преподалъ слѣдующія правила, ее отрицающія: «лучшая теорія права — добрая нравственность; а она должна быть въ сердцѣ независимой отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ религію».

16 лѣтъ, въ 1843 г., Константинъ Николаевичъ получаетъ чинъ лейтенанта и назначается командиромъ морского военнаго судна, брига «Улиссъ». Въ 1844 г. онъ совершаетъ первое большое морское плаваніе изъ Архангельска въ Кронштадтъ, а 1845 годъ весь посвящаетъ морскимъ путешествіямъ въ Константинополь, Францію и Англію. Въ 1847 г. великій князь достигъ совершеннолѣтія (онъ родился 9 сентября 1827 г.) и закончилъ учебныя занятія; въ томъ же году состоялось его бракосочетаніе съ великой княгиней Александрою Іосифовною (принцессою Саксенъ-Альтенбургской). Въ 1849 г. онъ участвовалъ въ венгерской кампаніи и получилъ георгіевскій крестъ. Императоръ Николай цѣнилъ его способности и рано привлекъ его къ дѣламъ управленія: въ 1850 г. великій князь былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а въ 1853 г. управляющимъ морскимъ министерствомъ. По вступленіи на престолъ Императора Александра II, Константинъ Николаевичъ началъ крупныя преобразованія по флоту и морскому управленію и многими мѣропріятіями по своему вѣдомству, касавшимися общихъ началъ управленія, поставилъ на очередь общегосударственныя реформы. Григоровичъ въ 1859 г. писалъ объ этихъ либеральныхъ начинаніяхъ Константина Николаевича: «флотъ нашъ идетъ настоящимъ курсомъ и при томъ полнымъ ходомъ впередъ; жаль только, что самъ подвигаясь такъ быстро, не беретъ онъ къ себѣ никого на буксиръ» (Путешествіе на кораблѣ Ретвизанъ); сожалѣніе это оказалось неосновательнымъ: примѣръ великаго князя оказалъ благое вліяніе на другихъ.

Занимаясь въ эти годы дѣлами флота, Константинъ Николаевичъ постоянно имѣетъ въ виду общія реформы; въ одномъ изъ своихъ писемъ 1857 г. онъ говоритъ о необходимости скорѣйшаго разрѣшенія вопросовъ о крѣпостномъ правѣ и о раскольникахъ, «о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицію нашу такъ, чтобъ приказанія правительства исполнялись и чтобъ высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣзаконнымъ средствамъ»; о необходимости изыскать новые источники народнаго богатства, «ибо—писалъ онъ—мы не можемъ далѣе себя обманывать и должны сказать, что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и притомъ бѣднѣе не только матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи». Въ обществѣ этого времени недаромъ составилось представленіе о Константинѣ Николаевичѣ, какъ о «главѣ прогресса»: его первые шаги по пути реформъ имѣли весьма важное значеніе.

Задолго до того, какъ Императоръ Александръ II рѣшился приступить къ дѣлу уничтоженія крѣпостнаго права, Константинъ Николаевичъ проникся твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости и своевременности этой реформы. Въ апрѣлѣ 1855 г., въ разговорѣ о законѣ, касавшемся крестьянъ юго-западнаго края, онъ замѣтилъ: «вѣдь это подготовляетъ волю; дай Богъ кончить войну, а потомъ начнемъ другое дѣло». Въ 1856 г., ознакомившись, какъ управляющій морскимъ вѣдомствомъ, съ тягостнымъ положеніемъ охтенскихъ казенныхъ поселянъ, состоявшихъ въ крѣпостной зависимости отъ петербургскаго адмиралтейства, великій князь немедленно возбудилъ вопросъ объ отпускѣ ихъ на волю. Черезъ два года, какъ только 10 апрѣля 1858 г. охтенскіе крѣпостные поселяне были освобождены, великій князь тотчасъ же приступаетъ къ освобожденію на тѣхъ же основаніяхъ крестьянъ черноморскихъ адмиралтейскихъ селеній.

Горячій и смѣлый сторонникъ воли, Константинъ Николаевичъ рѣшительно вступилъ въ борьбу съ тѣми изъ ближайшихъ сотрудниковъ Императора, которые несочувственно или враждебно относились къ отмѣнѣ крѣпостного права, и оказалъ сильную

поддержку немногочисленнымъ вначалѣ сторонникамъ реформы. Вмѣстѣ съ вел. княг. Еленой Павловною, просвѣщенною сторонницей реформъ, Константинъ Николаевичъ повліялъ на рѣшимость Государя немедленно приступить къ этому трудному дѣлу и затѣмъ поддерживалъ его въ частыя минуты колебаній.

Въ октябрѣ 1856 г. Н. А. Милютинъ писалъ вел. княг. Еленѣ Павловнѣ: «при первомъ приступѣ къ реформѣ (освобожденія крестьянъ) нужна для успѣха дѣла *твердая нравственная* опора, чтобы придать съ самаго начала твердость идеямъ и убѣжденіямъ, еще столь колеблющимся. Обыкновенный дѣятель, подобный лицу, указанному Вашимъ Высочествомъ, не могъ бы имѣть ни авторитета, ни независимости, необходимыхъ для такой роли. Онъ повредилъ бы себѣ, не достигнувъ цѣли. Беру на себя смѣлость указать единственное лицо, которое обладаетъ всѣмъ необходимымъ, чтобы быть выразителемъ мыслей Вашего Высочества»—Милютинъ имѣлъ при этомъ въ виду вел. кн. Константина Николаевича и въ немъ именно неокрѣпшая еще идея реформы нашла себѣ въ самомъ началѣ «твердую опору».

Первый приступъ къ преобразованію сдѣланъ былъ Государемъ въ отсутствіе Константина Николаевича: когда 3 января 1857 г. образованъ былъ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу, великій князь находился заграницей; втеченіе пяти мѣсяцевъ онъ путешествовалъ по Германіи, Франціи и Англіи.

Въ это время *секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу*, не сочувствовавшій освобожденію крестьянъ, полгода просуществовалъ безплодно. Лишь только Константинъ Николаевичъ вернулся въ Россію, Александръ II, тѣмъ временемъ также побывавшій заграницей, назначилъ его въ іюлѣ 1857 г. членомъ комитета. Это назначеніе сразу дало сильный толчекъ движенію вопроса. Принявшись за дѣло со свойственною ему энергіей, великій князь имѣлъ рядъ совѣщаній съ оставшимися въ Петербургѣ въ эти лѣтніе мѣсяцы членами комитета: Орловымъ, Ланскимъ, Чевкинымъ и Ростовцевымъ, и сговорился съ ними о нѣкоторыхъ началахъ преобразованія. Въ лицѣ Константина Николаевича въ комитетъ вступилъ наиболѣе убѣжденный и смѣлый защитникъ немедленнаго освобожденія крестьянъ. Первыя усилія его, однако, не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій, происходившихъ 14-го, 17-го и 18-го августа 1857 г., большинство комитета, вопреки настояніямъ великаго князя, оставшагося въ меньшинствѣ, признало необходимымъ вести дѣло «улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ» съ осторожностью и постепенностью, предложивъ для начала ограничиться изданіемъ указа о дозволеніи дворянамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыми селеніями.

Государь утвердилъ мнѣніе большинства комитета, отложивъ, такимъ образомъ, приступъ къ реформѣ на неопредѣленное время. Но черезъ три мѣсяца мнѣніе меньшинства, руководимаго великимъ княземъ, восторжествовало. Получивъ адресъ дворянства трехъ сѣверозападныхъ губерній, выразившаго (по внушенію генералъ-губернатора Назимова) желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Государь приказалъ комитету немедленно обсудить главныя основанія реформы, предложивъ въ руководство проектъ, составленный ранѣе Н. А. Милютинымъ. Въ весьмидневный срокъ, указанный Государемъ, комитетъ выработалъ знаменитый отвѣтный рескриптъ генералъ-губернатору Назимову 20-го ноября 1857 г.; этимъ рескриптомъ устанавливались главныя начала освобожденія крестьянъ и повелѣвалось открыть дворянскіе комитеты въ трехъ литовскихъ губерніяхъ и общую коммисію въ Вильнѣ для составленія проектовъ «устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ». Въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ было указано, что «улучшеніе быта крестьянъ» означаетъ освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Слова «освобожденіе крестьянъ» были, наконецъ, произнесены. Но въ рескриптѣ Государя и въ бумагѣ Ланского рѣчь шла пока еще не объ общегосударственной реформѣ, а только о мѣстныхъ преобразованіяхъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ. Опасаясь, чтобы реформа не ограничилась этими тремя губерніями, великій князь *предложилъ комитету разослать рескриптъ и пояснительное отношеніе ко всѣмъ губернаторамъ для свѣдѣнія и соображенія*. Благодаря его настойчивости, комитетъ одобрилъ эту мѣру, не уяснивъ себѣ всего ея значенія. Незначительная на первый взглядъ мѣра, столь своевременно и смѣло проведенная великимъ княземъ, сильно двинула впередъ все дѣло освобожденія. Разсылкою этихъ бумагъ правительство предложило дворянству всѣхъ губерній слѣдовать примѣру дворянства литовскаго и открыто ставило на очередь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ по всей Россіи. Большинство комитета на другой-же день поняло значеніе этого шага и рѣшилось испросить Высочайшее разрѣшеніе на пріостановку разсылки рескрипта. Но было уже поздно; по распоряженію мин. внутр. дѣлъ Ланского и его вдохновителя Н. А. Милютина бумаги были отпечатаны немедленно, въ ночь на 21-е ноября, и были уже сданы на почту.

Дальнѣйшій сильный толчекъ движенію дѣла дала рѣчь Государя къ петербургскому дворянству 9-го декабря 1857 г. и открытіе петербургскаго губернскаго комитета по крестьянскому вопросу. Послѣ этого великому князю, дѣйствовавшему въ согласіи съ вел. княг. Еленой Павловной и Милютинымъ, удалось провести мысль о приданіи дѣлу освобожденія крестьянъ полной гласности. Еще въ августѣ 1857 г. онъ пытался убѣдить членовъ секретнаго комитета въ необходимости огласить предположенныя начала реформы, но тогда встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны большинства комитета; теперь, уступая настойчиво выраженному великимъ княземъ мнѣнію, комитетъ согласился на опубликованіе рескриптовъ и въ особенности министерскихъ циркуляровъ. Въ связи съ этимъ секретный комитетъ 8-го января 1858 г. былъ переименованъ въ «Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу».

Когда, въ отвѣтъ на призывъ правительства, начали поступать изъ губерній ходатайства дворянъ объ открытіи мѣстныхъ комитетовъ, великій князь настаивалъ на томъ, чтобы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дворянство медлило своими ходатайствами, комитеты были учреждены, не ожидая почина дворянъ. Извѣстная всѣмъ рѣзкость Константина Николаевича дала поводъ противникамъ реформы распустить слухъ о томъ, что въ засѣданіи комитета по этому вопросу онъ отозвался о дворянствѣ въ крайне оскорбительныхъ выраженіяхъ. Вмѣстѣ съ другими передовыми дѣятелями онъ вообще подвергался ожесточеннымъ нападкамъ со стороны многочисленныхъ защитниковъ стараго порядка.

Осенью 1858 г., ознакомившись съ проектами «Положеній», составляемыхъ губернскими дворянскими комитетами, Главный комитетъ рѣшилъ выработать основныя начала освобожденія крестьянъ. При обсужденіи этого вопроса мнѣнія членовъ комитета рѣзко разошлись. Успѣшному движенію великаго дѣла грозила новая опасность. Великій князь употребилъ всѣ старанія, чтобы примирить разногласія двухъ виднѣйшихъ членовъ комитета, Ланского и Ростовцева и это ему удалось. Установленныя тогда при его дѣятельномъ участіи «основныя положенія» послужили исходной точкой работъ учрежденныхъ вскорѣ послѣ того «редакціонныхъ коммиссій».

Съ открытіемъ редакціонныхъ коммиссій въ мартѣ 1859 г. къ нимъ перешелъ центръ тяжести работъ по крестьянскому дѣлу и дѣятельность главнаго комитета почти совершенно прекратилась на полтора года. Великій князь не принималъ участія въ капитальной работѣ этихъ коммиссій по окончательному выясненію главныхъ началъ и разработкѣ всѣхъ подробностей реформы. Въ концѣ ноября 1858 г. онъ отправился въ продолжительное путешествіе за границу, посѣтилъ Парижъ, Аѳины, Іерусалимъ, Константинополь и три мѣсяца прожилъ въ Ольмюцѣ.

Во время путешествія великій князь внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось на родинѣ, и велъ обширную переписку офиціальную и частную съ русскими государственными дѣятелями. Члены редакціонныхъ коммиссій, съ Н. А. Милютинымъ во главѣ, защищавшіе интересы крестьянъ, стремившіеся къ наибольшему обезпеченію ихъ землей при освобожденіи, знали, что великій князь вполнѣ сочувствуетъ ихъ стремленіямъ, и увѣренность въ этомъ давала имъ бодрость въ тяжелой борьбѣ съ противниками крестьянской реформы. Константинъ Николаевичъ, одинъ изъ всѣхъ членовъ главнаго комитета (не считая Ростовцева и затѣмъ Панина, предсѣдательствовавшихъ въ коммиссіяхъ) слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ законопроекта при дѣятельномъ содѣйствіи своего секретаря А. В. Головнина, который, будучи другомъ Н. А. Милютина и пріятелемъ многихъ выдающихся членовъ редакціонныхъ коммиссій, всегда зналъ, что въ нихъ происходило и служилъ вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ С. М. Жуковскимъ живою связью между великимъ княземъ и коммиссіями. Благодаря этому, великій князь ознакомился не только съ существенными сторонами проекта, но и съ мотивами его, которыхъ редакціонныя коммиссіи не успѣли изложить въ объяснительной запискѣ, вслѣдствіе поспѣшности ихъ закрытія, и явился наилучше подготовленнымъ для успѣшнаго выполненія возложенной на него государемъ отвѣтственной задачи предсѣдательства въ главномъ комитетѣ во время обсужденія проекта коммиссій.

Назначеніе Константина Николаевича въ октябрѣ 1860 г. предсѣдателемъ главнаго комитета, на мѣсто заболѣвшаго кн. А. Ѳ. Орлова, было радостно встрѣчено сторонниками реформы. Великая княгиня Елена Павловна, спѣша сообщить эту «добрую вѣсть» Милютину, замѣтила: «avais je raison de croire à une providence spéciale pour la Russie et pour vous tous» (не права ли я была, вѣря, что особое провидѣніе хранитъ Россію и всѣхъ васъ). Великій князь, ознакомившись съ трудомъ редакціонныхъ коммиссій, оцѣнилъ его весьма высоко. Елена Павловна писала главному дѣятелю коммиссій Милютину 14-го октября 1860 г.: «Я сказала вел. кн. Константину, что вы единственно изъ скромности не представились ему, чтобы поблагодарить его за то вниманіе, съ какимъ онъ отнесся къ вамъ во время вашей болѣзни. *Я его заставлю придти*—*сказалъ великій князь* съ большой живостью, — я долженъ и хочу его видѣть. Я не устроилъ этого до сихъ поръ, потому что хотѣлъ сначала прочесть «Положенія», чтобы быть въ состояніи ихъ обсуждать. Теперь я ихъ прочелъ; это памятникъ, который всегда будетъ служить къ величайшей чести коммиссіи, какъ бы кто къ ней ни относился. Великій князь возмущенъ отношеніемъ Панина ко всѣмъ вамъ».

Законопроектъ, выработанный редакціонными коммиссіями послѣ долгой и горячей борьбы противоположныхъ мнѣній, поступилъ на обсужденіе главнаго комитета, въ которомъ большинство членовъ, по прежнему, боязливо или несочувственно относилось къ дѣлу освобожденія вообще и завѣдомо враждебно настроено было противъ предложеній коммиссій; Государь не принялъ еще окончательнаго рѣшенія, выжидая соглашенія двухъ партій. Благодаря членовъ редакціонныхъ коммиссій за ихъ трудъ, онъ замѣтилъ, что въ этомъ трудѣ «быть можетъ, придется многое измѣнить» Назначеніе великаго князя предсѣдателемъ главнаго комитета давало ему возможность оказать сильное вліяніе на успѣшное окончаніе дѣла, которому онъ горячо сочувствовалъ. Понимая величіе этого дѣла, онъ отдалъ на служеніе ему всѣ свои силы. Усвоивъ всецѣло точку зрѣнія передовыхъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, онъ поставилъ себѣ задачей провести проекты ихъ въ комитетѣ по возможности безъ всякихъ измѣненій.

Разсмотрѣнію проектовъ «Положеній» комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся болѣе шести и даже семи часовъ, при постоянномъ участіи великаго князя, являвшагося не только въ роли предсѣдателя, но и дѣятельнаго участника горячихъ преній. «Нужно отдать справедливость великому князю-предсѣдателю, — писалъ А. В. Головнинъ, — что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила великаго князя, и по прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены».

За проектъ редакціонныхъ коммиссій, кромѣ великаго князя, стояло только три члена комитета: Ланской, Чевкинъ и гр. Блудовъ, вполнѣ сочувствовавшіе дѣлу освобожденія крестьянъ. Большинство шести членовъ отвергало проектъ редакціонныхъ коммиссій и наиболѣе рѣшительно основную его часть — поземельное устройство крестьянъ. Эти шесть членовъ, одинаково стремившіеся урѣзать въ интересахъ помѣщиковъ возможно болѣе земельные надѣлы освобождаемыхъ крестьянъ, не успѣли, однако, придти между собою къ соглашенію и разбились на три мнѣнія: М. Н. Муравьева, кн. Гагарина и гр. Панина. Горячо *и ясно доказывалъ великій князь*,—*сообщаетъ* П. П. Семеновъ,— что при осуществленіи предположеній этихъ трехъ лицъ крестьяне будутъ надѣлены землею въ размѣрахъ, недостаточныхъ для поддержанія ихъ благосостоянія, что по проекту гр. Панина у крестьянъ отойдетъ *одна треть* надѣловъ, обезпечивавшихъ ихъ бытъ ранѣе, при крѣпостномъ правѣ, что по проекту Муравьева у нихъ должна быть отобрана *большая половина* этихъ надѣловъ, а по мысли князя Гагарина—три четверти.

Прошло два мѣсяца, но члены комитета не могли придти къ соглашенію. Согласно желанію государя, великій князь рѣшился употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдить графа Панина, наиболѣе вліятельнаго изъ своихъ противниковъ, присоединиться къ мнѣнію трехъ членовъ, одинаково съ великимъ княземъ сочувствовавшихъ проекту редакціонныхъ коммиссій. Константинъ Николаевичъ пригласилъ графа Панина на вечернее совѣщаніе 11 декабря 1860 г. въ свой дворецъ и въ помощь себѣ призвалъ бывшаго членомъ редакціонныхъ коммиссій П. П. Семенова. «Никогда не изгладятся изъ моей памяти,— говоритъ П. П. Семеновъ, — тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ, послѣ двухчасовыхъ горячихъ споровъ, происходившихъ въ кабинетѣ великаго князя, ему удалось убѣдить графа Панина присоединиться къ мнѣнію меньшинства комитета». Соглашеніе съ гр. Панинымъ достигнуто было, однако, цѣною существенныхъ уступокъ со стороны защитниковъ проекта редакціонныхъ коммиссій. Гр. Панинъ отказался отъ мнѣнія о необходимости предоставить помѣщикамъ вотчинную полицію въ

имѣніяхъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ соображеній второстепеннаго значенія, но ему удалось настоять на нѣкоторомъ уменьшеніи надѣловъ отпускаемыхъ на волю крестьянъ, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ онъ считалъ нужнымъ.

Измѣненный въ этомъ важномъ пунктѣ проектъ редакціонныхъ коммиссій былъ переданъ Государемъ на обсужденіе государственнаго совѣта. Великій князь энергично защищалъ здѣсь этотъ проектъ противъ враждебно настроеннаго большинства членовъ совѣта, но не могъ отстоять крестьянскіе надѣлы отъ нѣкотораго дальнѣйшаго уменьшенія ихъ предѣльныхъ нормъ.

Императоръ Александръ II высоко оцѣнилъ важность услугъ, оказанныхъ великимъ княземъ дѣлу освобожденія крестьянъ; въ засѣданіи государственнаго совѣта 28 января 1861 г. онъ горячо благодарилъ его, поцѣловавъ нѣсколько разъ. Въ рескриптѣ великому князю, подписанномъ въ одинъ день съ утвержденіемъ положенія 19 февраля 1861 г., Государь писалъ: «Я не забуду и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество и какъ другіе члены комитета». Впослѣдствіи, въ день празднованія 25-лѣтія своего восшествія на престолъ, Александръ II въ своей рѣчи государственному совѣту назвалъ великаго князя «первымъ своимъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ».

Кромѣ уничтоженія крѣпостного права, имя Константина Николаевича тѣсно связано и съ другими великими реформами 60-хъ годовъ и въ особенности съ преобразованіемъ суда и отмѣной тѣлесныхъ наказаній.

Починъ судебной реформы принадлежитъ всецѣло великому князю: рядомъ мѣропріятій по военно-морскому суду онъ подготовилъ почву для общей реформы суда. Первые предвѣстники этой реформы Высочайшія повелѣнія 1855—1856 гг., установившія новый гуманный взглядъ на подсудимыхъ изданы были по представленіямъ великаго князя. На страницахъ «Морского Сборника» онъ съ 1857 г. впервые допустилъ дотолѣ запретное гласное обсужденіе новыхъ началъ судоустройства и судопроизводства. Не ожидая общей судебной реформы, Константинъ Николаевичъ рѣшилъ преобразовать военно-морской судъ, подлежавшій его вѣдѣнію, и для изученія этого вопроса командировалъ во Францію генералъ-аудитора флота Глѣбова. Составленный затѣмъ проектъ военно-морского судебнаго устава былъ напечатанъ въ 1860 г. и разосланъ правительственнымъ учрежденіямъ и профессорамъ. Проектъ этотъ страдалъ многими недостатками, но имѣлъ весьма важное значеніе въ общемъ ходѣ судебной реформы, такъ какъ въ немъ безъ всякихъ уступокъ приняты были два великія начала судопроизводства: устное судоговореніе и гласность, и было открыто признано превосходство двухъ другихъ западно-европейскихъ началъ суда: самостоятельность судей и облегченіе права защиты обвиняемаго. Поэтому большинство критиковъ привѣтствовало этотъ проектъ, какъ «зарю прекрасной будущности для Россіи». «Великая заслуга новаго проекта — писалъ тогда В. Д. Спасовичъ— заключается въ томъ, что составители его взялись за дѣло радикально; они начали съ суровой, справедливой, безпощадной критики теперешняго порядка судопроизводства и, разоблачивъ всѣ его органическіе неизлѣчимые недостатки, рѣшились передѣлать этотъ порядокъ до самыхъ корней и издать совершенно новую систему судопроизводства». Ярко выразивъ назрѣвшее сознаніе полной неудовлетворительности стараго суда, великій князь вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтилъ и правильный путь для его преобразованія и впослѣдствіи справедливо гордился своимъ содѣйствіемъ судебной реформѣ 1864 г.

Что касается отмѣны тѣлесныхъ наказаній, то Константинъ Николаевичъ при посредствѣ «Морского Сборника» первый началъ подготовлять почву для отмѣны наказаній шпицрутенами и кошками, которыя были не только жестокою пыткою, но и варварскою смертною казнью, такъ какъ наказаніе шпицрутенами весьма часто оканчивалось смертью наказаннаго. Рѣшительный голосъ великаго князя особенно повліялъ на изданіе гуманнаго закона 17 апрѣля 1863 г., потому что, возставая противъ жестокихъ наказаній, онъ являлся представителемъ морского вѣдомства, въ которомъ необходимость желѣзной дисциплины, казалось, оправдывала строгость наказаній болѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Константинъ Николаевичъ имѣлъ косвенное вліяніе и на тѣ преобразованія, въ которыхъ онъ не принималъ непосредственнаго участія. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ существенно содѣйствовалъ освобожденію печатнаго слова отъ тисковъ дореформенной цензуры. Дѣйствуя самостоятельно въ своей спеціальной области морского управленія, онъ допустилъ гласное обсужденіе проектовъ преобразованій по морскому вѣдомству, имѣвшихъ общегосударственное значеніе. Обсужденіе поставленнаго морскимъ министерствомъ вопроса о реформѣ воспитанія моряковъ, естественно, привело къ обсужденію вопроса о наилучшей системѣ воспитанія вообще. Статьи Пирогова («Вопросы жизни» и «Школа и жизнь»), напечатанныя въ «Морскомъ Сборникѣ» 1856, 1860 гг., явились крупною новостью по той свободѣ, съ какою обсуждались въ нихъ новыя гуманныя начала воспитанія Журналъ морского министерства получилъ широкую популярность: «газеты наши—писалъ «Современникъ»—живутъ только перепечатками изъ Морского Сборника».

Благотворное вліяніе великаго князя проявилось также въ той поддержкѣ, какую онъ постоянно оказывалъ главнымъ дѣятелямъ преобразованій. Его старанія о назначеніи Н. А. Милютина министромъ внутреннихъ дѣлъ не увѣнчались успѣхомъ; но все же при назначеніи новыхъ министровъ въ концѣ 1861 г. и въ началѣ 1862 г. Государь выбралъ нѣсколько новыхъ сотрудниковъ изъ кружка дѣятелей, близкихъ къ великому князю и одинаково съ нимъ убѣжденныхъ въ необходимости преобразованій. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ А. В. Головнинъ, состоявшій нѣсколько лѣтъ секретаремъ великаго князя, военное министерство ввѣрено было Д. А. Милютину, министерство финансовъ—А. Х. Рейтерну, который преобразовалъ финансовую часть въ морскомъ вѣдомствѣ.

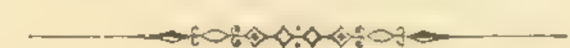
Въ разгаръ преобразованій начала 60-хъ годовъ, въ которыхъ великій князь принималъ столь дѣятельное участіе, въ Царствѣ Польскомъ возникло революціонное движеніе. Въ самомъ началѣ этого движенія Императоръ Александръ II, избѣгая насилія, сдѣлалъ попытку прекратить его политикой примиренія. Глубоко проникнутый гуманными идеями, Константинъ Николаевичъ вполнѣ сочувствовалъ этой системѣ успокоенія Польши и принялъ должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ въ наиболѣе критическій моментъ, когда здѣсь со дня на день ждали вооруженнаго открытаго мятежа. На другой же день по прибытіи великаго князя въ Варшаву, 21 іюня 1862 г., при выходѣ изъ театра въ него сдѣланъ былъ выстрѣлъ въ упоръ изъ пистолета. Пуля, пройдя чрезъ эполету, легко ранила его въ плечо. Великій князь энергично принялся за исполненіе своей программы примиренія путемъ значительныхъ уступокъ политическимъ притязаніямъ поляковъ; польскій языкъ введенъ былъ въ офиціальную переписку, должности мѣстной админи-

страціи были замѣщены природными поляками, военное положеніе было отмѣнено въ нѣсколькихъ губерніяхъ; великій князь широко пользовался правомъ помилованія. На пріемѣ во дворцѣ польской депутаціи великій князь сказалъ между прочимъ: «Прошу, господа, вашего содѣйствія, поддержите меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишенное поддержки націи, остается безсильнымъ». Но получить необходимую поддержку націи оказалось невозможнымъ. Въ началѣ слѣдующаго 1863 г. Константинъ Николаевичъ былъ вынужденъ принять нѣкоторыя мѣры строгости. Отъ дальнѣйшихъ же шаговъ на этомъ пути онъ рѣшительно отказался и въ октябрѣ 1863 г. оставилъ постъ намѣстника царства, отправившись въ продолжительное заграничное путешествіе.

Съ 1853 г. и по 1881 г., въ теченіе 28 лѣтъ, великій князь управлялъ морскимъ вѣдомствомъ. Это время было однимъ изъ наиболѣе трудныхъ переходныхъ періодовъ въ исторіи флота вообще, а русскаго флота въ особенности. Въ 40-хъ годахъ во флотѣ появились на смѣну парусным судамъ и колеснымъ пароходамъ военныя суда съ винтовыми двигателями; въ 60-хъ годахъ совершился второй полный переворотъ въ судостроеніи, замѣнившій прежнія деревянныя корпуса судовъ—желѣзными и покрывшій ихъ тяжелой броней; съ появленіемъ броненосцевъ появилась и новая артиллерія (нарѣзныя стальныя орудія), непрерывно затѣмъ совершенствовавшаяся. Тотчасъ послѣ крымской войны и затѣмъ послѣ 1863 г. великому князю пришлось два раза пересоздавать русскій флотъ; несмотря на большую энергію, проявленную имъ, дѣло это шло съ большими неудачами, въ виду трудности усвоенія новой техники и недостатка средствъ; газеты часто осуждали недостатки строившихся военныхъ судовъ и артиллеріи, изготовлявшейся на обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, устроенномъ при содѣйствіи морского вѣдомства.

Находясь во главѣ морского вѣдомства великій князь въ то же время съ 1865 г. по 1881 г. состоялъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Особенно близкое участіе по этой должности принялъ онъ въ дѣлѣ изданія устава всеобщей воинской повинности 1874 г. и оказалъ сильную поддержку военному министру Д. А. Милютину въ защитѣ принципа всеобщей воинской повинности, безъ различія званій и состояній. Его просвѣщенные взгляды обнаружились не разъ въ участіи его въ дѣлахъ обществъ Географическаго, Археологическаго и Музыкальнаго, въ которыхъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ.

Скончался онъ въ Павловскѣ 13 января 1892 г.

Великая Княгиня ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

А. Ѳ. Кони.

Двадцать восьмого декабря 1806 года (9 января 1807) у проживавшаго въ Штутгартѣ брата Вюртембергскаго короля, принца Павла-Карла-Фридриха, родилась дочь Фредерика-Шарлотта-Марія, которой было суждено провести пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи, разливая вокругъ себя свѣтъ и тепло. Безпокойный и неуживчивый отецъ ея, не любившій стѣсненій въ образѣ своей жизни, не могъ примириться съ размѣреннымъ обиходомъ и чопорной обстановкою небольшого нѣмецкаго двора и, вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ братомъ, рѣшилъ переселиться съ дѣтьми въ Парижъ. Разумно поставленное, систематическое воспитаніе въ пансіонѣ извѣстной Кампанъ замѣнило для девятилѣтней дѣвочки своенравную суровость бабушки и грубые педагогическіе опыты отца, а близкое знакомство, чрезъ посредство двухъ подругъ, съ знаменитымъ Кювье и частыя бесѣды съ нимъ послужили благотворною школою для ея нравственнаго развитія и для обогащенія ея жаднаго къ знаніямъ ума. Чрезъ четыре года принцессѣ пришлось однако вернуться въ Штутгартъ, но вскорѣ на нее палъ выборъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, озабоченной пріисканіемъ невѣсты для своего младшаго сына.

«Remerciez sa Majesté Impériale de ce qu'elle daigne écrire à un enfant», сказала пятнадцатилѣтняя принцесса русскому посланнику графу Бенкендорфу, торжественно вручившему ей письмо Александра I, въ которомъ послѣдній просилъ ея руки для своего брата. Но назвавъ себя ребенкомъ, она стала готовиться къ своему новому положенію со вдумчивою серьезностью взрослаго человѣка и тотчасъ же начала собирать свѣдѣнія о Россіи и ея выдающихся людяхъ, а также учиться, безъ помощи учителя, по словарю и грамматикѣ, русскому языку. Встрѣченная, по пріѣздѣ, 30 сентября 1823 года, въ Россію особымъ вниманіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ нѣжнымъ умѣньемъ успокоившей душевныя тревоги впечатлительной дѣвушки, стоявшей со своимъ юнымъ сердцемъ на порогѣ новой и всегда загадочной жизни, — она поразила всѣхъ своимъ умомъ, свѣдѣніями, живостью—и очаровала изяществомъ своей внѣшности. «Я знакома съ вашимъ трудомъ — сказала она представлявшемуся Карамзину—и не думайте, чтобы я читала его только въ переводѣ: я прочла его по-русски»... «Всякому молвила она по *приличности каждаго*» выразился о ней Нелединскій-Мелецкій. «Она обратила на себя единодушное вниманіе всѣхъ—какъ феноменъ — и сдѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ, — писалъ Михайловскій-Данилевскій:—не знаю, какова будетъ впослѣдствіи ея судьба въ Россіи, но во время пріѣзда ея въ наше отечество—зависть и злословіе, избравшія предпочтительно свое пребываніе при дворахъ,—умолкли».

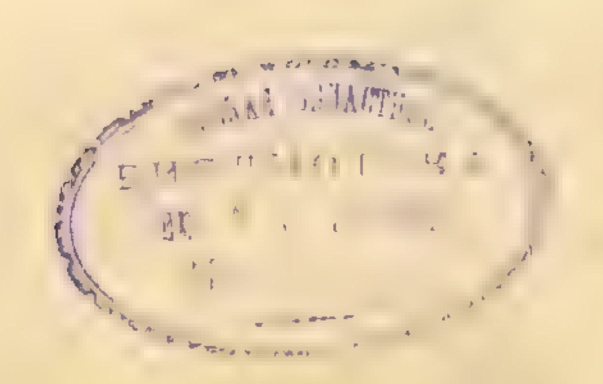
Бракосочетаніе Фредерики-Шарлотты, нареченной 5 декабря 1823 г. Еленой, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ было совершено безъ особой торжественности, вслѣдствіе болѣзни Александра I, въ походной церкви, поставленной въ смежной съ его кабинетомъ комнатѣ. Супружеская жизнь великой княгини Елены Павловны продолжалась почти 26 лѣтъ, до смерти Михаила Павловича, послѣдовавшей въ Варшавѣ, 26 февраля 1849 года. Отмѣчая различіе характеровъ супруговъ, авторъ «Замѣтокъ къ жизнеописанію великой княгини Елены Павловны», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1882 года, находитъ,

что «поэтическая, идеальная натура великой княгини какъ бы смягчала реальное, быть можетъ даже прозаическое, направленіе ея супруга, точно такъ же, какъ и онъ, въ свою очередь, знакомилъ ея молодое, восторженное сердце съ холодною и подчасъ жесткою стороною жизни обыденной»... Великій князь Михаилъ Павловичъ еще ждетъ своего біографа, который, вѣроятно, съумѣетъ составить изъ разбросанныхъ и эпизодическихъ разсказовъ о немъ одно цѣлое, показавъ сліяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ разграниченіе въ одномъ лицѣ представителя неумолимаго служебнаго долга, понимаемаго крайне узко и формально, и человѣка съ острымъ, нерѣдко иронически настроеннымъ, умомъ и добрымъ сердцемъ, способнымъ на порывы великодушнаго состраданія. Господствовавшій и приведшій къ Севастопольской годинѣ взглядъ большинства военныхъ дѣятелей того времени ставилъ выше всего не дѣйствительную боевую готовность солдатъ, а отличіе ихъ на смотрахъ и парадахъ, гдѣ главную роль играли: равненіе кавалерійскаго фронта, пѣшая выправка, чистота пріемовъ и способность цѣлыхъ шеренгъ вытягиваться при церемоніальномъ маршѣ, какъ струны. Это достигалось крайними и подчасъ неимовѣрными усиліями, дававшими обильное число случаевъ «нарушенія дисциплины». Назначенный при самомъ рожденіи въ 1798 году, генералъ-фельдцейхмейстеромъ и носившій затѣмъ званіе главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами и главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, но устраняемый отъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики, великій князь принялъ на себя роль строжайшаго блюстителя дисциплины и выполненія мельчайшихъ требованій формы. Исполняя отмежеванныя ему обязанности «честно и грозно», великій князь, въ частной своей жизни, дѣлался «самимъ собою» и становился веселымъ собесѣдникомъ и любящимъ отцомъ. «Суровость его лица и взгляда, рѣзкая манера выговаривать и неумѣренная строгость взысканій даже за сравнительно маловажные проступки — пишетъ въ своихъ запискахъ князь Н. К. Имеретинскій — все это было вынуждено, не нормально и свойственно только видимому, но не истинному характеру Михаила Павловича: по природѣ онъ былъ добрѣйшимъ человѣкомъ и только послѣ его кончины выказались безчисленные примѣры его помощи бѣднымъ».

Знакомство «восторженнаго сердца» съ «холодною и жесткою стороною жизни обыденной», конечно, сопровождалось тяжелыми ощущеніями, а судьба не щадила и материнскихъ чувствъ великой княгини, оставивъ изъ воспитанныхъ подъ ея пристальнымъ руководствомъ пяти дочерей — въ живыхъ лишь одну, причемъ двѣ скончались въ самомъ расцвѣтѣ молодости. Но суровыя впечатлѣнія житейскихъ нравовъ того времени и удары судьбы не угасили ея главныхъ душевныхъ свойствъ: живой пытливости ума и пылкости проникнутаго истинною добротою сердца. Глубокая воспріимчивость и способность освоиваться со всѣмъ, что ей казалось полезнымъ изучить, соединялись въ ней не только съ раннимъ знаніемъ людей, но и съ тѣмъ, что встрѣчается гораздо рѣже, — съ умѣньемъ быстро и вѣрно распознавать личности. Въ мягкомъ и привѣтливомъ соблюденіи ею достоинства своего сана гораздо болѣе чувствовалось сознаніе ею налагаемыхъ имъ нравственныхъ обязанностей, чѣмъ сопряженныхъ съ нимъ правъ. Обладая рѣдкимъ, по замѣчанію графини Антонины Блудовой, для высокопоставленныхъ лицъ даромъ сохранять въ сношеніяхъ съ людьми вполнѣ человѣческія отношенія духовнаго равенства, она умѣла входить въ мысль и въ положеніе каждаго, кто къ ней приближался. Ея бесѣда съ замѣчательными людьми, встрѣчаемыми и отыскиваемыми ею на жизненномъ пути, всегда была полна вопросовъ, которые, просвѣщая ее, давали въ то же время удовлетвореніе законному самолюбію собесѣдника. Не одни, однако, выдающіеся люди интересовали ея проницательный умъ. Она умѣла находить поучительныя стороны и въ людяхъ, мимо которыхъ поверхностный наблюдатель проходитъ обыкновенно съ высокомѣрнымъ равнодушіемъ. Ей были не по душѣ всякая предвзятая замкнутость и исключительность. «Повѣрьте мнѣ, — говорила она графинѣ Блудовой — маленькій кружокъ, котерія приноситъ большой вредъ: онъ съуживаетъ горизонтъ и развиваетъ предразсудки, замѣняя твердость воли — упрямствомъ. Сердцу надобно имѣть общеніе только съ друзьями, но умъ требуетъ новыхъ началъ, требуетъ противорѣчія и знакомства съ тѣмъ, что дѣлается за нашими стѣнами. Нѣтъ такого тупого или несвѣдущаго человѣка, отъ котораго нельзя было бы научиться чему нибудь полезному, если только захотѣть дать себѣ этотъ трудъ».

Императоръ Николай Павловичъ выражалъ супругѣ своего брата глубокое и неизмѣнное уваженіе. Цѣня ея умъ и знанія, онъ понималъ духовныя потребности ученицы и собесѣдницы Кювье. Прислушиваясь къ ея мнѣніямъ, совѣтуясь съ нею въ дѣлахъ семейныхъ, онъ, въ то же время, старался создать ей по возможности удовлетворяющую ее, въ условіяхъ мѣста и времени, обстановку. Ей присвоилъ онъ трудную и лестную обязанность «de faire les honneurs de la litterature à la cour de l'empereur Nicolas», какъ выразился извѣстный авторъ книги о Россіи — Кюстинъ. «C'est le savant de notre famille, — сказалъ однажды Императоръ П. Д. Киселеву — я къ ней отсылаю европейскихъ путешественниковъ; Кюстинъ завелъ со мною разговоръ объ исторіи православной церкви: я его тотчасъ же отправилъ къ Еленѣ, которая разскажетъ ему болѣе, чѣмъ онъ самъ знаетъ». Этотъ отзывъ вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительности, такъ какъ даже знаменитый архіепископъ Херсонскій Иннокентій былъ, по собственному признанію, «удивленъ и почти униженъ» сознаніемъ, что великая княгиня, зная ближе чѣмъ онъ самъ историческія основанія православія, захватила его нѣкоторыми вопросами врасплохъ и вынудила у него просьбу дать ему время справиться для категорическаго отвѣта.

И до конца своихъ дней она интересовалась всѣми явленіями изъ области знанія и умственной дѣятельности, приходя, гдѣ было нужно, на помощь своими участіемъ, содѣйствіемъ и матеріальною поддержкою. Она имѣла долгія бесѣды съ профессоромъ Арсеньевымъ, желая поближе познакомиться съ новѣйшею исторіею и статистикою Россіи, желала имѣть точныя и систематическія свѣдѣнія о главнѣйшихъ «законоположеніяхъ» своего новаго отечества, — посѣтила университетъ, знакомясь въ подробностяхъ съ его дѣятельностью и устройствомъ, — интересовалась рѣчами, произносимыми въ академіи наукъ въ память умершихъ ея сочленовъ, — вела длинные разговоры съ епископомъ Порфиріемъ (Успенскимъ) о его ученыхъ трудахъ и о Синайской библіи, — устроила переводъ русскихъ богослужебныхъ книгъ на нѣмецкій языкъ, — хлопотала объ учрежденіи преміи, въ видѣ медали, для выдачи вольно-экономическимъ обществамъ за лучшія сочиненія о хозяйствѣ Россіи, — дала средства академику Радлову издать въ пяти томахъ его замѣчательные труды по изученію тюркскихъ нарѣчій, — помогала въ трудныя минуты матеріальныхъ затрудненій извѣстному русскому путешественнику Потанину, — приняла самое горячее и дѣятельное участіе въ охраненіи жизни и безопасности изслѣдователей Средней Азіи, итальянцевъ графа Литта и Гавацци, захваченныхъ

бухарскимъ эмиромъ,—заказала чрезъ Ю. Ѳ. Самарина профессору Бѣляеву написать изслѣдованіе о началахъ представительныхъ учрежденій въ Россіи, слушала лекціи академика Брандта по энтомологіи и т. д. Въ покояхъ великой княгини встрѣчали въ высшей степени внимательный и ласковый, сознательно-обдуманный пріемъ—и Гумбольдтъ, ѣхавшій съ цѣлою плеядою ученыхъ для изслѣдованія Урала, и баронъ Гакстгаузенъ, и знаменитый Мурчисонъ и наши извѣстные ученые Беръ и Струве, подавшій во время посѣщенія Пулковской обсерваторіи Государемъ съ многочисленною свитою, своимъ смущеніемъ поводъ къ остротѣ великаго князя Михаила Павловича о множествѣ звѣздъ, усмотрѣнныхъ знаменитымъ астрономомъ не на своемъ мѣстѣ... На ряду съ ними у нея появлялись выдающіеся представители и знатоки искусства, какъ напр. Рубинштейнъ и графъ Віельгорскій, и выдѣлялись среди другихъ озаренное свѣтомъ глубокой и возвышенной мысли лицо князя В. Ѳ. Одоевскаго и оригинальная фигура поэта Тютчева. Наконецъ, всѣ просвѣщенные государственные дѣятели, перешагнувшіе своимъ трудомъ и силою своей личности за обычныя рамки «прохожденія службы» какъ напр. гр. Блудовъ, Ланской, Чевкинъ, кн. С. Н. Урусовъ, кн. Горчаковъ, гр. Муравьевъ-Амурскій и представители позднѣйшаго поколѣнія—были желанными гостями и собесѣдниками великой княгини. Чуткая въ симпатіяхъ и вѣрная въ дружбѣ, она умѣла цѣнить каждаго съ истинною человѣчностью по тѣмъ проявленіямъ, въ которыхъ выражались лучшія стороны его натуры, а не по будничной его дѣятельности,—и привязывать тѣмъ ихъ къ себѣ на всю жизнь. «Юбилей государственнаго человѣка, прошедшаго, подобно вамъ, славный путь—писала она 13 іюня 1867 г. князю Горчакову—составляетъ общественное достояніе. Но и дружба имѣетъ въ такой день свое преимущество, состоящее въ личныхъ воспоминаніяхъ о прошломъ. Обращаясь мыслью ко временамъ вашей и вмѣстѣ моей молодости, я позволяю себѣ передать вамъ вещь, которую вы съумѣете оцѣнить. Это лорнетъ Императора Александра, хранившійся у меня на Каменномъ Островѣ. Онъ помогалъ ясности зрѣнія Государя. Я надѣюсь, что мы еще многіе годы будемъ приписывать и вамъ это качество. Не имѣя, подобно вамъ, права сказать: «познайте меня по дѣламъ моимъ», я, тѣмъ не менѣе, всегда буду говорить вамъ: «познайте меня по моей къ вамъ дружбѣ».

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая великая княгиня создала себѣ сравнительно нейтральную почву, гдѣ могла встрѣчаться съ интересовавшими ее людьми и бесѣдовать съ ними о вопросахъ общественной жизни, не стѣсняя ихъ условіями придворнаго этикета. По ея указаніямъ—сначала княгиня Одоевская, а затѣмъ княжна Львова, проживавшая въ одномъ изъ флигелей Михайловскаго дворца, приглашали различныхъ лицъ къ себѣ на вечера и туда приходила, въ качествѣ гостьи, и великая княгиня. Во время частыхъ поѣздокъ ея за-границу, особливо въ тѣ годы, когда надъ Россіею пронеслись благотворныя вѣянія преобразованій, у нея собирались за-просто приглашаемые ею выдающіеся дѣятели на разныхъ поприщахъ. Въ числѣ ихъ были и памятные профессора Московскаго университета Б. Н. Чичеринъ и Ѳ. М. Дмитріевъ.

Очень скромная въ своихъ личныхъ потребностяхъ, научившаяся себѣ во многомъ отказывать, великая княгиня умѣла, повременамъ, отдавать дань своему положенію, устраивая у себя блестящія празднества, чуждыя торжественной скуки и отличавшіяся особымъ вкусомъ и оригинальностью замысла. Такимъ былъ, напримѣръ, восхитившій Гнѣдича костюмированный вечеръ въ 1830 году, на которомъ появилось девять музъ, изъ коихъ Талію «во всей строгости греческаго костюма» представлялъ декламировавшій соотвѣтственные стихи баснописецъ Крыловъ; такимъ было организованное у себя великою княгинею, единственное въ Петербургѣ, исполненіе любителями Веберовскаго «Оберона», причемъ во главѣ кадрилей сильфовъ и ундинъ были блиставшія красотою дочери государя — Ольга и Марія Николаевны. Искусство—эта жажда идеальнаго, вызванная пресыщеніемъ реальнымъ—въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, всегда живо интересовало великую княгиню. Она ободряла его представителей серьезнымъ вниманіемъ къ ихъ призванію, участливымъ отношеніемъ къ ихъ нуждамъ. «Подвязывать крылья» начинающему таланту — доставляло ей истинную радость; поддерживать развивающійся талантъ, въ минуты унынія и упадка духа въ его обладателѣ,—она считала своей нравственной обязанностью. И дѣлалось все это просто, безъ всякой рисовки, деликатно и щедро. Она, между прочимъ, дала средства Иванову — перевезти его извѣстную картину «Явленіе Христа народу» въ Петербургъ и снять съ нея, стоившіе въ то время очень дорого, фотографическіе снимки; ей обязанъ народный художникъ И. Ѳ. Горбуновъ оказаннымъ ему при первыхъ его шагахъ въ Петербургѣ ласковымъ пріемомъ въ обществѣ и принятіемъ его на казенную сцену. Особенную любовь питала она къ серьезной музыкѣ, къ этому, по мнѣнію ея стараго друга, князя В. Ѳ. Одоевскаго, «языку невыразимыхъ словами чувствъ». Ея теплымъ гостепріимствомъ пользовались талантливыя дѣвушки, обладавшія сильнымъ и умѣлымъ голосомъ и она взяла на воспитаніе маленькую дѣвочку, рано обнаружившую музыкальныя способности и дала ей возможность выработаться въ извѣстную пѣвицу и преподавательницу—Лешетицкую-Фридебургъ. Она же обратила вниманіе на выдающійся по силѣ и красотѣ голосъ Никольскаго и содѣйствовала тому, что безвѣстный пѣвчій придворнаго хора сталъ знаменитымъ теноромъ русской оперы. Достаточно, наконецъ, упомянуть о ея неизмѣнномъ и плодотворномъ покровительствѣ Антону Рубинштейну, всю жизнь съ восторгомъ вспоминавшему ея просвѣщенное и задушевное къ себѣ отношеніе. Музыкальные вечера великой княгини были блестящимъ средоточіемъ серьезныхъ занятій искусствомъ, не какъ средствомъ развлеченія, но какъ предметомъ вдумчивой оцѣнки и изученія. Подъ вліяніемъ этихъ вечеровъ зародилась мысль объ учрежденіи русскаго музыкальнаго общества и его органовъ—консерваторій, за осуществленіе которой Елена Павловна взялась со всею свойственною ей пылкостью и настойчивостью, не останавливаясь предъ личными матеріальными жертвами и продавъ съ этой цѣлью даже свои брилліанты.

II.

Духовныя свойства великой княгини Елены Павловны выражались не въ однихъ проявленіяхъ ума и художественныхъ наклонностяхъ. Ихъ особенно характеризовала та ея дѣятельность, гдѣ этотъ умъ являлся исполнителемъ велѣній пылкаго сердца, въ которомъ горѣла настоящая, живая и практическая любовь къ людямъ, одинаково чуждая и неразборчивой чувствительности, и легкой удовлетворяемости. Въ дѣлахъ добра ближнимъ великая княгиня ставила себѣ ясную и опредѣленную цѣль и, полюбивъ въ своихъ благородныхъ мечтахъ ея осуществленіе, умѣла хотѣть достигнуть его. Разъ взяв-

шись за дѣло она, вела его неуклонно, становясь его слугою въ лучшемъ смыслѣ слова. «Легко расположить себя къ свободному желанію,—говорилъ митрополитъ Филаретъ — не такъ легко взять на себя бремя принужденнаго исполненія». Именно въ этомъ смыслѣ *понимала она свою* общественную дѣятельность, движущія начала которой были оцѣнены въ первые же пять лѣтъ пребыванія ея въ Россіи императрицею Маріею Ѳеодоровною. Выражая, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, желаніе, чтобы основанные ею институты—Повивальный и Маріинскій—управлялись съ заботливостью и вниманіемъ, Марія Ѳеодоровна просила Государя поручить управленіе ими 20-ти-лѣтней Еленѣ Павловнѣ. «Зная твердость и доброту характера своей невѣстки, писала она, я убѣждена, что въ такомъ случаѣ эти институты будутъ всегда процвѣтать и приносить пользу государству». И дѣйствительно, великая княгиня проявила свои свойства самымъ широкимъ образомъ по отношенію къ этимъ заведеніямъ, входя во всѣ подробности ихъ жизни и устройства, какъ о томъ свидѣтельствуетъ интересная переписка ея съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и дневникъ академика Никитенко, который былъ пораженъ тѣмъ, что въ эпоху крикливаго и ослѣпленнаго патріотическаго самохвальства она требовала отъ воспитанницъ Маріинскаго института на экзаменѣ русской исторіи, чтобы онѣ не *умалчивали* о темныхъ сторонахъ прошлаго своего отечества, говоря «съ русскимъ чувствомъ, но правду»... Съ такою же заботливостью занималась она поступившимъ въ ея вѣдѣніе училищемъ Св. Елены, впервые устроеннымъ безъ принятія во вниманіе сословныхъ различій воспитанницъ. Съ годами эта область ея дѣятельности расширялась все болѣе. Кончина нѣжно любимыхъ дочерей—герцогини Нассауской Елисаветы Михаиловны въ 1845 году и Маріи Михаиловны въ 1846 году—не погрузила великую княгиню въ «нѣмое бездѣйствіе печали» а вызвала къ жизни основанныя ею—Елисаветинскую дѣтскую больницу въ Петербургѣ и дѣтскіе пріюты «Елисаветы и Маріи» въ Петербургѣ и Павловскѣ. Смерть герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго передала въ ея высшее завѣдываніе Максимиліановскую лѣчебницу для приходящихъ, которую она расширила и совершенно преобразовала, создавъ въ ней отдѣленія постоянныхъ кроватей. Въ всѣхъ этихъ и рядѣ болѣе мелкихъ учрежденій она была не просто «высокой покровительницею», а дѣятельною и озабоченною ихъ успѣхомъ силою, умѣвшею всѣхъ вокругъ одушевлять и объединять, не подавляя никого своею личностью и возбуждая въ каждомъ радостное сознаніе общей работы на общую пользу. Нужды этихъ учрежденій удовлетворялись ею съ великою и щедрою готовностью — и для обезпеченія ихъ будущаго она не останавливалась, очень часто, въ явный ущербъ себѣ предъ матеріальными жертвами.

Но главнымъ дѣломъ ея, въ этомъ отношеніи, было учрежденіе Крестовоздвиженской Общины, представляющее одну изъ самыхъ трогательныхъ и возвышенныхъ страницъ внутренней жизни нашего общества въ прошломъ столѣтіи. Осада Севастополя, обнаружившая съ жестокою и кровавою очевидностью всю, по выраженію И. С. Аксакова, «фасадность» нашего военнаго устройства, застала и организацію медицинской помощи въ боевое время въ самомъ плачевномъ состояніи. Не было *опытнаго* и *достаточнаго вспомогательнаго* медицинскаго персонала, не хватало самыхъ необходимыхъ средствъ и медикаментовъ, да и бывшіе на-лицо оказывались на-половину гнилыми или воровски замѣненными негодными суррогатами. При этомъ военное управленіе относилось съ неохотою и недовѣріемъ къ безкорыстно предлагаемой помощи. Достаточно сказать, что знаменитый Пироговъ не могъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ добиться разрѣшенія ѣхать въ Севастополь, гдѣ его присутствіе было такъ необходимо, такъ желательно! Н. И. Пирогова великая княгиня знала издавна и цѣнила не только его огромныя знанія, но и его возвышенную душу. Она, и она одна,—своею ласкою и настояніями удержала его въ 1849 г. на службѣ въ Россіи, когда, встрѣченный послѣ тяжкихъ и богатыхъ результатами полугодовыхъ трудовъ въ Кавказской арміи рѣзкимъ выговоромъ начальства за допущеніе при явкѣ къ военному министру мелочного отступленія отъ установленной формы обмундированія, онъ хотѣлъ навсегда покинуть родину. Въ смущенномъ и терзаемомъ слухами о происходящемъ въ Севастополѣ, сердцѣ ея возникла мысль объ обращеніи къ русскимъ женщинамъ съ призывомъ придти на помощь защитникамъ родины своимъ трудомъ, заботою и перенесеніемъ неизбѣжныхъ лишеній. Мысль эта была встрѣчена тайными и при томъ грязными насмѣшками и явнымъ противодѣйствіемъ. Но ей удалось поколебать недовѣріе Государя къ внѣшней, такъ сказать дисциплинарной, сторонѣ затѣяннаго дѣла, а готовность тридцати самоотверженныхъ русскихъ женщинъ слѣдовать ея призыву—укрѣпила ея энергію. 25-го октября 1854 года были утверждены правила Крестовоздвиженской Общины сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ; 5-го ноября будущія сестры милосердія, послѣ предварительнаго обученія и испытанія, получили на глазахъ у растроганной великой княгини кресты на голубой лентѣ и принесли клятву служить своимъ братьямъ во Христѣ всѣми силами, а 6-го ноября уѣхали, сопровождаемыя докторомъ Тарасовымъ, въ Крымъ, гдѣ и поступили подъ руководство Пирогова, которому, наконецъ, вслѣдствіе хлопотъ Елены Павловны, дано было разрѣшеніе поѣхать въ Севастополь. За первымъ отрядомъ послѣдовало еще нѣсколько обученныхъ и отправленныхъ на средства великой княгини—и такъ начала свое существованіе первая по времени въ мірѣ военная община сестеръ милосердія. Свѣдѣнія о дѣятельности сестеръ въ Крыму и въ Финляндіи (при бомбардированіи Свеаборга), полныя самыхъ трогательныхъ подробностей и рисующія въ немеркнущемъ свѣтѣ способность русской женщины къ подвигамъ самоотреченія и любви, совершаемымъ съ умилительною простотою и душевнымъ величіемъ—показали, какъ была права великая княгиня въ своихъ надеждахъ на успѣхъ новаго дѣла, которому отдалась всею душою. Еще до отправки сестеръ, тревожно входя во всѣ подробности ихъ будущей дѣятельности и опасаясь, что ихъ нервы не выдержатъ присутствія при ампутаціяхъ, она рѣшилась сама подать имъ примѣръ, помогала при перевязкахъ въ больницахъ и присутствовала при опасной ампутаціи ноги у больного. Она настолько умѣла владѣть собою, что по окончаніи мучительной операціи осталась около оперированнаго, ободряла его, положила ему подъ подушку деньги. Лишь въ корридорѣ силы ей измѣнили... Все время пребыванія сестеръ въ области военныхъ дѣйствій великая княгиня была душою съ ними и съ тѣми, чье страданіе онѣ были призваны облегчать. Пославъ въ помощь сестрамъ еще пять дѣятельныхъ и знающихъ врачей, она неустанно работала въ Петербургѣ, устроивъ въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго дворца складъ покупаемыхъ ею или жертвуемыхъ ей вещей и медикаментовъ, выписывая изъ Англіи, чрезъ своего брата, громадное количество хины, входя въ личныя сношенія съ подрядчиками и поставщиками, и своимъ настойчивымъ, дѣловымъ участіемъ обезпечивая исправность и цѣлость доставки всего на мѣсто назначенія.

Когда война была окончена—община, по ея настояніямъ, обратилась въ постоянное, до нынѣ окруженное общимъ уваженіемъ и довѣріемъ учрежденіе.

Послѣднею великодушною мечтою Елены Павловны было устройство клиническаго института, въ которомъ врачи могли бы, уже по окончаніи курса и по занятіи врачебною практикою, слушать лекціи по интересующимъ ихъ спеціальнымъ предметамъ, знакомясь, такимъ образомъ, съ современнымъ состояніемъ и успѣхами медицинскихъ наукъ. Она предназначила на это устройство особую сумму и выхлопотала у Государя землю на Преображенскомъ плацу. Но смерть не дала ей возможности дожить до осуществленія ея прекраснаго замысла и видѣть возникшій при дѣятельномъ участіи ея врача и своего перваго директора Э. Э. Эйхвальда «Еленинскій Клиническій Институтъ»,—куда стекаются со всѣхъ концовъ Россіи земскіе, городовые и практикующіе врачи, унося съ собою въ далекіе уголки родины свѣтъ обновленныхъ знаній.

III.

Императоръ Николай былъ искреннимъ противникомъ того «клейма домашняго позора» (слова Ивана Аксакова), которое, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, называлось крѣпостнымъ правомъ. «Я не понимаю,—сказалъ онъ въ 1847 г. депутаціи смоленскаго дворянства,—какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой». Онъ ясно сознавалъ тотъ вредъ, матеріальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. «Этому должно положить конецъ»—говорилъ онъ. Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда,—раболѣпныя увѣренія, что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, наряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми со смѣлостью своекорыстія—и наконецъ тревожныя впечатлѣнія, вызванныя западно-европейскими событіями 1848 и 1849 годовъ—парализовали волю монарха, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Онъ,—всегда увѣренный въ своей силѣ и властный, избѣгалъ не только рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ, но и не высказывался вполнѣ опредѣленно объ упраздненіи крѣпостного права, говоря обыкновенно съ довѣренными лицами лишь о его преобразованіи. Несомнѣнно, что онъ желалъ видѣть Россію освобожденною отъ крѣпостного ига, но захотѣть этого и въ такомъ смыслѣ проявить прямо и безповоротно свою волю—не находилъ въ себѣ рѣшимости. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею «келейностью», и которыми предполагалось достигнуть смягченія несовмѣстимаго ни съ человѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Но ничего цѣльнаго, пролагающаго новые пути для народной жизни, сдѣлано не было. Со своими великодушными желаніями Государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Между сановниками, внушавшими ему довѣріе, было лишь два, въ которыхъ онъ могъ разсчитывать встрѣтить сочувствіе этимъ желаніямъ. Это были Сперанскій и Киселевъ...

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (впослѣдствіи графъ) по справедливости долженъ быть признанъ выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ русскимъ государственнымъ человѣкомъ. Просвѣщенный самостоятельнымъ трудомъ умъ, безтрепетная прямота дѣйствій и мнѣній, твердый характеръ, чуждавшійся малодушныхъ уступокъ и не боявшійся «мести враговъ и клеветы друзей»—дѣлали его настоящимъ слугою государства въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Глубоко преданный своему монарху, онъ былъ не менѣе преданъ и родинѣ, будущему благу которой, прозрѣваемому свѣтлымъ умомъ, онъ, несмотря на ранніе общественные и служебные успѣхи, умѣлъ приносить въ жертву свое самолюбіе. Подобно воспѣтому Пушкинымъ Ганнибалу, онъ былъ «усерденъ, неподкупенъ—Царю наперсникъ, но не рабъ...». Безправное положеніе крѣпостныхъ и всѣ его печальныя послѣдствія останавливали на себѣ тревожное вниманіе Киселева издавна. Еще въ 1816 году, будучи 28-лѣтнимъ флигель-адъютантомъ—онъ представилъ Александру I записку «о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи». Въ ней онъ предлагалъ мѣры «къ уменьшенію правъ властвующихъ и къ распространенію ихъ на порабощенныхъ», находя, что этимъ будетъ обезпечена гражданская свобода—«сія основа народнаго благосостоянія»—и законная независимость крѣпостныхъ земледѣльцевъ, «неправильно лишенныхъ оной». Управляя, облеченный громадными полномочіями, съ 1829 по 1834 годъ Дунайскими княжествами, Киселевъ имѣлъ возможность въ значительной мѣрѣ выполнить относительно валашскаго и молдаванскаго сельскаго населенія тѣ свои желанія, которыя горячо хотѣлъ видѣть осуществленными у себя на родинѣ. Своимъ «органическимъ регламентомъ»—онъ отмѣнилъ владѣльческія права бояръ на такъ называемыхъ «сокотельниковъ и послушниковъ» и взамѣнъ уничтоженныхъ имъ большого оброка, тягостной барщины и различныхъ натуральныхъ повинностей, установилъ единообразную подать въ 30 піастровъ въ годъ съ семейства. Прочитавъ обширный отчетъ Киселева объ управленіи княжествами, императоръ Николай особенно заинтересовался описываемымъ въ немъ освобожденіемъ крестьянъ. «Мы займемся этимъ когда нибудь,—сказалъ онъ Киселеву, вечеромъ 9 мая 1834 года,—я знаю, что могу разчитывать на тебя, ибо мы оба питаемъ тѣ же идеи и тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который пугаетъ ихъ». Указавъ на собираемыя имъ, со вступленія на престолъ, бумаги, относящіяся «до процесса противъ рабства», Государь съ грустью долженъ былъ сознаться, что не только не находитъ сочувствія своей мысли о необходимости преобразованія крѣпостного права въ своихъ сотрудникахъ, но встрѣчаетъ прямое противорѣчіе этому даже въ братьяхъ своихъ. Отголоскомъ этой бесѣды было учрежденіе весною 1835 года «секретнаго комитета для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій». Комитетъ этотъ не пришелъ однако ни къ какому опредѣленному выводу. Нѣкоторые его члены боялись «слишкомъ поспѣшно провозглашеннаго слова свободы», предпочитая этой поспѣшности «незамѣтную постепенность» въ дѣлѣ, настолько глубоко захватывавшемъ всѣ стороны быта, что незамѣтность являлась бы, въ сущности, равносильною косности. Эта незамѣтность была однако примѣнена и къ самому комитету, несмотря на тайну самаго его существованія. Съ 1836 года онъ уже назывался «Комитетомъ, учрежденнымъ на указанныхъ Е. И. В. основаніяхъ» и въ томъ же году его безплодное существованіе было прекращено. Явилось сокращеніе размѣровъ «процесса», и во избѣжаніе упорной оппозиціи, болѣе удобнымъ было признано остановиться на мысли Сперанскаго о необходимости начать съ устройства казенныхъ крестьянъ, мате-

ріальное положеніе которыхъ и участь, зависѣвшая отъ земскихъ исправниковъ, были не лучше, чѣмъ у крестьянъ помѣщичьихъ. 17 февраля 1836 года Государь заявилъ объ этомъ Кисилеву, жалуясь на то, что министръ финансовъ Канкринъ «отъ упрямства или неумѣнья» находитъ даже и преобразованіе положенія казенныхъ крестьянъ невозможнымъ. Возлагая выполненіе этого дѣла, впредь до возможности «расширенія круга дѣйствій», на Киселева, считавшаго «устроеніе крестьянъ дѣломъ великимъ и необходимымъ для будущаго спокойствія государства», Государь сказалъ ему: «будь моимъ начальникомъ штаба по крестьянской части,—я увѣренъ, что все пойдетъ хорошо, потому что мы другъ друга понимаемъ—и съ Божьей помощью дѣло наше устроится».

Такъ возникло министерство государственныхъ имуществъ, открытое, послѣ ряда переходныхъ и предварительныхъ мѣръ, 1-го января 1838 г. Принимая сенаторовъ, назначенныхъ въ составъ совѣта министра, Государь заявилъ имъ, что поручаетъ имъ часть, за которую взяться серьезно у него, несмотря на многолѣтнія заботы о ней, никогда не хватало смѣлости. «Но,—прибавилъ онъ, взявъ Киселева дружески за руку,—благодаря поддержкѣ, которую обѣщаетъ мнѣ Павелъ Дмитріевичъ, я надѣюсь, съ помощью его опытности и поддерживаемый его знаніями, совершить столь важное дѣло, отъ котораго такъ много зависитъ будущность государства». Въ настоящемъ очеркѣ не мѣсто разсматривать многостороннюю дѣятельность Киселева по управленію государственными крестьянами. Въ виду поставленной имъ себѣ цѣли—обезпеченія правъ и матеріальнаго благосостоянія крестьянъ—задача его была трудная и требовала, при полномъ недостаткѣ пригодныхъ для этого людей, крайняго напряженія силъ. Въ борьбѣ съ косностью и всевозможными проявленіями враждебнаго чувства—отъ ехидныхъ шуточекъ и каламбуровъ до прямыхъ клеветъ—ему приходилось встрѣчать постоянныя порицанія со стороны вліятельныхъ представителей рабовладѣнія, боявшихся отраженія мѣръ Киселева и на драгоцѣнномъ для нихъ помѣщичьемъ правѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе новаго управленія казенными крестьянами и порученіе его такому человѣку, какъ Киселевъ, повидимому значительно успокоило Императора Николая относительно неотложности преобразованій всего крестьянскаго быта. Предпринимаемыя послѣ 1838 года работы шли вяло и давали скудные результаты, при которыхъ всякая мысль о коренномъ исправленіи зла утопала въ вязкой глинѣ боязливыхъ компромиссовъ. Можно сказать, что между словомъ Государя и дѣломъ, въ которое это слово облекалось его ближайшими и довѣренными сотрудниками,—существовала какая то печальная обратная пропорціональность. Чѣмъ ярче было слово, тѣмъ безцвѣтнѣе и безжизненнѣе были вытекавшія изъ него мѣры. Такъ, въ образованный въ 1839 году Государемъ секретный комитетъ по вопросамъ объ увольненіи помѣщиками крестьянъ и о составленіи инвентарей, наименовавшій себя, для сохраненія тайны, «Комитетомъ о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній», была внесена записка Киселева, предлагавшая рядъ существенныхъ мѣръ, какъ-то: устройство дворовыхъ, ограниченіе помѣщиковъ въ отдачѣ крестьянъ въ солдаты и въ мѣрахъ и способахъ наказанія, учрежденіе сельскаго управленія съ предоставленіемъ крестьянамъ защиты правъ со стороны общихъ судовъ и, въ особенности, установленіе общей нормы надѣла при увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Несмотря на то, что Государь «читалъ записку съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ» и находилъ, что начала проекта Киселева «весьма справедливы и основательны», комитетъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ князя Меньшикова, болѣе ревностнаго въ защитѣ крѣпостного права, чѣмъ, впослѣдствіи, въ защитѣ Севастополя, обставилъ окончательную разработку проекта такими ограниченіями, оговорками и искаженіями, что вытекшій изъ него въ 1842 году въ окончательной редакціи законъ 2 апрѣля объ обязанныхъ крестьянахъ—оказался мертворожденнымъ и имѣлъ всего лишь пять случаевъ примѣненія на практикѣ.

Точно также секретный комитетъ 1840 года для разсмотрѣнія предположеній графа Блудова объ устройствѣ дворовыхъ людей облегченіемъ имъ выхода отъ помѣщиковъ и пресѣченіемъ неограниченнаго перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые,—труды котораго,—встрѣтившіе упорную критику въ особой запискѣ военнаго министра графа Чернышева,—были внезапно отложены «впредь до удобнаго времени»—былъ вновь созванъ лишь въ 1844 г., въ нѣсколько пополненномъ составѣ. Несмотря на заявленія Государя, въ засѣданіи 19 марта 1844 года, о томъ, что главная цѣль, составляющая предметъ его помышленій въ теченіе 18 лѣтъ царствованія, есть измѣненіе крѣпостного состоянія, комитетъ этотъ разрѣшился совершенно безсодержательнымъ и поразительнымъ по своему юридическому недомыслію закономъ 10 іюня 1844 года, который предоставлялъ помѣщикамъ давать волю «душамъ» дворовыхъ по договорамъ, заключеннымъ съ обоюднаго согласія, т. е. устанавлялъ то, что никогда и никакому сомнѣнію не подлежало. — Замѣчательно, что это произошло несмотря на то, что комитетъ выслушалъ мнѣніе шефа жандармовъ графа Бенкендорфа о томъ, что не надо бояться неустройствъ, приступая къ осуществленію благихъ цѣлей Государя, такъ какъ «при постоянныхъ опасеніяхъ ничего достигнуть нельзя: причины взрыва, которыя во-время можно отклонить, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются—и чѣмъ позднѣе онъ будетъ, тѣмъ опаснѣе...».

Такимъ образомъ и намѣренія Императора Николая Павловича, и образъ дѣйствій Киселева по отношенію къ общему разрѣшенію крестьянскаго вопроса оказывались тщетными. При господствовавшей безгласности и умѣньи, при удобномъ случаѣ, устрашать и влiять поднесеніемъ отдѣльныхъ записокъ, не встрѣчавшихъ своевременнаго возраженія,—окружающая Государя среда, съ видомъ внѣшней покорности безслѣдно растворяла къ себѣ всѣ попытки разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Всѣ эти противодѣйствія должны были утомлять Государя и поселять въ душѣ его все возраставшее сомнѣніе объ исполнимости его первоначальныхъ намѣреній. Одинъ Киселевъ не терялъ надежды и, пользуясь своимъ положеніемъ министра государственныхъ имуществъ, готовилъ съ вызываемою обстоятельствами осторожностью оружіе для борьбы съ крѣпостнымъ правомъ. Такъ, подъ предлогомъ обозрѣнія мѣстныхъ управленій, онъ поручилъ, въ 1841 году, двумъ довѣреннымъ чиновникамъ пристально вглядѣться въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Результатомъ этого была записка будущаго извѣстнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго «о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», въ которой убѣдительно доказывалась тщетность надеждъ на улучшеніе положенія крестьянъ путемъ добровольныхъ соглашеній съ помѣщиками и указывалось на полную невозможность освобожденія крестьянъ безъ земли. «Требованія вѣка—заключалъ свою записку Заблоцкій-Десятовскій—и настоянія нуждъ государственныхъ призываютъ власть самодержавную

защитить крѣпостныхъ отъ своеволія господъ, поставить законъ выше произвола и открыть широкія врата нравственному образованію народа... Одно оно въ силахъ привести въ исполненіе идеи, связывающія поколѣнія отжившія съ поколѣніями грядущими, направляя свои дѣйствія по вѣчнымъ законамъ порядка и истины, хотя бы при осуществленіи ихъ и пришлось встрѣтиться съ болѣзненнымъ ропотомъ частной корысти...». Слова государя смоленскимъ дворянамъ въ 1847 году, приведенныя выше,—дали, повидимому, новый толчекъ мысли объ освобожденіи крестьянъ. Кое-гдѣ стали образовываться кружки изъ помѣщиковъ для выработки единообразнаго проекта освобожденія ихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Но наступилъ 1848 годъ, на Западѣ грянула февральская революція—и «процессъ противъ рабства» былъ признанъ совершенно не подходящимъ ни къ мѣсту, ни къ особенности ко времени. Мысль о томъ, что для разрѣшенія его ничего существеннаго не удалось сдѣлать, не могла однако не тяготить императора Николая и, конечно, входила въ высказанное имъ своему сыну и преемнику, въ предсмертныя минуты, сожалѣніе, что онъ «передастъ ему свою команду» не въ томъ улучшенномъ порядкѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ бы ее видѣть, и что Провидѣніе не судило ему оставить царство «мирнымъ, устроеннымъ и счастливымъ».

Хотя, такимъ образомъ, задуманный нѣкогда съ видимой рѣшимостью «штабъ по крестьянской части» и не получилъ осуществленія, но къ «начальнику» его императоръ Николай сохранилъ на всю жизнь искреннее уваженіе и довѣріе. Руководимый этими чувствами и желаніемъ внести содержаніе во внутреннюю жизнь великой княгини Елены Павловны, онъ ввелъ въ ея кругъ и сблизилъ съ нею Киселева. Послѣдній вскорѣ сдѣлался, какъ видно изъ его дневника, частымъ гостемъ у великой княгини. Онъ быстро и вполнѣ оцѣнилъ ея выдающіяся душевныя свойства, восхищаясь, какъ онъ самъ писалъ, превосходствомъ ея ума и умѣньемъ поддерживать свое достоинство безъ всякой натянутости, но съ глубокимъ сознаніемъ долга, возложеннаго на нее ея положеніемъ. «Когда узнаютъ ея жизнь и дѣла, говорилъ онъ уже въ 1862 году, то должны будутъ оцѣнить ее, какъ она того заслуживаетъ, и убѣдиться, что качества ея сердца равны ея уму, въ которомъ никто не сомнѣвается». Въ духовномъ общеніи съ нею онъ не былъ тѣмъ нелюбимымъ въ салонахъ свѣтской суеты «внушавшимъ боязнь, заносчивымъ, малопривѣтливымъ и слишкомъ уже дерзкимъ на языкъ» человѣкомъ, какимъ его описываетъ недоброжелательный къ нему баронъ М. А. Корфъ. Въ ней онъ имѣлъ достойную собесѣдницу для проявленія своихъ признаваемыхъ даже и «ядоточивымъ» Корфомъ блестящихъ дарованій и «очаровательнаго» ума. И она платила ему полнымъ довѣріемъ, а впослѣдствіи, когда его старость и недуги стали брать свое,—нѣжною заботливостью о немъ. Съ грустью разставшись съ нею за границею, въ сентябрѣ 1862 года, Киселевъ отмѣчаетъ, что въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ имъ въ обществѣ великой княгини въ Рагацѣ, его постоянно окружали ея благоволеніе и вниманіе. Въ сентябрѣ слѣдующаго года она приняла его въ Швейцаріи, «какъ стараго друга», и предложила у себя гостепріимство, при чемъ ея «предусмотрительная дружба устраиваетъ все заблаговременно»,—она присылаетъ одинокому старику, въ видѣ секретаря-компаньона—своего библіотекаря, посылаетъ съ нимъ своего доктора, заботится о немъ даже въ мелочахъ. «Настойчивость, съ которой великая княгиня хотѣла принудить меня надѣть болѣе теплую одежду, вывела меня наконецъ изъ терпѣнія—записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ 18 сентября—и заставила меня сказать ей, что я протестую противъ этого деспотизма, тяжело переносимаго въ частной жизни. Ея ангельская кротость заставила меня понять несправедливость и неумѣстность моей вспышки...». Семидесятисемилѣтнимъ, умудреннымъ опытомъ старцемъ, «насытясь» жизненными встрѣчами, Киселевъ сознавался, что великая княгиня раздѣляетъ, вмѣстѣ съ братомъ его, всѣ его привязанности и что видѣть и слышать ее для него великое счастье, такъ какъ онъ знаетъ всѣ ея высокія качества, отрицаемыя противниками изъ зависти... Онъ совѣтовался съ нею о своихъ «загробныхъ намѣреніяхъ» и, проживая послѣдніе годы жизни — посломъ въ Парижѣ и затѣмъ въ отставкѣ за границею,—постоянно дѣлился съ нею надеждами и тревогами относительно горячо любимой имъ Россіи.

Не можетъ быть сомнѣнія, что вскорѣ послѣ начала ихъ знакомства, онъ высказалъ великой княгинѣ свои задушевныя мысли объ освобожденія крестьянъ, съ жаромъ и убѣдительностью ему свойственными. Онъ, конечно, раскрылъ предъ взорами ея чуткаго сердца будящую жалость и негодованіе картину положенія крѣпостныхъ,—и указалъ ея воспріимчивому уму на возможные пути выхода изъ этого положенія. Не даромъ же она спѣшила потомъ, когда раздался по Россіи благовѣстъ освобожденія, прислать ему переписанную рѣчь Александра II, сказанную 28 января 1861 г. въ знаменательномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта и окончательно рѣшившую отмѣну крѣпостного права,—недаромъ телеграфировала ему 5 марта, что манифестъ 19 февраля уже прочтенъ въ церквахъ..

IV.

«Непріятель найдетъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины»—гласила депеша князя Горчакова о взятіи союзниками многострадальнаго города,—но Россія нашла въ немъ зерно своего обновленія. Севастопольскій погромъ, блистательно подтвердивъ прекрасныя свойства русскаго человѣка, выражавшіяся, между прочимъ, въ его умѣньи умирать, доказалъ совершенную непригодность общественнаго быта и военно-бюрократическаго строя для жизни этого человѣка. Уже въ манифестѣ о заключеніи Парижскаго мира, 19 марта 1856 г., въ видѣ пожеланій было выражено осужденіе тѣхъ порядковъ, во всеоружіи которыхъ мы приступили самонадѣянно и высокомѣрно къ войнѣ. «Развитіе повсюду и съ новой силою стремленія къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности и наслажденіе плодами трудовъ невинныхъ подъ сѣнью законовъ для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ»—были однако немыслимы при существованіи крѣпостного права. Оно, по самой своей сущности, обрекало многіе милліоны людей именно на безправное и безсудное положеніе, а распространеніе просвѣщенія въ крестьянахъ было, по вѣрному взгляду ревнителей этого права, равносильно насажденію въ сельскомъ населеніи сознанія всей вопіющей ненормальности условій его существованія.

Молодой государь, возросшій подъ вліяніемъ Жуковскаго, просившаго судьбу не дать ему забыть на высокой чредѣ святѣйшаго изъ званій—званія человѣка, не могъ, конечно, мириться съ вѣковымъ недугомъ страны, жизнь которой онъ былъ призванъ направить и обновить. Не могъ онъ и не дѣлиться своими желаніями и планами съ тою, къ которой съ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ относился его почившій отецъ и которая сдѣлалась старшимъ по лѣтамъ и по житейскому опыту членомъ императорской семьи. Въ ихъ бесѣдахъ, безъ сомнѣнія, ожили внушенія и мнѣнія Киселева, внѣдрившіяся въ пылкомъ сердцѣ великой княгини и переработанныя въ осязательныя и убѣди-

тельныя формы ея яснымъ и безбоязненнымъ умомъ. Сначала, однако, подъ вліяніемъ укоренившихся правительственныхъ пріемовъ по крестьянскому вопросу, Александръ II былъ вынужденъ прибѣгнуть къ двумъ старымъ мѣрамъ: къ попыткѣ вызвать добровольное, по собственному почину помѣщиковъ, отреченіе ихъ «отъ существующаго порядка владѣнія душами» и къ образованію новаго негласнаго комитета. Но сдѣланное имъ, 30 марта 1856 г., московскому дворянству предложеніе обдумать, какъ лучше уничтожить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу—не привело ни къ чему. Комитетъ же, въ первомъ своемъ засѣданіи единогласно отвѣтившій утвердительно на вопросъ государя: слѣдуетъ ли принять какія либо рѣшительныя мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ?—пошелъ, вслѣдъ за тѣмъ, по старой и избитой дорогѣ самодовольнаго и, быть можетъ даже преднамѣреннаго, квіетизма на излюбленной почвѣ собиранія и систематизированія матеріаловъ, давнымъ давно извѣстныхъ, безплоднаго обмѣна мыслей и соглашенія несогласимыхъ противорѣчій во взглядахъ. Дѣлу, повидимому, грозила его роковая, въ предшествовавшія царствованія, участь. Нѣсколько канцелярски округленныхъ, громкихъ и двусмысленныхъ фразъ прикрыли бы никого не удовлетворявшую скудную по содержанію и послѣдствіямъ мѣру,—и для успокоенія назрѣвшаго органическаго страданія огромнаго общественнаго тѣла были бы предложены «впредь до болѣе благопріятнаго времени» невинныя бюрократическія пилюли. Но на этотъ разъ Богъ сжалился надъ русскимъ крестьянствомъ...

Великая княгиня Елена Павловна поняла, что однимъ изъ главныхъ тормазовъ каждаго благого намѣренія является, наряду съ опасеніями робкихъ душъ, указаніе на невозможность придумать что либо для практическаго осуществленія этого намѣренія, для обращенія его въ начинаніе. Добрая мысль—по нежеланію вдуматься или по коварному стремленію похоронить ее съ притворнымъ и злораднымъ сожалѣніемъ — искусно обращается такимъ образомъ въ «безкрылое желанье», лишенное всякой жизнеспособности. Въ то время, когда одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей новаго царствованія, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, вынужденъ былъ доложить государю, что ни московское, ни нѣкоторыя другія дворянства, къ предводителямъ которыхъ приходилось обращаться, не желаютъ ничего предпринять для улучшенія быта своихъ крестьянъ, отговариваясь тѣмъ, что начала, на которыхъ правительство думало бы это устроить, имъ невѣдомы, а сами они ничего придумать не могутъ,—въ поле дѣйствій выступила великая княгиня. Она рѣшилась собственнымъ починомъ показать, какъ можно устроить такое улучшеніе и какія начала должны быть положены въ осуществленіе дальнѣйшаго преобразованія крестьянскаго строя въ широкихъ размѣрахъ. Ей принадлежало обширное помѣстье въ Полтавской губ., купленное ею у графини Разумовской и заключавшее въ себѣ подъ общимъ названіемъ «Карловки» двѣнадцать селеній и деревень (Карловку, Поповку, Варваровку, Тагамлыкъ, Федоровку, Климовку, двѣ Ланны, Кириловку, Крестище, Тишенковку и Марьяновку), имѣвшихъ при 9090 кв. десятинахъ населеніе изъ 7392 мужчинъ и 7625 женщинъ, изъ коихъ по 10-ой ревизіи было 2839 самостоятельныхъ хозяевъ. Этихъ своихъ крестьянъ она рѣшилась отпустить на волю, предоставивъ имъ на выкупъ часть состоящей въ ихъ пользованіи земли въ размѣрѣ, который обезпечилъ бы ихъ существованіе. Потребовавъ отъ своего управляющаго, барона Энгельгардта, соображеній по этому поводу, она обратилась вмѣстѣ съ тѣмъ къ помощи Николая Алексѣевича Милютина. Она его знала еще съ 1846 г., пожелавъ, въ виду отзывовъ графа Перовскаго и Киселева о молодомъ авторѣ «городоваго положенія», познакомиться съ нимъ. Киселевъ, мнѣніемъ котораго дорожила Елена Павловна, очень цѣнилъ въ Милютинѣ его способности, характеръ и непоколебимые взгляды на необходимость искорененія рабства въ Россіи, и только въ силу своего отвращенія ко всякому непотизму не бралъ его—своего племянника—къ себѣ въ сотрудники. Раздѣляя съ Милютинымъ мысли и чувства о «Carthago delenda», великая княгиня просила его составить для представленія государю записку по задуманному ею дѣлу. Соображенія, представленныя барономъ Энгельгардтомъ, по которымъ предполагалось образовать въ Карловкѣ четыре общества, со своимъ управленіемъ и судомъ, подъ надзоромъ владѣлицы, и отдать имъ $1/_6$ часть всей помѣщичьей земли, съ платою въ годъ по 2 р. за десятину и съ правомъ выкупа земли за взносъ 50 р. съ десятины посредствомъ разсроченныхъ уплатъ, навели великую княгиню на мысль распространить такой порядокъ на всю Полтавскую и даже на смежныя съ ней губерніи. Результатомъ этого явился проредактированный Милютинымъ «планъ дѣйствій для освобожденія въ Полтавской и смежныхъ губерніяхъ крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые сами того пожелаютъ». Согласно этому плану—выработанный тремя или четырьмя помѣщиками названныхъ губерній, извѣстными своими честными и искренними стремленіями къ освобожденію крестьянъ, проектъ общихъ основаній освобожденія долженъ былъ быть представленъ на одобреніе государя императора. Затѣмъ начиналась разсылка приглашеній къ участію въ этомъ дѣлѣ отъ великой княгини «благонамѣреннымъ» изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и, когда ихъ наберется достаточное число, предположено было общее ихъ совѣщаніе въ Карловкѣ, подъ руководствомъ владѣлицы, для согласованія частныхъ проектовъ освобожденія съ общими основаніями и для устраненія изъ нихъ—неправильностей въ оцѣнкѣ отчуждаемой земли, вредныхъ или невыгодныхъ для крестьянъ условій и предположеній, нарушающихъ права казны и частныхъ лицъ. Пересмотрѣнные такимъ образомъ проекты подлежали представленію на Высочайшее утвержденіе. Для приведенія ихъ въ дѣйствіе и устраненія недоразумѣній между владѣльцами и освобожденными было предположено учрежденіе особыхъ попечителей изъ среды участвующихъ въ этомъ дѣлѣ. «Планъ» заключался слѣдующимъ восьмымъ пунктомъ: «актъ освобожденія, приведенный въ исполненіе, присоединяется въ герольдіи къ актамъ того дворянскаго рода, котораго достоинство возвышается такимъ подвигомъ. Собраніе актовъ освобожденія издается для примѣра и руководства». Въ мартѣ 1856 года планъ освобожденія былъ представленъ великою княгинею государю—и она получила предварительное согласіе монарха на его осуществленіе. Такъ былъ положенъ первый камень къ практическому осуществленію освобожденія крестьянъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по призыву, шедшему отъ великой княгини стали поступать къ ней, сосредоточиваясь у Милютина, разнообразныя записки отъ лицъ, намѣченныхъ въ особомъ спискѣ, сохранившемся въ его бумагахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ по искренности и теплотѣ изложенія, по глубинѣ мыслей и обдуманности представляли чрезвычайный интересъ. Почти во всѣхъ указывалось, однако, на необходимость взятія дѣла освобожденія въ свои руки непосредственно правительствомъ. «Если оно теперь не овладѣетъ вопросомъ,—говорилось въ одной изъ нихъ,—и не заявитъ твердой воли возвести крѣпостное сословіе до гражданской свободы, то событія опередятъ его; народъ утратитъ

наконецъ то спасительное упованіе на лучшую будущность, которое одно доселѣ подкрѣпляло его долготерпѣніе, а благія намѣренія просвѣщеннѣйшихъ изъ помѣщиковъ, самая ихъ готовность на добровольныя жертвы, которою теперь такъ легко было бы воспользоваться, истощатся въ безплодныхъ толкахъ или разрозненныхъ попыткахъ». Особенною полнотою и разработкою подробностей отличался между этими записками превосходный трудъ помѣщика Полтавской губерніи В. В. Тарновскаго, будущаго виднаго дѣятеля редакціонныхъ коммиссій. Почти на всѣхъ запискахъ сохранились замѣчанія Милютина или отмѣтки, сдѣланныя рукою великой княгини. Къ этимъ запискамъ присоединилась и превосходная, краткая и яркая записка К. Д. Кавелина, который, послѣ блестящаго очерка ожиданій крѣпостного населенія, приводилъ рядъ доказательствъ въ пользу правительственнаго почина въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и непремѣнно съ землею.

26 августа 1856 г. произошло коронованіе императора Александра II въ Москвѣ. Описывая нарядъ великой княгини въ день коронаціи, ея фрейлина, баронесса Эдита Раденъ, писала своей сестрѣ: «бриллiантовая повязка и падающія съ нея жемчужныя нити удивительно идутъ къ пушистымъ русымъ локонамъ и розовому оттѣнку нѣжной кожи великой княгини: откуда берется у нея эта молодость и эта свѣжесть?..» Тѣлесная оболочка человѣка нерѣдко отражаетъ въ себѣ душевныя его свойства. Лица часто похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Но у пятидесятилѣтней Елены Павловны в н у т р и было тепло и свѣтло—и это отражалось во всей ея внѣшности, въ стремительности ея движеній и походки, за которыми сказывались отмѣчаемыя въ воспоминаніяхъ графини Блудовой стремительность ея ума и характера, которыми она такъ умѣла привлекать и увлекать всѣ мало мальски живые умы. Разогрѣтая какою либо мыслью, облюбовавшая какое либо возвышенное дѣло—она уже не остывала и про ея отношеніе къ нему можно было сказать словами поэта, что «этотъ жаръ ужъ не остынетъ и съ смертью лишь ее покинетъ». Пользуясь своими отношеніями къ государю и его довѣріемъ къ ней, она съ осени 1856 г., не покидая работы по освобожденію крѣпостного населенія Карловки, расширяетъ высказываемые ею взгляды и соображеніямъ по частному и мѣстному вопросу придаетъ уже характеръ общегосударственный. Въ началѣ октября она получаетъ составленную по ея порученію Милютинымъ—быть можетъ, судя по стилю нѣкоторыхъ мѣстъ вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ,—большую записку подъ названіемъ «предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами», въ которой уже вполнѣ опредѣленно говорится, что нужно не у л у ч ш е н і е б ы т а, а полное и безусловное о с в о б о ж д е н і е крестьянъ, что освобожденіе н е м и н у е м о должно быть связано съ надѣломъ крестьянъ землею, сопровождаемымъ выкупною операціею со стороны правительства—и что, наконецъ, для успѣшности принимаемыхъ мѣръ нужна ихъ предварительная выработка въ особыхъ г у б е р н с к и х ъ комитетахъ. Представляя эти «предварительныя мысли» 7 октября государю, великая княгиня объясняла, что безъ общихъ началъ и указаній отъ верховной власти ни одинъ помѣщикъ не въ состояніи совершить важныхъ и существенныхъ преобразованій въ отношеніяхъ своихъ къ крестьянамъ, и что если государю благоугодно одобрить начала, изложенныя въ представляемой ею запискѣ, то она готова примѣнить ихъ къ своимъ имѣніямъ въ Полтавской губерніи и для этого, съ Высочайшаго соизволенія, войти въ ближайшее соглашеніе съ нѣкоторыми мѣстными помѣщиками.

Осуществленіе желанія великой княгини и ея ближайшихъ сотрудниковъ получить указаніе на такія о б щ і я н а ч а л а отъ монарха было вполнѣ понятно. Начертаніемъ этихъ началъ вмѣсто неяснаго и подверженнаго колебаніямъ пожеланія улучшенія быта к р ѣ п о с т н ы х ъ было бы сказано рѣшительное и безповоротное слово совершенно опредѣленной отмѣны к р ѣ п о с т н о г о п р а в а. Нужно было уничтоженіе не фактической возможности злоупотребленія помѣщичьею властью, но самого правового основанія для такой возможности. Но на такой исходъ, при всѣхъ добрыхъ чувствахъ императора Александра II, трудно было разсчитывать. Вопросъ былъ слишкомъ важенъ и затрогивалъ такіе разнообразные интересы, что сжечь сразу корабли было невозможно. Секретные комитеты прошлаго царствованія возвышались одинъ надъ другимъ, какъ пирамида, и бросали свою тѣнь и въ новое царствованіе. Отвѣтъ на представленіе великой княгини получился 26 октября. Въ немъ выражалась ей благодарность за человѣколюбивое намѣреніе дать свободу своимъ крестьянамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была указана невозможность въ данный моментъ дать положительныя указанія общихъ основаній для руководства, такъ какъ рѣшеніе вопроса подчинено многимъ и различнымъ условіямъ, которыхъ значеніе можетъ быть опредѣлено только опытомъ. Поэтому, высказывая не только согласіе, но и желаніе относительно составленія, въ негласномъ совѣщаніи, подъ покровительствомъ великой княгини, одушевленными чувствомъ общаго блага помѣщиками Полтавской и смежныхъ губерній проекта правилъ о дарованіи ихъ крестьянамъ свободы, государь выражалъ увѣренность, что руководимые проницательнымъ умомъ великой княгини они произведутъ трудъ полезный, который, будучи основанъ на справедливости, послужитъ для многихъ другихъ владѣльцевъ примѣромъ, а правительству—облегченіемъ въ постоянномъ стремленіи его разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія. Результатомъ этого письма было порученіе великой княгинею барону Энгельгардту передать одному изъ самыхъ видныхъ Полтавскихъ помѣщиковъ, князю Льву Викторовичу Кочубею, письмо «касающееся весьма важнаго вопроса, о которомъ она н е о д н о к р а т н о р а з с у ж д а л а с ъ к н я з е м ъ», а именно вопроса о «положенія пути къ совершенію дѣла, столь тѣсно связаннаго съ будущимъ благоденствіемъ Россіи и столь близкаго сердцу августѣйшаго Царя нашего». Предлагая князю Кочубею учредить общество изъ крупныхъ и мелкихъ образованныхъ и благомыслящихъ помѣщиковъ Полтавской губерніи для обсужденія и опредѣленія мѣръ, «наилучшимъ образомъ ведущихъ къ желаемой цѣли», она просила его принять въ этомъ обществѣ званіе вице-президента, выражая готовность сама сдѣлаться президентомъ этого Общества.

Позднею осенью великая княгиня уѣхала заграницу и видѣлась тамъ съ извѣстнымъ изслѣдователемъ экономическаго строя Россіи, барономъ Гакстгаузеномъ, умѣвшимъ, при путешествіяхъ по внутреннимъ губерніямъ нашимъ, усмотрѣть подъ офиціальною и однообразною внѣшностью многія характерныя и важныя черты исторической, религіозной и бытовой жизни народа. Она сообщила ему о своихъ желаніяхъ и надеждахъ, и онъ вручилъ ей записку, содержащую въ себѣ подробный планъ организаціи и дѣятельности ф е р е й н о в ъ и р у к о в о д и т е л ь н ы х ъ к о м и т е т о в ъ (leitende Comité's) изъ среды помѣщиковъ, для освобожденія, с ъ с о х р а н е н і е м ъ о б щ и н н а г о у с т р о й с т в а, крестьянъ въ видѣ личнаго благодѣянія (однако, съ вознагражденіемъ отъ правительства), но отнюдь не въ видѣ общей правительственной мѣры, могущей возбудить опасныя притязанія. Такимъ образомъ

и со стороны уважаемаго ею ученаго—великая княгиня не встрѣтила сочувствія необходимости установленія общихъ началъ освобожденія, исходящихъ отъ правительства. Но она не унывала и, опираясь на трудъ и совѣты Милютина и Кавелина, продолжала свое дѣло. Карловка была въ ея рукахъ будильникомъ, дававшимъ возможность время отъ времени напоминать о необходимости освобожденія и двигать съ своей стороны это дѣло. Въ проектахъ дарованія свободы крестьянамъ Карловки теплился и тщательно ею оберегался священный огонекъ будущаго общаго раскрѣпощенія. Проницательнымъ умомъ своимъ она понимала, что освобожденіе 15 тысячъ душъ съ землею, сдѣланное русской великою княгинею и старѣйшимъ членомъ императорскаго дома,—будетъ въ нашей внутренней жизни событіемъ первостепенной важности, послѣдствія котораго, въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія и подражанія, могутъ быть огромны. И вотъ, въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ 1857 года, когда негласный комитетъ плететъ свое канцелярское кружево,—когда Ростовцевъ и баронъ Корфъ стремятся уклониться отъ занятій въ немъ,—когда, наконецъ, самъ государь, говорящій въ Киссингенѣ Киселеву, что «никого не имѣетъ, кто помогъ бы ему въ важномъ и неотложномъ дѣлѣ доведенія до конца крестьянскаго вопроса», производитъ на послѣдняго впечатлѣніе человѣка «котораго обременяютъ и которому докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія», великая княгиня Елена Павловна продолжаетъ свое дѣло бодро и настойчиво. Въ февралѣ она получаетъ отъ Милютина окончательно имъ выработанныя общія основанія освобожденія крестьянъ въ Полтавской, Черниговской, Курской и Харьковской губерніяхъ; лѣтомъ, въ Вильдбадѣ по ея порученію Кавелинъ примѣняетъ, въ особой работѣ, эти начала, во всѣхъ подробностяхъ къ Карловкѣ; въ сентябрѣ, когда недовольный бездѣйствіемъ негласнаго комитета, государь назначаетъ въ составъ его живого, талантливаго и рѣшительнаго брата своего *Константина Николаевича*,—она препровождаетъ эту работу великому князю и вступаетъ съ нимъ, по этому поводу, въ оживленную переписку, продолжающуюся затѣмъ уже между Кавелинымъ и А. В. Головнинымъ, который тоже былъ хотя и тихимъ, но стойкимъ носителемъ идеи упраздненія крѣпостного права. Затѣмъ, 13 февраля 1858 года, подъ руководствомъ Милютина составляется окончательно экономическая часть «Положенія объ устройствѣ Карловскаго имѣнія», а 8 марта того же года «административная» его часть и все положеніе вносится наконецъ на разсмотрѣніе негласнаго комитета, обратившагося съ начала 1858 г. въ «Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу». Этимъ положеніемъ вся крестьянская усадебная земля съ постройками, считая по $^3/_4$ десятины на каждаго хозяина, поступаетъ въ полную собственность крестьянъ, а вся пахотная и сѣнокосная земля, обрабатываемая крестьянами, поступаетъ въ постоянное ихъ общинное пользованіе съ правомъ выкупа, наравнѣ съ усадебною землею, при уплатѣ по 25 р. за десятину. Хозяйственное распоряженіе общественною землею, распредѣленіе повинностей и взиманія оброка (впредь до выкупа по 1 р. 50 к. с. въ годъ съ десятины, причемъ за пользованіе усадебною землею ничего не платится) совершается мірскимъ обществомъ посредствомъ сходовъ и выборныхъ должностныхъ лицъ. Въ полицейскомъ и административномъ отношеніяхъ всѣ отдѣльныя общества образуютъ четыре волостныя общества.

Ко времени утвержденія этого положенія общій крестьянскій вопросъ быстро двинулся впередъ подъ вліяніемъ энергической дѣятельности новаго члена главнаго комитета, великаго князя Константина Николаевича, подкрѣпляемой продуманными распоряженіями и твердыми представленіями Ланского, проникнутыми стремленіемъ оградить русское крестьянство отъ привитія къ нему, подъ видомъ улучшенія его быта, безземельнаго батрачества. Рескриптъ на имя генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края Назимова, про который можно было съ полнымъ основаніемъ сказать—alea jacta est!—*показалъ, что* правительство взяло, наконецъ, въ свои руки уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній. Запоздалая готовность московскаго дворянства составить проектъ положенія на основаніяхъ, признаваемыхъ **имъ** общеполезными и удобными, по отношенію къ которымъ, однако, оно еще за годъ предъ этимъ отвѣчало «non possumus», была отклонена указаніемъ на главныя начала, преподанныя дворянству другихъ губерній, изъявившему раньше московскаго желаніе устроить и улучшить быть своихъ крестьянъ. Занявшаяся въ 1856 году и по временамъ заволакиваемая облаками заря освобожденія разгоралась сильнѣе и сильнѣе, наполняя души всѣхъ «алчущихъ и жаждущихъ правды» тѣмъ чувствомъ восторженной бодрости, которую впослѣдствія ни забыть, ни вновь испытать было невозможно. Всюду открывались губернскіе комитеты, и то, что дни крѣпостного права сочтены—сдѣлалось несомнѣннымъ. Поэтому и въ § 14 «Положенія для крестьянъ Карловскаго имѣнія», вступившемъ въ силу 21 мая 1859 г., говорилось «права и преимущества, какія будутъ впослѣдствіи по Высочайшей, государя императора, волѣ предоставлены всѣмъ вообще помѣщичьимъ крестьянамъ, безусловно распространяются и на крестьянъ Карловскаго имѣнія, независимо отъ тѣхъ облегченій, которыя предоставляются имъ настоящимъ положеніемъ».

Съ учрежденіемъ редакціонныхъ коммиссій, въ библіотеку которыхъ великая княгиня тотчасъ же препроводила 32 сочиненія о положеніи крестьянъ въ Австріи и Пруссіи, положеніе Милютина — негласнаго совѣтника и сотрудника Елены Павловны—измѣнилось. Замѣняя въ редакціонныхъ коммиссіяхъ министра, въ качествѣ «временно исполняющаго обязанности товарища министра» («временно-постояннаго»—злобно острили его враги), онъ явился прямымъ и открытымъ поборникомъ «святого — по выраженію Киселева — дѣла». Люди, одушевленные тѣми же благородными идеями, сгруппировались около него,—враги «дѣла» сплотились противъ. Настойчивая работа его по приданію **городскому управленію** цѣлесообразнаго и достойнаго характера была послѣдними немедленно поставлена ему въ вину и связана съ его дѣятельностью по «эманципаціи». Враждебными и торопливыми руками былъ наклеенъ ярлыкъ «краснаго» на человѣка, горячо любившаго Россію и желавшаго способствовать государю въ выводѣ ея изъ безсудія и безправія, о которыхъ другой истинный патріотъ—Иванъ Аксаковъ—писалъ, въ 1855 году, своему отцу: «чего можно ожидать тамъ, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду,—надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо,—надо пройти цѣлую процедуру обмановъ и низостей, чтобы добиться необходимаго законнаго?!» Чѣмъ больше чувствовалась нравственная и трудовая сила Милютина, тѣмъ сильнѣе свивала и развивала противъ него свои змѣиныя кольца клевета. Она создавала ему репутацію вреднаго честолюбца и человѣка опаснаго, которому нельзя довѣрять выработку и направленіе мѣръ государственной важности. Его хулители, въ большинствѣ случаевъ умѣвшіе лишь оберегать своекорыстные интересы и выражавшіе свое служеніе роднѣ неутомимою жаждою наградъ и отличій, не могли, съ своей точки зрѣнія, понять мнѣнія Монтескье (въ Esprit des lois) о томъ, что «желать возвышенія на властный постъ вполнѣ дозволительно каждому гражданину, ибо каждому дозволительно желать быть въ состояніи оказать наи-

большія услуги своей родинѣ». Онп не хотѣли знать, что друзья и единомышленники этого честолюбца—и въ томъ числѣ даже и великій князь Константинъ Николаевичъ—упрекали его въ наживаніи себѣ враговъ своею крайнею рѣзкостью, неуступчивостью и отсутствіемъ свѣтской обходительности. Дѣйствительно, Милютинъ слишкомъ явно отдавался, хотя и вполнѣ понятной, но опасной для общественнаго бойца, склонности презирать тѣхъ, кого не можешь уважать. И путь этого замѣчательнаго человѣка, про котораго наше общество,—если бы оно умѣло быть благодарнымъ,—могло сказать словами англійскаго поэта «an honest man is the noblest work of God», былъ усѣянъ терніями. За возможность быть полезнымъ родинѣ — онъ, съ виду сдержанный и спокойный, платилъ и заплатилъ кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ... Ему необходима была, даже независимо отъ его желаній, нравственная поддержка и зоркое, участливое отношеніе къ дѣлу, которому онъ отдавалъ всѣ свои силы.

Все это нашелъ онъ у великой княгини. Она старалась всѣми мѣрами, прямо и косвенно, дать предубѣжденному противъ него лживыми навѣтами государю случай узнать его ближе и увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ. Уже въ 1858 году, у себя на вечерѣ она представила Милютина императрицѣ, соединявшей сердечную доброту съ самостоятельностью мнѣній, независимыхъ отъ репутацій, создаваемыхъ кружками,—и познакомила его съ княземъ Горчаковымъ, чей тонкій и европейски-культурный умъ могъ оцѣнить духовную сущность Милютина. За этимъ послѣдовало оффиціальное представленіе Милютина императрицѣ и длинный разговоръ съ нею объ освобожденіи крестьянъ. Въ февралѣ 1860 года, въ Михайловскомъ дворцѣ, произошелъ подготовленный великою княгинею длинный разговоръ государя съ Милютинымъ о трудахъ редакціонной коммиссіи, только что лишившейся Ростовцева—причемъ государь выразилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ желаніе, чтобы Милютинъ продолжалъ помогать въ трудахъ по освобожденію и новому предсѣдателю—графу Панину. Съ напряженнымъ и серьезнымъ вниманіемъ слѣдила Великая Княгиня за дѣятельностью Милютина на службѣ «святому дѣлу»,—дѣлилась съ нимъ лично и черезъ баронессу Раденъ извѣстіями, которыя могли его порадовать или ободрить (напримѣръ о назначеніи вел. кн. Константина Николаевича предсѣдателемъ Главнаго Комитета); старалась заранѣе установить между нимъ и великимъ княземъ довѣрчивыя и сочувственныя личныя отношенія, сообщала ему о слухахъ, осуществленіе которыхъ могло гибельно отозваться на приложеніи къ жизни работъ по освобожденію. Еще въ 1859 году, когда изъ редакціонной коммиссіи съ шумнымъ протестомъ удалились два непримиримыхъ представителя крупнаго землевладѣнія — гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ, великая княгиня поручила баронессѣ Раденъ написать Милютину, что 28 мая она имѣла весьма пріятный разговоръ съ государемъ и воспользовалась случаемъ поручить коммиссію его милостивому вниманію, прося поддержать ее противъ недоброжелательствъ и продолжать быть защитникомъ тѣхъ, кто не имѣетъ голоса въ дѣлѣ. Къ дальнѣйшему сообщенію Раденъ объ откровенной бесѣдѣ великой княгини съ Ростовцевымъ и о ея находчивомъ отвѣтѣ князю Долгорукому, сожалѣвшему о выходѣ изъ коммиссіи представителей «аристократическаго принципа»,—Елена Павловна приписала: «наконецъ я рекомендовала васъ и Черкасскаго еще разъ Ростовцеву. Да хранитъ васъ Господь! Не теряйте бодрости, такъ какъ я имѣю надежду»...

И не въ одномъ Милютинѣ она стремилась поддерживать бодрость духа. Она пригрѣла своею заботою его главныхъ сотрудниковъ, одушевленныхъ одними съ нимъ идеалами. Князь Черкасскій и Юрій Самаринъ сдѣлались не только постоянными посѣтителями Михайловскаго дворца, но и стали предметомъ особаго вниманія его хозяйки. Лѣтомъ 1859—1860 гг. князь Черкасскій по ея приглашенію переселился въ одинъ изъ дворцовыхъ флигелей дворца на Каменномъ островѣ,—туда же былъ по настояніямъ великой княгини перевезенъ и заболѣвшій отъ переутомленія Юрій Самаринъ, лежавшій въ душной гостиницѣ пыльнаго города. Назначеніе графа Панина предсѣдателемъ редакціоннаго комитета разстроило великую княгиню. Ей казалось, что настаетъ время, когда можно «потерять надежду». Съ тревогою ждала она первыхъ шаговъ замѣстителя Ростовцева, трогательная кончина котораго произвела удручающее впечатлѣніе на всѣхъ друзей и поборниковъ освобожденія. Она рѣшилась даже, какъ сообщала, въ утѣшеніе и ободреніе Милютину, выразить государю свое удивленіе призванію Панина на дѣло, которому онъ завѣдомо не сочувствуетъ и, слѣдовательно, не можетъ служить съ пользою. Оказалось, что она была лучшаго мнѣнія о Панинѣ, чѣмъ знавшій его ближе государь, сказавшій ей: «вы совсѣмъ не знаете его: у него вовсе нѣтъ убѣжденій и будетъ лишь одно желаніе—угодить мнѣ»... Сознавая всю тяжесть работы, носимой Милютинымъ при сочувственномъ сотрудничествѣ друзей, и то значеніе, которое получатъ эти «страдные дни» для него тогда, когда утихнетъ «злоба дня» и вся эта работа, борьба, скорбь и успѣхи станутъ лишь воспоминаніемъ,—великая княгиня прислала Милютину, на елку, въ 1860 году, альбомъ съ различными фотографическими портретами. «Я думаю,—писала она,—что подарокъ альбома, содержащаго живые образы вашихъ друзей и противниковъ въ памятные годы 1859—60 можетъ доставить вамъ удовольствіе. Я не хотѣла замѣнить какою либо надписью заслуженный вами девизъ, но мѣсто для него приготовлено. Въ Писаніи сказано: «сѣющіе въ слезахъ—пожнутъ въ радости», и я хочу вѣрить этому обѣщанію и видѣть его осуществленнымъ, какъ для васъ, такъ для народа, въ пользу котораго вы трудились». Эти слова и были затѣмъ вырѣзаны, по желанію Милютина, на скромномъ, по драгоцѣнномъ по мысли альбомѣ.

Когда освобожденіе совершилось, то противники его, не имѣя болѣе возможности помѣшать творенію лучшихъ людей земли русской, сосредоточили всѣ силы на томъ, чтобы лишить творцовъ радости руководить практическимъ проведеніемъ ихъ дѣла въ жизнь. Окончаніе Милютинымъ главной работы, вынесенной имъ на своихъ плечахъ «ohne Hast, ohne Rast», вмѣсто того, чтобы упрочить его положеніе, сдѣлало послѣднее еще болѣе шаткимъ, особливо въ виду того, что въ него бросали, какъ въ злоумышленнаго разорителя дворянъ въ пользу крестьянъ,—уже не камнями, а, употребляя выраженіе автора «Былаго и Думъ» цѣлой мостовою. Сознаніе этой шаткости продиктовало 29 января 1861 г. великой княгинѣ слѣдующую, исполненную предусмотрительной заботливости записку Милютину: «если вы будете видѣться съ государемъ императоромъ наединѣ и онъ заговоритъ съ вами о дворянствѣ—вамъ непремѣнно слѣдовало бы объяснить, что вы вовсе не противъ него, но что вамъ больно и стыдно оттого, что сословіе, къ которому вы принадлежите, такъ мало соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ ему надлежало бы быть»... Но судьба Милютина (а также и Ланского) была уже рѣшена и—уволенный въ годичный заграничный отпускъ съ назначеніемъ сенаторомъ, онъ въ началѣ мая 1861 г. извѣщалъ друзей своихъ Самарина и Черкасскаго, что, въ качествѣ «выпровоженнаго», уклады-

вает свои вещи для путешествія и что великая княгиня грустить и страдаетъ. Но это не мѣшало ей, не утрачивая вѣры въ лучшее будущее для Милютина, заботиться о сохраненіи его силъ для этого будущаго. Въ Парижѣ жилъ графъ Киселевъ, еще въ 1858 г. писавшій Милютину: «отъ всей души желаю успѣшныхъ результатовъ предпринятому дѣлу и молю Бога даровать твердую настойчивость тѣмъ, которые призваны работать въ вертоградѣ — я по старости и дряхлости едва ли увижу плоды этого великаго и прекраснаго дѣла, но желаю, чтобы надъ нимъ постоянно трудились и чтобы оно шло къ цѣли, которая должна быть достигнута, несмотря на желанія тѣхъ, которые разсчитываютъ на утомленіе работниковъ». Къ Киселеву и обратилась великая княгиня, прося его употребить все свое вліяніе, чтобы заставить Милютина отдохнуть и провести зиму въ Парижѣ, гдѣ близость съ замѣчательными людьми освѣжитъ его и послужитъ ему на пользу, когда онъ вернется въ отечество и вновь приметъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Графъ Киселевъ исполнилъ данное ему порученіе съ любовью и умѣньемъ, видѣлся съ Милютинымъ «сколько могъ, но не столько сколько бы желалъ, въ виду его ума и поучительности его разговоровъ о внутреннихъ дѣлахъ Россіи»,—познакомилъ его съ главными политическими знаменитостями Франціи и съ радостью замѣтилъ, что истинное достоинство его племянника было оцѣнено такими людьми, какъ Гизо и Тьеръ, и что многіе искали случая съ нимъ познакомиться. «Но я нахожу его печальнымъ и озабоченнымъ,—записываетъ Киселевъ въ своемъ дневникѣ—и я это понимаю. Трудъ, который на него взвалили, былъ очень тяжелъ и неблагодаренъ; онъ работалъ съ ревностью и самоотверженіемъ, но удовлетворить всѣ противоположные интересы невозможно: это гордіевъ узелъ, который разсѣкаютъ, а не развязываютъ»... Въ теченіе почти двухъ лѣтъ, которые Милютину пришлось провести въ безсрочномъ отпуску, напоминавшемъ ему о его ненужности для русскихъ дѣлъ, великая княгиня сообщала ему сама и черезъ посредство баронессы Раденъ все, что могло его интересовать въ судьбахъ родины. Сообщенія эти полны свѣдѣній о личностяхъ, законодательныхъ работахъ и предположеніяхъ. При этомъ постоянно высказывается задушевное желаніе великой княгини, раздѣляемое и вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, видѣть Милютина министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣстѣ Валуева «предназначеннаго много говорить и мало дѣлать» или, на худшій конецъ, министромъ государственныхъ имуществъ, т. е. видѣть его въ положеніи, въ которомъ «личная оцѣнка его государемъ могла бы служить залогомъ его дѣйствительной полезности». Она совѣтуетъ ему вернуться, увѣренная, что его силы и свѣдѣнія найдутъ, наконецъ, справедливое къ себѣ отношеніе и живое приложеніе къ массѣ назрѣвшихъ вопросовъ. Но Милютинъ, въ законной гордости безкорыстнаго труженика на благо народа, вспоминая всѣ тѣ двусмысленныя и неловкія положенія, въ которыя онъ былъ въ послѣдніе годы поставленъ оказываемымъ ему, почти вынужденнымъ, полудовѣріемъ, желалъ явнаго и осязательнаго призыва его къ государственной дѣятельности, предоставляемой ему безъ оговорокъ и съ полнымъ довѣріемъ. Въ концѣ концовъ и великая княгиня раздѣлила его взглядъ. Сожалѣя о безсрочности его отпуска и признавая всю полезность его участія въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса объ обязательномъ выкупѣ и въ выработкѣ положенія о земствѣ, она находила однако, что онъ хорошо дѣлаетъ «не стремясь на поле дѣятельности, на которомъ стали бы снова истощать его силы, клевеща въ то же время на его намѣренія». Она старалась утѣшить его интересными сторонами пребыванія въ Парижѣ. По поводу *приглашенія его на экономическій обѣдъ*, гдѣ онъ собирался, вслѣдствіе многочисленныхъ просьбъ, разсказать присутствующимъ организацію освобожденія, она писала ему: «то, что вамъ приходится увидѣть, можетъ быть очень поучительно для государственнаго человѣка, каковы бы ни были его личныя убѣжденія и я надѣюсь, что вы пополните это знакомствомъ съ самимъ «сфинксомъ» *); необходимо, чтобы вы его видѣли и сообщили мнѣ при свиданіи ваши впечатлѣнія»... Ее даже встревожило за Милютина внезапно возникшее предположеніе поставить его во главѣ гражданскаго управленія Польши, волнуемой начинавшимся мятежомъ. «Я узнаю— писала она 11 мая 1862 г.,—что, вызванный сюда, вы прибыли— и хочу вамъ сказать, что всѣ мои желанія сводятся къ тому, чтобы вы избѣжали опаснаго назначенія въ Варшаву, которое лишитъ Россію васъ, не давъ вамъ достигнуть съ успѣхомъ чего либо во враждебно настроенной странѣ, языкъ, законы и стремленія которой еще надо изучить»...

Введеніе земскихъ учрежденій и судебная реформа, послѣдовавшія за отмѣною крѣпостного права,—привлекали къ себѣ вниманіе и безусловныя симпатіи великой княгини. Она интересовалась первыми шагами новыхъ учрежденій и очень горячо принимала къ сердцу слухи о томъ, что, послѣ паденія министра юстиціи Замятнина, высокимъ началамъ, вложеннымъ въ судебные уставы, можетъ, какъ тогда казалось, грозить серьезная опасность. Но мысли ея, главнымъ образомъ, обращались къ освобожденію крестьянъ, въ которомъ ей пришлось принимать такое живое и плодотворное участіе. Это было особенно дорогое ей воспоминаніе. По справедливости можно сказать, что если бы у нея не было никакихъ другихъ однородныхъ воспоминаній за всю ея жизнь, то и тогда она могла бы, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, сознавать, что жила недаромъ. Девизъ, предложенный ею для альбома Милютина, по праву можетъ принадлежать и ей. И у нея бывали невидимыя міру слезы—и въ ея сердцѣ, исполненномъ довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа и жалости къ нему, бывали минуты радостной жатвы своихъ безкорыстныхъ усилій. Недаромъ извѣстный ученый епископъ Порфирій пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ 1862 году она, предъ исповѣдью у него, призналась ему въ своемъ горячемъ участіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ по желанію имъ добра... Возвращаясь мыслью къ этому періоду своей жизни, она, чрезъ пять лѣтъ послѣ освобожденія, предположила издать, при дѣятельной помощи баронессы Раденъ, обширный сборникъ подъ названіемъ «Православный Календарь». Въ немъ, среди статей, обѣщанныхъ выдающимися авторами— и въ томъ числѣ Тургеневымъ,—одно изъ видныхъ мѣстъ должны были занять—«историческій очеркъ крѣпостного состоянія по его возникновенію и вліянію на народный бытъ», а также исторія освобожденія крестьянъ и объясненіе значенія этой перемѣны въ народной жизни. Эту работу, отъ имени великой княгини, баронесса Раденъ просила принять на себя Самарина потому, что ему для этого достаточно лишь «заставить себя мысленно» пережить эпоху «славной борьбы». Сердечная поддержка главныхъ дѣятелей этой «славной борьбы», вѣрность имъ, несмотря ни на что—и благотворное, постоянное, исполненное такта, воздѣйствіе на рѣшимость государя довести до конца святое дѣло отмѣны крѣпостного ига, не должны быть забыты исторіей.

---

*) Императоромъ Наполеономъ III.

Нимфа Эгерія новаго царствованія, сохранявшая подъ нѣжною женственною оболочкою мужественную и стойкую волю, всегда направленную къ возвышеннымъ цѣлямъ,—великая княгиня обладала тѣмъ огнемъ, который нуженъ, чтобы зажигать сердца людей какъ для преданной любви, такъ и для вражды. Поэтому она не могла не вызывать чувства завистливаго нерасположенія «посреди пустыхъ, холодныхъ и напыщенныхъ собой»... «Всѣми она признана мастерицею устраивать праздники и плѣнять своимъ умомъ,—пишетъ въ своихъ запискахъ, въ назиданіе потомству, одинъ видный царедворецъ послѣ бала у нея 13 февраля 1860 года, въ самый разгаръ ея тревожной дѣятельности по крестьянскому дѣлу:—если бы эта умная женщина не мѣшалась въ государственныя дѣла—прибавляетъ онъ глубокомысленно—она, конечно, была бы украшеніемъ нашего двора». Но потомство не раздѣлитъ этого взгляда—и когда будетъ, наконецъ, издана полная біографія великой княгини Елены Павловны, скончавшейся 9 января 1873 года, оно съ благодарнымъ чувствомъ преклонится предъ ея нравственно высокимъ и привлекательнымъ въ своемъ истинномъ величіи образомъ.

Николай Алексѣевичъ МИЛЮТИНЪ †).

А. И. Браудо.

I.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ родился 6-го іюня 1818 г. въ Москвѣ, въ небогатой дворянской семьѣ; мать, имѣвшая несомнѣнно благотворное вліяніе на развитіе юноши, была родной сестрой П. Д. Киселева (о немъ см. въ статьѣ: «Вел. кн. Елена Павловна»). Извѣстно записанное со словъ Милютина незадолго до его кончины въ 1872 г. воспоминаніе о тѣхъ упрекахъ, которые ему, 16-ти лѣтнему юношѣ, пришлось выслушать отъ матери за то, что онъ продержалъ однажды своего кучера болѣе 15 часовъ кряду на трескучемъ морозѣ. «Съ этой минуты, вспоминалъ Милютинъ, мечта о возможности освобожденія крестьянъ запала мнѣ въ голову и съ тѣхъ поръ уже никогда меня не покидала».

Въ 1835 г., когда Милютину было всего 17 лѣтъ, умерла его мать и выяснившаяся запутанность въ состояніи дѣлъ, лишивъ его возможности продолжать образованіе, заставила поступить на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Нужно было обладать совершенно исключительными способностями, чтобы попавъ въ такомъ возрастѣ въ темное царство канцелярій, гдѣ почти военная дисциплина грозила затушить всякое проявленіе индивидуальности, не погибнуть въ немъ. Уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ Милютинъ докладной запиской по продовольственному вопросу обратилъ на себя вниманіе министра графа Строганова, который потомъ черезъ 20 лѣтъ съ гордостью говорилъ о томъ, что онъ первый открылъ Милютина. Пожелавъ видѣть автора доклада и усомнившись, чтобы имъ могъ быть такой юный человѣкъ, Строгановъ заставилъ его написать тутъ же въ своемъ кабинетѣ записку по поводу первыхъ проектовъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; совершенно неподготовленный Милютинъ вышелъ съ честью изъ испытанія. Съ этого момента ему начинаютъ давать отвѣтственныя порученія. При преемникѣ Строганова Перовскомъ, о которомъ говорили, что всѣ его рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ составлялись Милютинымъ, онъ былъ сдѣланъ начальникомъ вновь учрежденнаго въ хозяйственномъ департаментѣ городского отдѣла и на него, между прочимъ, была возложена выработка новаго городового положенія—въ видѣ опыта для Петербурга. Въ теченіе четырехъ лѣтъ подъ его руководствомъ собраны были матеріалы по исторіи городского управленія въ Россіи и произведено обстоятельное обслѣдованіе городского хозяйства. Милютинъ стремился привлечь къ участію въ городскомъ самоуправленіи болѣе образованные слои городского населенія и придать городской думѣ самостоятельность при рѣшеніи подвѣдомственныхъ ей вопросовъ. Рѣзко расходившееся съ духомъ времени положеніе это послужило къ установленію за Милютинымъ репутаціи неблагонадежнаго человѣка. Бибиковъ, послѣдній министръ Николаевскаго царствованія, сказалъ будто бы по адресу Милютина, что «находясь на службѣ государя императора, надо вести дѣла въ духѣ самодержавія, а не проводить свои идеи, несогласныя съ монархическимъ правленіемъ». Этотъ первый крупный трудъ Милютина обратилъ на него вниманіе широкихъ слоевъ общества. О Милютинѣ заговорили и между прочимъ желаніе познакомиться съ нимъ выразила великая княгиня Елена Павловна. Уже въ Николаевское царствованіе Милютинъ имѣлъ возможность не только знакомиться съ крестьянскимъ вопросомъ, но до нѣкоторой степени и вліять на положеніе его. Во время поѣздки своей съ извѣстнымъ статистикомъ П. Кеппеномъ по югу Россіи онъ дѣлалъ наблюденія надъ крестьянскимъ бытомъ и затѣмъ въ министерствѣ Перовскаго, которое было грозой для помѣщиковъ, злоупотреблявшихъ своей властью, онъ по службѣ своей въ хозяйственномъ департаментѣ несомнѣнно имѣлъ отношеніе къ этимъ дѣламъ, и его вліянію нужно, по всей вѣроятности, приписать надлежащее ихъ направленіе. На глазахъ же Милютина учреждались секретные комитеты 1846 и 1848 гг. по крестьянскому дѣлу и на ихъ примѣрѣ онъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ мало можно было ожидать отъ такой, ведущейся подъ покровомъ канцелярской тайны, работы. Но дѣятельное, руководящее во всѣхъ отношеніяхъ участіе его въ крестьянскомъ дѣлѣ началось лишь съ наступившей ликвидаціей Николаевской эпохи. Висѣвшая уже давно въ воздухѣ идея уничтоженія крѣпостного права, вступивъ теперь въ фазисъ практическаго осуществленія, вызвала рѣзкое столкновеніе интересовъ и ожесточенное сопротивленіе заинтересованной стороны. Высшая власть, пришедшая къ убѣжденію, что лучше сдѣлать реформу сверху, чѣмъ ждать, пока

†) Ср. о Милютинѣ также выше въ статьѣ: «В. к. Елена Павловна».

она будетъ сдѣлана снизу, и сознавшая необходимость немедленно же приступить къ ея осуществленію встрѣтилась лицомъ къ лицу съ ожесточенной оппозиціей дворянства, борьба съ которымъ была тѣмъ труднѣе, что именно къ этимъ оппозиціоннымъ группамъ дворянства принадлежали почти всѣ представители высшей бюрократіи, а также и большая часть близкихъ къ государю лицъ. При такихъ условіяхъ правительству, желавшему реформы, только потому удалось осуществить ее, что оно имѣло возможность опереться на стремившуюся къ той же реформѣ прогрессивную часть русскаго общества. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ компетенцію котораго входили всѣ касающіеся крестьянскаго быта вопросы, оказались самые горячіе и убѣжденные сторонники освободительной идеи — Ланской и Милютинъ. Разграничить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ роли обоихъ дѣятелей крайне трудно, но нельзя не сказать, что заслуги Ланского обыкновенно совершенно забываются. Ланской, старый либералъ, франъ-массонъ Александровской эпохи, другъ многихъ декабристовъ, еще въ молодые годы былъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ.— Теперь, предоставленный самому себѣ, онъ не нашелъ-бы по всей вѣроятности въ себѣ ни достаточнаго умѣнія, ни мужества, чтобы отстоять и провести дѣло, которому былъ искренно преданъ, и заслуга его состоитъ не только въ томъ, что онъ, понявъ силу и значеніе Милютина, передалъ ему руководящую роль, но въ томъ, что онъ мужественно, рискуя на каждомъ шагу своимъ личнымъ благополучіемъ, защищалъ какъ само дѣло, такъ и своего сотрудника. Помимо того Ланской очень много способствовалъ удачному завершенію реформы, защищая ее въ главномъ комитетѣ и передъ государемъ. Оба они связали свою судьбу съ разрѣшеніемъ крестьянскаго дѣла и обоимъ имъ Россія обязана тѣмъ, что Положеніе 19 февраля удалось вырвать изъ рукъ враговъ хотя-бы въ томъ видѣ, въ какомъ оно увидѣло свѣтъ.

Графъ Сергѣй Степановичъ Ланской.
(1786 - 1862).

II.

Первымъ важнымъ эпизодомъ въ исторіи дѣятельности Милютина по крестьянскому дѣлу было участіе въ составленіи проекта отвобожденія Карловскихъ крестьянъ (см. выше въ статьѣ: «В. к. Ел. Павловна»). Лишь благодаря Милютину, дѣло это получило широкое общественное значеніе. Въ письмахъ своихъ къ великой княгинѣ Милютинъ—принявшій затѣмъ горячее участіе въ трудахъ по составленію проекта—убѣждаетъ ее придать дѣлу болѣе широкую постановку, дать ему такой характеръ, чтобы оно не было актомъ великодушія, а чтобы оно послужило образцомъ и отправной точкой для проведенія реформы, чтобы правительство могло бы въ этомъ дѣлѣ найти общія основанія для устройства освобожденныхъ крестьянъ. Въ возбуждавшемъ страстные споры вопросѣ о формѣ, въ которую выльется освобожденіе, объ освобожденіи съ землей или безъ нея, для Милютина не было, конечно, колебаній. Но онъ уже теперь установилъ, очевидно, и тотъ путь, которымъ правительство должно было идти къ осуществленію реформы. Ему уже теперь была ясна задача дѣятелей реформы, — необходимость прежде всего вызвать иниціативу со стороны дворянъ-собственниковъ, а съ другой стороны, зорко слѣдить за тѣмъ, какое направленіе примутъ ихъ работы, каковы будутъ ихъ пожеланія. На этой точкѣ зрѣнія, которую онъ съ замѣчательной послѣдовательностью проводилъ впослѣдствіи, Милютинъ стоялъ уже теперь, при обсужденіи Карловскаго проекта. Онъ предложилъ великой княгинѣ войти съ разрѣшенія Государя въ переговоры съ самыми просвѣщенными помѣщиками Полтавской губерніи — Кочубеемъ, Тарновскимъ—относительно организаціи на мѣстѣ комитета и намѣтить составъ послѣдняго, но въ то же время полагалъ, «что если бы члены комитета выразили свои взгляды на сущность вопроса, то было бы благоразумнѣе не входить въ разборъ ихъ взглядовъ, чтобы тѣмъ самымъ сохранить за правительствомъ свободу дѣйствій». Этими словами намѣчается программа дѣйствій въ будущемъ. Сознавая неизбѣжность борьбы, Милютинъ въ письмахъ своихъ къ великой княгинѣ высказывается за необходимость поставить во главѣ дѣла лицо, близкое къ верховной власти,— «весьма возможно, писалъ онъ, что при первомъ же обмѣнѣ мыслей, въ интересахъ самаго дѣла, потребуется энергичный руководитель, могущій оказать и нравственную поддержку для того, чтобы придать съ самаго начала нѣкоторую устойчивость столь нетвердымъ взглядамъ и убѣжденіямъ». Этимъ лицомъ могъ быть, конечно, только великій князь Константинъ Николаевичъ, который позже, въ рѣшительный моментъ, и принялъ, какъ извѣстно, выдающееся участіе въ реформѣ.

А между тѣмъ крестьянское дѣло шло своимъ чередомъ. Секретный комитетъ 1857 года, въ который вошли почти исключительно

лица, несочувственно относившiяся къ реформѣ, не давалъ хода дѣлу, которое не улучшилось и послѣ того, какъ этотъ секретный комитетъ былъ превращенъ въ явный «Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу». Несмотря на то, что въ составъ членовъ его введенъ былъ великiй князь Константинъ Николаевичъ, работы комитета носили весьма скромный характеръ; онѣ сводились лишь къ смягченiю крѣпостного состоянiя, къ нѣкоторому уменьшенiю помѣщичьей власти надъ крестьянами. Рѣшительный толчокъ дѣлу далъ вызванный отчасти самимъ правительствомъ адресъ Литовскаго дворянства. Сочувствовавшiе реформѣ члены главнаго комитета настояли на необходимости отвѣтить на этотъ адресъ немедленнымъ оффицiальнымъ заявленiемъ со стороны правительства, что оно приступило къ преобразованiю крестьянскаго быта и притомъ на началахъ обезпеченiя крестьянамъ прочной осѣдлости, и въ такомъ духѣ былъ составленъ рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова, приглашавшiй дворянъ остальныхъ губернiй примкнуть къ почину Литовскаго дворянства. Заявленiя рескрипта были, правда, очень неопредѣленны, но онъ въ исторiи крестьянской реформы является актомъ громаднаго значенiя, благодаря тому широкому распространенiю, которое онъ получилъ и которое было первой крупной заслугой Милютина, хорошо понимавшаго, что при колебанiи и нерѣшительности правительства и при сильномъ влiянiи придворныхъ крѣпостниковъ, крайне важно было добиться открытаго оффицiальнаго заявленiя правительства, которымъ оно связало бы себя и заткнуло бы ротъ крѣпостникамъ. По усиленному настоянiю Милютина, рескриптъ былъ отпечатанъ въ одну ночь и разосланъ по губернiямъ. Этимъ ставился безповоротно на очередь вопросъ крестьянской реформы. «Какъ описать вамъ,—писалъ изъ за-границы князь Д. Оболенскiй,—наше удивленiе при полученiи послѣднихъ извѣстiй. Великому дѣлу положено начало и какое прекрасное начало. Какъ живо и ловко было воспользоваться частнымъ случаемъ, чтобы поднять вопросъ для всей Россiи. Какъ мастерски отнимается у дворянства возможность жаловаться на произволъ правительства»...

Лѣтомъ 1857 г., когда Милютинъ жилъ въ деревнѣ, къ нему прiѣзжаетъ незнавшiй его до того лично Ю. Ѳ. Самаринъ и проводитъ съ нимъ нѣсколько дней въ горячей бесѣдѣ о любимомъ дѣлѣ, а по открытiи губернскихъ комитетовъ мы видимъ Милютина въ перепискѣ со многими представителями либеральнаго меньшинства въ нихъ. Теперь Ю. Ѳ. Самаринъ въ письмахъ къ Милютину жаловался на тѣ затрудненiя, съ которыми приходилось бороться при обсужденiи проекта реформы на мѣстахъ. «Сдѣлайте милость,—писалъ онъ,—внушить вашему министру, чтобы онъ хотя бы конфиденцiально сообщилъ нашему предводителю дворянства копiю съ рѣчи, произнесенной государемъ въ Москвѣ; они считаютъ ее подложной, вѣрятъ всякимъ вздорнымъ слухамъ и не хотятъ убѣдиться въ твердомъ намѣренiи правительства». Настроенiе Милютина въ этотъ моментъ и надежды его на будущее не были очень розовы. «Здѣсь,—писалъ онъ Киселеву,—всѣ мысли, всѣ заботы поглощены великимъ вопросомъ, который такъ неожиданно возбужденъ въ Россiи. Теперь уже для самыхъ близорукихъ проясняется ваша 18-ти лѣтняя дѣятельность по министерству государственныхъ имуществъ. Но въ какихъ теперь все это рукахъ! Что за безсмыслiе и неурядица. Горестно вспомнить, какъ творится такое трудное и важное дѣло. Дворянство, корыстное, неподготовленное, неразвитое—предоставлено собственнымъ силамъ. Не могу себѣ представить, что выйдетъ изъ всего этого, безъ руководства и направленiя, при самой грубой оппозицiи высшихъ сановниковъ, при интригахъ и недобросовѣстности исполнителей. Нельзя не изумиться рѣдкой твердости государя, который одинъ обуздываетъ настоящую реакцiю и силу инерцiи». Но въ тотъ самый моментъ, когда писались эти полныя скорби строки, по мысли Милютина же, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ составѣ центральнаго статистическаго комитета, создано было новое учрежденiе—земскiй отдѣлъ, который въ борьбѣ за осуществленiе крестьянской реформы сыгралъ важную роль. Съ учрежденiемъ земскаго отдѣла, который былъ предназначенъ для предварительнаго обсужденiя и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся сельско-хозяйственнаго устройства въ Имперiи, Милютинъ впервые оффицiально становится у самаго источника. Въ земскомъ отдѣлѣ, куда поступали для предварительнаго разсмотрѣнiя проекты губернскихъ комитетовъ, онъ могъ подвергать эти проекты критикѣ; съ другой стороны, онъ могъ, благодаря сосредоточивавшимся въ немъ свѣдѣнiямъ, доставлять министерству внутреннихъ дѣлъ фактическiя данныя для борьбы съ крѣпостнической партiей. Земскiй отдѣлъ боролся съ попытками къ установленiю особаго вознагражденiя помѣщиковъ. Онъ доказывалъ необходимость сохраненiя за крестьянами всего количества земли, которымъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Имъ непрестанно высказывалось, какъ основное положенiе, что вмѣстѣ съ сохраненiемъ существующаго надѣла повинности должны быть уменьшены. Воспользовавшись высказаннымъ меньшинствомъ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ взглядомъ о необходимости выкупа не только усадебъ, но вообще всей земли, Милютинъ приготовилъ новую записку о громадной важности разрѣшенiя реформы въ этомъ смыслѣ. Когда затѣмъ представители помѣщичьихъ интересовъ, стремившiеся если не прiостановить все дѣло реформы, то во всякомъ случаѣ мечтавшiе еще о безземельномъ освобожденiи, начали запугивать правительство крестьянскими волненiями и грядущей демократической революцiей и съ этою цѣлью предлагали рядъ репрессивныхъ мѣръ, Ланской подъ влiянiемъ Милютина рѣзко возсталъ противъ одной изъ этихъ мѣръ—противъ раздѣленiя Россiи на генералъ-губернаторства. Онъ представилъ государю по этому поводу подробную записку, составленную Арцимовичемъ и редактированную Милютинымъ. Записка вызвала, правда, негодованiе государя, намекавшаго Ланскому, что ее составилъ кто нибудь изъ директоровъ департамента, опасавшихся умаленiя своей власти, но проектъ о генералъ-губернаторствахъ не получилъ осуществленiя. Побѣжденная въ этомъ пунктѣ партiя дѣлаетъ въ то же время рядъ попытокъ устранить отъ дѣла реформы людей, являвшихся ея душою—изобразивъ ихъ врагами государственнаго порядка. «Въ этомъ дѣлѣ—писалъ одинъ московскiй крѣпостникъ—замѣшана цѣлая шайка враговъ Россiи». «Теперь въ Россiи жить нельзя,—писалъ другой,—партiя красныхъ господствуетъ въ Россiи». Самый важный изъ этой шайки красныхъ былъ, конечно, Милютинъ и его нужно было устранить. Происшедшее въ концѣ 1858 года столкновенiе Петербургской думы съ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ вызвало въ реакцiонныхъ кружкахъ сильное возбужденiе противъ этого «революцiоннаго» учрежденiя и его создателя и защитника.

«Напрасно заступаетесь, сказалъ государь Горчакову, единственному человѣку, рѣшившемуся въ комитетѣ министровъ сказать слово въ защиту Милютина, онъ уже давно имѣетъ репутацiю краснаго и вреднаго человѣка». Милютинъ рѣшилъ

подать въ отставку, но государь не принялъ ее послѣ того, какъ Ланской, на вопросъ, можетъ ли онъ ручаться за Милютина, отвѣтилъ государю «какъ за самого себя». Нужно думать, что и здѣсь бойца реформы спасла та же «незримая рука», которая, слѣдя ревниво за ходомъ великаго дѣла, и позже неоднократно приходила на помощь. Представлявшагося послѣ этого инцидента Милютина государь принялъ довольно милостиво и Елена Павловна на вечерѣ у себя представила его императрицѣ, которая въ продолжительной бесѣдѣ съ нимъ высказала большое сочувствіе дѣлу реформы. Предубѣжденіе государя противъ Милютина, однако, еще не исчезло, и когда Ланской, по выходѣ Левшина въ отставку, предложилъ государю назначить Милютина товарищемъ министра, согласіе послѣдовало послѣ очень долгаго колебанія. «Мнѣнія по поводу Милютина, говорилъ государь Ростовцеву, очень разнорѣчивы и преимущественно дурны; хотя нѣкоторые считаютъ его человѣкомъ весьма даровитымъ, но большинство признаетъ самымъ вреднымъ человѣкомъ въ Россіи». «Одни говорятъ, сказалъ государь Ланскому, что онъ ненавидитъ дворянство, другіе, что онъ хочетъ конституцію». «Возможно, отвѣчалъ между прочимъ Ланской, что онъ не обожаетъ дворянство, но я не знаю, насколько такая любовь была бы законна и необходима въ такой моментъ, когда рѣчь идетъ о народѣ». Спустя нѣсколько дней послѣдовало назначеніе Милютина, но лишь временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, въ какомъ званіи онъ и оставался въ теченіе всей своей двухлѣтней службы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ — его называли поэтому «временно-постояннымъ» товарищемъ министра. Какъ бы то ни было, но на этомъ посту Милютинъ становится открыто руководителемъ всѣхъ работъ министерства по крестьянскому дѣлу.

Между тѣмъ рѣчи государя лѣтомъ 1858 г. окончательно отняли у реакціонной партіи надежду на то, что все дѣло реформы можетъ быть отложено въ долгій ящикъ. Съ этого момента всѣ усилія ея направляются къ тому, чтобы устранить выкупъ крестьянами земли въ собственность и удержать въ возможно большихъ размѣрахъ вотчинную власть помѣщиковъ. На борьбу съ этими стремленіями направляется теперь и дѣятельность Милютина.

III.

Къ осени 1858 года многіе изъ губернскихъ комитетовъ представили уже свои проекты, другіе ихъ заканчивали и надлежало опредѣлить основанія и послѣдовательность при ихъ разсмотрѣніи. Разсмотрѣніе каждаго проекта въ отдѣльности было возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ, при чемъ правительство, идя на встрѣчу тѣмъ пожеланіямъ, которыя были высказываемы прогрессивной частью литературы и меньшинствомъ въ губернскихъ комитетахъ, указывало на необходимость «стараться», чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками, а также сообразить нужно-ли, въ виду намѣренія правительства содѣйствовать крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій, сохранить за помѣщиками вотчинную власть. Въ январѣ 1859 года членъ главнаго комитета Ростовцевъ внесъ предложеніе «объ учрежденіи особыхъ комитетовъ для составленія сводовъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ». Милютинъ, представлявшійся въ это время государю, высказалъ, между прочимъ, мысль, о которой онъ говорилъ уже Ланскому, что было бы полезно призвать въ эту коммиссію, рядомъ съ делегатами различныхъ министерствъ, также и нѣсколько помѣщиковъ. Государю мысль эта понравилась и такимъ образомъ возникли знаменитые въ исторіи крестьянской реформы редакціонныя коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Ростовцева и подъ дѣйствительнымъ руководствомъ Милютина. Благодаря его указаніямъ, въ составъ редакціонной коммиссіи были приглашены многіе изъ выдающихся дѣятелей губернскихъ комитетовъ—Черкасскій, Ю. Ө. Самаринъ, Тарновскій и др. Со многими изъ нихъ онъ былъ въ перепискѣ и раньше во время дѣятельности ихъ въ губернскихъ комитетахъ. Теперь въ дополненіе къ оффиціальному приглашенію онъ дружескимъ письмомъ звалъ Ю. Ө. Самарина. «Въ надеждѣ, писалъ онъ, что вы не отклоните отъ себя трудной, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всей душой». «Вы видите, продолжалъ онъ, указывая на другихъ приглашенныхъ лицъ, что избираются люди, искренне преданные дѣлу. Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостного дѣла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и спѣшно пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета и интрига всякаго рода вѣроятно будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни». Самаринъ отвѣтилъ, конечно, согласіемъ.

Судьба крестьянскаго дѣла очутилась такимъ образомъ въ рукахъ редакціонныхъ коммиссій, въ которыя вошли лица, считавшія своимъ нравственнымъ долгомъ взять на себя защиту крестьянскихъ правъ въ собраніи, гдѣ крестьяне своихъ представителей не имѣли. Что дѣло реформы было доведено до этого момента, въ значительной степени должно быть приписано дѣятельности Милютина. Теперь передъ нимъ стояла не менѣе трудная задача—обезпечить правильное направленіе работы въ коммиссіяхъ и неприкосновенность выработанныхъ уже до этого принциповъ.

Редакціонная коммиссія разбилась на четыре отдѣленія—хозяйственное, административное, юридическое и финансовое. Милютинъ былъ предсѣдателемъ хозяйственнаго отдѣленія, но участвовалъ въ засѣданіяхъ другихъ отдѣленій и въ общемъ ихъ присутствіи. Только по тщательномъ ознакомленіи съ изданными матеріалами, можно составить себѣ хотя-бы приблизительное представленіе о томъ колоссальномъ трудѣ, который въ теченіе 19 мѣсяцевъ ея дѣятельности былъ произведенъ коммиссіей. Одно только хозяйственное отдѣленіе имѣло въ теченіе этого времени 146 засѣданій, которыя происходили по вечерамъ и затягивались до глубокой ночи. Окруживъ себя группой единомышленниковъ, Милютинъ сталъ центральной фигурой редакціонной коммиссіи, не будучи ея предсѣдателемъ. Эгерія редакціонной коммиссіи, какъ назвалъ его Ростовцевъ, онъ не только былъ ея вдохновителемъ и руководителемъ, но и первымъ работникомъ. Въ хроникѣ работъ редакціонной коммиссіи, изданной членомъ коммиссіи П. П. Семеновымъ, очень часто расходившимся съ Милютинымъ во взглядахъ, преобладающее вліяніе послѣдняго сказывается на каждомъ шагу—онъ съ величайшимъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми проектами, предлагаетъ поправки, редактируетъ и составляетъ журналы засѣданій, даетъ своими указаніями направленіе тому или иному вопросу и беретъ на себя часто подготовительныя работы. «Но, говоритъ Н. И. Тургеневъ, помимо громадности положеннаго труда, всѣ безпристрастные люди должны вспомнить теперь и оцѣнить значеніе той

нравственной борьбы, которую члены редакціонныхъ коммиссій должны были вести противъ столькихъ враждебныхъ вліяній, черезъ что и ся заслуга передъ Россіей и человѣчествомъ получаетъ новое значеніе, еще болѣе крупное и блестящее».

На членовъ коммиссіи сыпались самыя тяжкія обвиненія—это петербургскіе чиновники, не знающіе русской жизни и деревенскаго быта, честолюбцы, которые думаютъ только о томъ, какъ-бы прислужиться начальству и нахватать орденовъ,—враги государственнаго порядка и т. д. Если Милютинъ былъ Эгеріей редакціонной коммиссіи, то на немъ-то, главнымъ образомъ, сосредоточились и всѣ нападки. «О васъ я слышу часто, пишетъ ему изъ Москвы Дмитріевъ, ваше имя во всѣхъ устахъ съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ русскихъ помѣщиковъ. Нѣсколько времени тому назадъ я, послѣ этихъ выраженій, догадывался, что въ Петербургѣ дѣла идутъ хорошо». Милютина обвиняли въ томъ, что онъ строго судитъ дворянство, когда оно защищаетъ собственные интересы, съ которыми связано его существованіе, и бездоказательно обвиняетъ его въ томъ, что оно обманываетъ правительство въ доставленіи ему свѣдѣній объ имѣніяхъ. Коммиссію обвиняли и въ нарушеніи Высочайшихъ постановленій и въ соціалистическихъ стремленіяхъ и въ желаніи вызвать революцію и анархію. Осыпая такими нападками дѣятелей редакціонныхъ коммиссій, противники реформы надѣялись на то, что съ пріѣздомъ вызванныхъ въ Петербургъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ удастся похоронить все дѣло. И дѣйствительно, при извѣстномъ отношеніи большинства губернскихъ комитетовъ къ реформѣ судьба послѣдней зависѣла въ этотъ моментъ почти исключительно отъ того, какая роль будетъ предоставлена депутатамъ въ Петербургѣ. Милютину эта роль была ясна съ самаго открытія редакціонныхъ коммиссій; «депутаты же, призываемые изъ губернскихъ комитетовъ,—писалъ онъ Самарину, приглашая его,—вѣроятно, будутъ имѣть голосъ лишь совѣщательный». Но этотъ то именно вопросъ и вызвалъ отчаянную борьбу, которую принялъ на себя и блестяще провелъ Милютинъ. И въ составѣ самихъ редакціонныхъ коммиссій такія лица, какъ Позенъ утверждали, что коммиссіи вообще не имѣли права составлять никакихъ предположеній объ устройствѣ экономическаго быта крестьянъ: «для этого, говорилъ онъ, и были созваны губернскіе комитеты и это дѣло было поручено дворянству. Такимъ образомъ распорядителемъ дворянской собственности явилось бы дворянство, а не хозяйственное отдѣленіе редакціонныхъ коммиссій». Милютинъ былъ по этому предмету діаметрально противоположнаго взгляда. На обвиненіе, что члены хозяйственнаго отдѣленія не принимаютъ въ соображеніе мнѣній губернскихъ комитетовъ, онъ отвѣчалъ, что не считаетъ коммиссію обязанной принимать всѣ мнѣнія. «Напротивъ того, говорилъ онъ, мы принимаемъ мнѣнія только съ строгимъ разборомъ. Это доказываютъ наши доклады. Обсуждая важнѣйшіе вопросы, относящіеся до устройства освобожденныхъ крестьянъ, мы не можемъ ограничиться счетомъ голосовъ, высказываемыхъ въ пользу того или другого мнѣнія, и составлять проектъ будущаго закона согласно съ тѣми мнѣніями, на сторонѣ которыхъ находится большинство, а не меньшинство голосовъ». Толки о тѣхъ ожиданіяхъ, которыя высшее столичное общество, относившееся со страхомъ и недовѣріемъ къ реформѣ, возлагало на депутатовъ, доходили до государя; точно также и предположеніе о принятіи депутатовъ въ составъ коммиссіи съ правомъ голоса; на Ростовцева дѣлались натиски въ этомъ смыслѣ со всѣхъ сторонъ лицами вліятельными. Въ этотъ моментъ министерство представило государю составленную Милютинымъ докладную записку, озаглавленную «Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время»,—несомнѣнно, одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ въ исторіи освобожденія крестьянъ. Въ запискѣ характеризовалось отношеніе большинства дворянства къ реформѣ, а слѣдовательно и та опасность, которой нужно было бы ждать, въ томъ случаѣ, если бы этому большинству было предоставлено рѣшеніе вопроса. По одобреніи записки государемъ, Милютинъ составилъ проектъ инструкціи депутатамъ и подвергъ его предварительному обсужденію въ секретномъ совѣщаніи изъ немногихъ членовъ коммиссіи. Предложенному Милютинымъ вопросу, можно ли допустить сліяніе депутатовъ съ коммиссіями въ такое смѣшанное собраніе, въ которомъ депутаты имѣли бы право голоса наравнѣ съ членами коммиссій, сліяніе было единогласно отвергнуто. По вопросу же о предоставленіи депутатамъ права собираться въ свои общія совѣщанія и представлять коллективно свои мнѣнія—разошлись. Милютинъ былъ противъ предоставленія этого права, Самаринъ за, но мнѣніе Милютина одержало верхъ. Этимъ устраненіемъ депутатовъ, судьба реформы была въ общемъ рѣшена, тѣмъ болѣе, что Ростовцевъ и самъ сочувствовалъ реформѣ и находился уже теперь подъ сильнымъ вліяніемъ Милютина. Такъ онъ, повидимому, не вполнѣ сочувствовалъ инструкціи, но рѣшилъ не оказывать противодѣйствія, говоря, что если въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ онъ не будетъ идти рука объ руку съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то все дѣло будетъ смято оппозиціей и погибнетъ.

Устраненіе депутатовъ вызвало новый отчаянный взрывъ борьбы со стороны крѣпостнической партіи, которая въ назначеніи послѣ смерти Ростовцева предсѣдателемъ коммиссіи графа Панина торжествовала какъ будто бы побѣду. «Неужели вы думаете, говорилъ Милютину графъ Б., что мы вамъ дадимъ кончить это дѣло? Неужели вы серьезно это думаете? Полноте, пожалуйста, не пройдетъ и мѣсяца, какъ вы всѣ въ трубу вылетите, а мы сядемъ на ваше мѣсто». «Ну это значитъ, говорили въ средѣ крѣпостниковъ, что дѣло отложено въ долгій ящикъ». «Да и пора положить предѣлъ слишкомъ далеко зашедшимъ увлеченіямъ друзей «Колокола» и послѣдователей соціализма». И на членовъ редакціонныхъ коммиссій назначеніе Панина, этого яраго крѣпостника, произвело такое ошеломляющее впечатлѣніе, что они, считая дѣло погибшимъ, начали думать объ уходѣ. Но въ дѣйствительности назначеніе Панина не означало измѣненія намѣреній государя—это была лишь стратегическая уступка крѣпостникамъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ убѣждалъ Милютина и членовъ редакціонныхъ коммиссій не покидать дѣла, а государь на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны, передавшей ему опасенія, которыя вызвало назначеніе графа Панина, въ очень лестныхъ словахъ выразилъ Милютину желаніе, чтобы онъ продолжалъ работу. Тѣмъ не менѣе перемѣна предсѣдателя не могла не отозваться на трудахъ коммиссіи. Не будучи въ состояніи провалить дѣло, новый предсѣдатель не только тормозилъ его, но и старался по мѣрѣ силъ и возможности испортить и находилъ поддержку въ той отчаянной борьбѣ, съ которой депутаты отстаивали дворянскія права и безземельное освобожденіе.

Основныя начала реформы были выяснены еще до открытія редакціонныхъ коммиссій,—а именно: безвозмездное дарованіе крестьянамъ личной свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставленіе имъ части помѣщичьей земли за извѣстное вознагражденіе. Эти принципы и въ редакціонной коммиссіи уже не оспаривались.—Столкновенія-же съ нѣкоторыми членами коммиссіи, а главнымъ

образомъ съ депутатами происходили по слѣдующимъ вопросамъ.— Прежде всего надлежало выяснить, сколько дать земли крестьянамъ и какъ ее оцѣнить. Признавъ необходимымъ дать крестьянину такое количество земли, «которое было-бы вполнѣ достаточно для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ»,—коммиссія рѣшила дать крестьянамъ тѣ самые надѣлы, которые были въ данный моментъ предоставлены имъ помѣщиками, установивъ въ тоже время для каждой мѣстности высшій и низшій предѣлы. Вопросъ о размѣрахъ надѣловъ и вызвалъ самыя ожесточенныя обвиненія членовъ коммиссіи въ стремленіи ограбить русское дворянство. Послѣ упорной, долгой борьбы Милютину пришлось въ этомъ вопросѣ уступить, уменьшивъ нѣсколько высшій и низшій надѣлы. Горячіе споры вызвалъ вопросъ о «безсрочномъ пользованіи». Еще до назначенія Панина редакціонной коммиссіей былъ утвержденъ проектъ статьи о томъ, «что земельные надѣлы поступаютъ впредь до выкупа въ безсрочное пользованіе крестьянъ». Выраженіе «безсрочное пользованіе» было важно потому, что имъ обезпечивалась неотъемлемая принадлежность земельнаго надѣла крестьянамъ и невозможность для помѣщика отобрать надѣлъ, пользуясь тѣмъ, что выкупъ еще не совершился. Когда Панинъ предложилъ опустить это выраженіе, о которомъ уже раньше нѣкоторые члены коммиссіи и депутаты говорили, что оно «противорѣчитъ прямому пониманію о правахъ собственности и что благодаря ему вводится административнымъ путемъ начало коммунизма»—Милютинъ категорически и рѣзко выступилъ противъ этого предложенія. «Если допустить, сказалъ онъ, измѣненіе столь важнаго пункта, какъ безсрочное пользованіе, то мы окажемся подъ гнетомъ опасенія, что всѣ наши работы могутъ быть уничтожены». Когда Панинъ предложилъ затѣмъ членамъ подписать журналъ, въ которомъ происходившее въ этомъ засѣданіи было невѣрно изложено—они отвѣтили отказомъ. Вторымъ вопросомъ былъ вопросъ о неизмѣняемости размѣра повинностей, которыя были установлены редакціонной коммиссіей для уплаты помѣщикамъ за пользованіе надѣломъ. Съ разныхъ сторонъ раздавались голоса въ пользу переоброчки повинностей. Въ обстоятельной рѣчи Милютинъ доказывалъ безцѣльность и невозможность установленія переоброчки, но въ концѣ концовъ уступилъ единогласному требованію депутатовъ и согласился допустить переоброчку повинностей для невыкупленныхъ имѣній, но лишь по истеченіи продолжительнаго, а именно 20-ти лѣтняго срока. Милютинъ согласился, понимая, что это указаніе закона останется мертвой буквой. «Едва ли, говорилъ онъ, найдется и впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, который приметъ на себя переоброчку во всѣхъ владѣльческихъ имѣніяхъ Имперіи». И дѣйствительно, по прошествіи 20 лѣтъ переоброчка была отсрочена, а затѣмъ выкупъ изъ добровольнаго былъ превращенъ въ обязательный и вопросъ о переоброчкѣ устранился самъ собой.

На предложеніе предоставить крестьянамъ право уменьшать свой надѣлъ,—отказываться отъ земли по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, Милютинъ доказывалъ, что наоборотъ необходимо оградить крестьянъ отъ возможности входить въ такія соглашенія съ помѣщикомъ изъ-за какихъ нибудь льготъ, предложенныхъ имъ въ критическую минуту.

Помимо этихъ коренныхъ вопросовъ Милютинъ, преисполненный дѣйствительно недовѣрія къ дворянству, съ ревнивой подозрительностью зорко слѣдитъ за преніями и вмѣшивается каждый разъ, когда является опасеніе, что благосостоянію крестьянъ грозитъ опасность, и старается, гдѣ только представляется возможность, устранять произволъ со стороны помѣщика. Онъ требуетъ въ одномъ случаѣ занесенія въ протоколъ, что нерассмотрѣнныя еще подлежащія уничтоженію права помѣщиковъ будутъ своевременно разобраны; въ другомъ случаѣ онъ настаиваетъ на томъ, чтобы въ фразѣ «что въ продолженіе срочно обязаннаго періода должны быть по возможности облегчены повинности и сохраненъ наличный надѣлъ» были уничтожены слова «по возможности». Въ то же время онъ страстно отстаиваетъ сохраненіе за помѣщикомъ обязанности снабжать крестьянъ за повинности топливомъ. Иногда онъ въ требованіяхъ своихъ идетъ далѣе своихъ сочленовъ по хозяйственному отдѣленію. Такъ въ назначеніи 3-хъ дневной барщины онъ, вопреки мнѣнію большинства членовъ хозяйственной коммисіи, доказываетъ, что это не дастъ крестьянамъ никакого облегченія.

Отстаивая шагъ за шагомъ дѣло, въ которое онъ вложилъ всю душу, Милютинъ не останавливался передъ рѣзкимъ отпоромъ врагу, кто бы онъ ни былъ. Такъ графу Панину онъ прямо бросилъ обвиненіе во лжи, когда тотъ, предложивъ присоединить къ новому положенію старый полицейскій уставъ министерства государственныхъ имуществъ, заявилъ, что это предложеніе было уже раньше принято коммиссіей. «Значитъ, воскликнулъ Панинъ, вы отрицаете значеніе моихъ словъ. Это случается со мною въ первый разъ въ жизни». Булыгина, представителя министерства государственныхъ имуществъ, Милютинъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій прямо обвинялъ въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ; «я знаю, сказалъ онъ, что вы хотите только подслужиться извѣстному лицу (М. Н. Муравьеву) вашимъ мнѣніемъ и сдѣлать вредъ коммиссіямъ..... все, что вы написали противъ коммиссій, дѣлаетъ васъ недостойнымъ быть въ ихъ средѣ...» Дѣло чуть не кончилось дуэлью.

IV.

Милютинъ полагалъ, что до заключенія кодификаціи проекта положенія будетъ составлена подробная объяснительная записка, а также будетъ сдѣлана разработка отдѣльныхъ вопросовъ, предложенныхъ депутатами. Эта разработка должна была, между прочимъ, по мысли Милютина, служить исходной точкой для организаціи мѣстныхъ земскихъ учрежденій, которымъ по той же мысли должно было быть поручено завѣдываніе хозяйственными дѣлами уѣздовъ подъ контролемъ правительства.

Но эти предположенія не были осуществлены, такъ какъ 10 октября 1860 г. редакціонныя коммиссіи были закрыты; всѣ работы переданы въ главный комитетъ и вплоть до обнародованія манифеста покрыты строжайшей тайной. И на этомъ послѣднемъ этапѣ Милютинъ приложилъ къ дѣлу свою руку. Онъ имѣлъ несомнѣнно вліяніе на вновь назначеннаго председателемъ главнаго комитета великаго князя Константина Николаевича, который черезъ Елену Павловну выражалъ желаніе видѣться съ Милютинымъ, послѣ своего ознакомленія съ проектомъ положенія. Благодаря категорическому требованію государя проектъ положенія быстро прошелъ послѣднія двѣ инстанціи—главный комитетъ и государственный совѣтъ—претерпѣвъ здѣсь, однако, измѣненія, которыя въ значительной мѣрѣ уменьшили значеніе реформы. Такъ здѣсь уменьшены были еще разъ высшіе и низшіе размѣры надѣловъ и введенъ такъ называемый даровой или «нищенскій» надѣлъ. Но и послѣ этой побѣды крѣпостнической партіи передъ самымъ объявленіемъ манифеста распространились слухи о готовящихся демонстраціяхъ. «Я считаю себя обязанной предупредить васъ, писала Елена Павловна Милютину, что, какъ передаютъ мнѣ люди, если ничего не будетъ къ 19 февраля—чернь явится къ Зимнему Дворцу съ предложеніемъ освобожденія. Нужно

бы нѣсколько обратить вниманіе на эти толки. Демонстрація была бы пагубна». Но все обошлось спокойно и 5-го марта объявленъ былъ манифестъ.

«Чего-бы мы здѣсь ни писали, говорилъ какъ-то Милютинъ, какъ-бы ни старались оградить интересы нынѣ безправнаго крестьянскаго сословія, весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ того, какъ оно будетъ приводиться въ исполненіе. Исполненіе можетъ исказить и обратить въ мертвую букву лучшія намѣренія законодателя». Въ данномъ случаѣ дѣло въ тотъ самый моментъ, когда предстояло перейти къ примѣненію закона въ жизни, было вырвано изъ рукъ лицъ, создавшихъ законъ. «Чтобы не подать—по его собственнымъ словамъ—повода къ обвиненію въ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ», Милютинъ, измученный трудами послѣднихъ двухъ лѣтъ, просилъ отпуска на 4 мѣсяца. «Но, продолжаетъ онъ, реакція пришла мнѣ на помощь—Ланской и я удалены изъ министерства (безъ всякаго прошенія съ нашей стороны) изъ угожденія дворянству. Да послужитъ ему удовлетвореніемъ столь скромная жертва».

Милютинъ смотрѣлъ на крестьянскую реформу лишь какъ на начало возрожденія Россіи; онъ съ самаго начала связывалъ ее съ преобразованіемъ судебнаго дѣла, съ организаціей мѣстнаго самоуправленія, и теперь, разставаясь съ дѣломъ своей жизни, онъ съ горечью говорилъ о быстро надвигающейся реакціи, стремящейся «законопатить всѣ щели, черезъ которыя проходитъ свѣжій воздухъ въ высшія сферы». Милютинъ уѣхалъ за границу, и несмотря на всѣ попытки вел. княгини Елены Павловны и Константина Николаевича устроить возвращеніе его къ дѣлу, оставался тамъ до 1863 г., когда призванъ былъ взять на себя реорганизацію всего управленія только что усмиренной Польши. Этотъ періодъ его дѣятельности выходитъ, однако, изъ рамокъ нами поставленныхъ.

Усиленные труды очень рано подорвали здоровье Милютина, и въ 1866 г., пораженный ударомъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ всякой дѣятельности. Окруженный всеобщимъ уваженіемъ и любовью, онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ и умеръ въ Москвѣ 26 января 1872 г.

«Милютина, говоритъ его біографъ, всегда выдѣляло изъ среды другихъ демократовъ по принципу или темпераменту то, что у него любовь къ народу, вовсе не будучи плодомъ теоріи или отвлеченнаго участія, проистекала столько-же изъ сердца человѣка, сколько изъ направленія системы или изъ политическихъ задачъ. Милютинъ обладалъ въ этомъ отношеніи заразительнымъ пыломъ и убѣжденною вѣрой, которыя давали ему естественное вліяніе на людей. Освобожденіе народа было для него какъ-бы таинственнымъ призваніемъ, которому онъ остался страстно преданнымъ во всю свою жизнь». Награжденіе орденомъ за труды по редакціонной коммиссіи онъ счелъ поэтому за намѣренно нанесенное ему оскорбленіе. Только исключительно выдающіяся личныя качества этого человѣка могли, конечно, сдѣлать то, что ненавистный многимъ весьма вліятельнымъ лицамъ, онъ, при недовѣріи государя, все-же въ концѣ концовъ сталъ во главѣ всего дѣла реформы. Только этой страстной убѣжденностью, сознаніемъ своей правоты, неуклоннымъ упорствомъ въ защитѣ любимаго дѣла отъ всякихъ на него посягательствъ, поразительной способностью быстро схватывать самую сущность всякаго вопроса, можно объяснить себѣ то, что онъ въ собраніи, гдѣ ни одно рѣшеніе не могло удовлетворить всѣ права и интересы, въ собраніи безъ правильнаго руководства, одерживалъ побѣду и имѣлъ вліяніе гораздо большее, чѣмъ то, на какое ему давало право его оффиціальное положеніе. При этомъ онъ обладалъ политическимъ тактомъ, чутьемъ, которое ему подсказывало, что въ данный моментъ возможно и практично. Ему присуща была та сила личнаго вліянія, котораго нельзя выразить, но которое чувствуется. Человѣкъ властнаго характера, онъ никогда не стремился къ внѣшнимъ аттрибутамъ власти.

Совершенно нелицепріятный, онъ отличался честностью, которая доходила до пренебреженія своими собственными интересами, и, конечно, не часто приходится слышать о дѣятеляхъ, которые, какъ это сдѣлалъ Милютинъ при назначеніи своемъ въ Польшу, откажутся отъ предложеннаго 33 тысячнаго жалованья, удовлетворившись лишь десятью.

Умѣя выбирать и привлекать къ дѣлу выдающихся людей, онъ никогда не старался затемнить заслуги своихъ сотрудниковъ. «Милютинъ, говоритъ Заблоцкій-Десятовскій, обладалъ политическимъ талантомъ усваивать себѣ новую идею, соотвѣтствующую новымъ потребностямъ общества, и вотъ почему все, что сочувствовало этой идеѣ, становилось подъ его знамя; вотъ почему люди съ высокимъ умственнымъ дарованіемъ, съ твердымъ характеромъ подчинялись ему невольно». Однимъ словомъ этотъ «кузнецъ-гражданинъ» (извѣстное стихотвореніе Некрасова на его смерть) удивительнымъ образомъ совмѣстилъ въ себѣ всѣ качества, которыя создаютъ главу партіи».

Извѣстіе о смерти Милютина было встрѣчено въ русскомъ обществѣ и даже въ народѣ съ глубокою скорбью. «Тысячныя толпы наводнили улицу во время его похоронъ и обнаженныя головы этихъ тысячъ простого русскаго народа, надъ великимъ трудомъ освобожденія котораго надорвались силы и сломилась жизнь покойнаго, составляли собою какъ-бы послѣднюю краснорѣчивую страницу въ біографіи усопшаго».

Яковъ Ивановичъ РОСТОВЦЕВЪ.

Е. А. Егорова.

Среди немногочисленной, но вѣчно-памятной фаланги дѣятелей освобожденія одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, или, какъ онъ обыкновенно писалъ свое имя—Іаковъ Ростовцевъ.

Ростовцевъ родился въ 1803 году и образованіе получилъ въ пажескомъ корпусѣ. По окончаніи курса онъ поступилъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, откуда въ скоромъ времени былъ прикомандированъ къ несенію службы въ главномъ штабѣ.

Кромѣ службы онъ занимался литературнымъ трудомъ и напечаталъ нѣсколько стихотвореній, драму «Персей» и отрывки изъ трагедіи «Дмитрій Пожарскій».

Убѣдившись въ своей полной непригодности къ строевой службѣ, такъ какъ былъ заикой, не могъ правильно произносить командныя слова и вообще, какъ онъ самъ выражался, «портилъ строй». Тогда то онъ обратился къ императору Николаю съ просьбой дать ему какое либо другое мѣсто. Въ 1828 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Михаилу Павловичу и въ этомъ званіи участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 года и польской 1831-го. Затѣмъ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба великаго князя по управленію военно-учебными заведеніями. Это званіе было сохранено за нимъ и впослѣдствіи по смерти великаго князя, когда управленіе военно-учебными заведеніями было ввѣрено наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу. Оно осталось за нимъ и затѣмъ, по вступленіи наслѣдника на престолъ.

Здѣсь и создалось то глубокое довѣріе къ Ростовцеву со стороны императора Александра II, которое сыграло столь великую роль въ дѣлѣ освобожденія.

Ростовцевъ въ званіи фактическаго начальника военно-учебныхъ заведеній обнаружилъ несомнѣнное пониманіе задачъ образованія. Онъ понималъ совершенную непригодность унаслѣдованныхъ отъ прошлаго образовательныхъ программъ, видѣлъ непригодность педагогическаго персонала и всей постановки учебнаго дѣла. Борясь съ этимъ, насколько это было доступно въ то время, онъ посылалъ молодыхъ педагоговъ за границу, поручалъ составлять новыя программы и новые учебники. При этомъ онъ всецѣло оставался въ кругу тѣхъ понятій, которыя были свойственны тому времени и тому общественному кругу, къ которому онъ принадлежалъ. Вопросы морали онъ рѣшалъ, напримѣръ, въ томъ смыслѣ, что выше всего, выше велѣній совѣсти должно считать приказанія начальства. Но въ то же самое время онъ вводилъ такія реформы, которыя педантамъ того времени казались чуть не бунтомъ противъ всего святого.

Для характеристики его дѣятельности упомянемъ объ измѣненіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ программы русскаго языка и словесности. Въ октябрѣ 1850 г. К. Д. Кавелинъ, знаменитый юристъ, обратился къ небезызвѣстному педагогу Галахову съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«Начальнику штаба (военно-учебныхъ заведеній) хочется освободить преподаваніе русскаго языка и словесности отъ напыщенныхъ фразъ и школьнаго педантизма, приспособить какъ можно ближе къ возрасту и понятіямъ дѣтей, чего наши рутинеры никакъ понять не могутъ, какъ ясно имъ ни толкуютъ».

Галаховъ принялъ порученіе и при содѣйствіи проф. Буслаева составилъ новыя программы. Для обсужденія ихъ Ростовцевъ созвалъ въ Петербургѣ нѣчто вродѣ съѣзда преподавателей—явленіе довольно необычайное для того времени; программы были подвергнуты публичному обсужденію и затѣмъ приняты Ростовцевымъ. Новыя программы, освобождавшія преподаваніе русскаго языка и словесности отъ мертвой схоластики того времени, убивавшей въ учащемся всякій интересъ къ своему языку и литературѣ, разумѣется не могли не вызвать у рутинеровъ самой ожесточенной вражды. И. И. Введенскій въ своемъ письмѣ къ Галахову такъ оцѣниваетъ значеніе введеннаго Ростовцевымъ преобразованія:

«Новыя программы составляютъ совершенную реформу въ нашей наукѣ, совершеннѣйшее отрицаніе прежнихъ схоластическихъ пріемовъ, и въ этомъ заключается единственная причина, почему онѣ встрѣчаются съ такимъ дружнымъ и единодушнымъ ожесточеніемъ».

Ознакомившись съ дѣятельностью Ростовцева въ области военно-учебныхъ заведеній, мы не можемъ не сказать, вмѣстѣ съ Галаховымъ, что старанія Ростовцева поднять уровень образованія военнаго сословія, его конкурренція въ этомъ дѣлѣ съ другими учебными вѣдомствами—останутся навсегда памятной заслугой. Въ дѣлѣ этомъ онъ былъ прямымъ предтечей гр. Милютина—и «уравнялъ ему пути».

Въ 1857 году былъ образованъ для подготовленія къ дѣлу освобожденія крестьянъ негласный комитетъ, и Ростовцевъ былъ назначенъ однимъ изъ его членовъ.

Во главѣ этого комитета былъ поставленъ князь Орловъ, убѣжденный противникъ освобожденія крестьянъ. Дѣлопроизводителемъ комитета былъ Бутковскій, во всемъ подчинявшійся Орлову. Въ числѣ членовъ комитета были назначены Блудовъ и Ланской, относившіеся къ освобожденію доброжелательно, но люди уже старые и не энергичные.

Прочіе члены комитета также не проявляли готовности поработать ради крестьянскаго дѣла. Чевкинъ относился къ крестьянскому освобожденію неопредѣленно, баронъ Корфъ индифферентно, а князь Гагаринъ враждебно. Въ такую среду попалъ Ростовцевъ, не имѣвшій въ то время опредѣленныхъ воззрѣній на предстоявшее ему дѣло и не предчувствовавшій даже, какую роль будетъ играть въ немъ.

Предварительную разработку вопроса комитетъ поручилъ

Яковъ Ростовцевъ

Ростовцеву, Корфу и Гагарину. Кн. Гагаринъ предложилъ «даровать помѣщикамъ право освобождать крестьянъ цѣлыми селеніями безъ условій и безъ земли». Баронъ Корфъ выразилъ мнѣніе, что необходимо прежде всего пригласить дворянство по губерніямъ высказать свои мнѣнія о средствахъ къ освобожденію крестьянъ.

Ростовцевъ стоялъ въ этомъ комитетѣ за освобожденіе на почвѣ «добровольныхъ соглашеній» съ крестьянами.

Таково было мало обѣщающее начало великаго дѣла. Изъ всѣхъ государственныхъ людей того времени, не считая, конечно, Н. Милютина, значеніе котораго еще не успѣло обрисоваться во всемъ объемѣ, только одинъ Киселевъ, бывшій въ то время (1857 г.) посланникомъ въ Парижѣ, рѣшительно высказался въ пользу широкой реформы: «Я всегда—писалъ онъ— полагалъ, что крестьянская земля должна оставаться (съ вознагражденіемъ помѣщиковъ) въ полной и неотъемлемой собственности крестьянъ».

Распоряженіями 8 января и 18 февраля 1858 г. секретный комитетъ былъ переименованъ въ «Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу».

Комитетъ принялъ и разослалъ по губерніямъ программу освобожденія, составленную крѣпостникомъ Позеномъ,—и Ростовцевъ присоединился къ ней.

Программа эта задавалась цѣлью, во 1-хъ, затянуть дѣло до безконечности, а если бы достичь этого не удалось, то укрѣпить на неопредѣленное время то переходное состояніе, которое въ программѣ называлось «срочно-обязаннымъ»; и во всякомъ случаѣ освободить крестьянъ, если это было неизбѣжно, безъ земли. Надежды эти въ окончательномъ счетѣ не осуществились, и самая программа осталась comme non avenue, «какъ любопытный историческій памятникъ темныхъ интригъ партіи реакціонеровъ, для которыхъ не существуетъ ничего, кромѣ узкихъ лично-сословныхъ интересовъ». Ростовцевъ, очевидно, не сознавалъ истиннаго смысла этой программы и въ письмѣ къ Оболенскому Ростовцевъ такъ характеризуетъ свою задачу освобожденія:

«Крестьянину возвратить его человѣческія права, обезпечить ему, до окончательнаго рѣшенія вопроса, вѣрный кровъ и вѣрный хлѣбъ и дать ему всѣ пособія сдѣлаться полезнымъ собственникомъ; помѣщику охранить неприкосновенность правъ его собственности; государству упрочить спокойное разрѣшеніе этого жизненнаго для него вопроса—вотъ въ чемъ моя программа».

Подъ такими словами подписался бы, конечно, всякій, независимо отъ того, другъ онъ или врагъ освобожденія. Никто прямо не скажетъ, что онъ намѣренъ лишить людей хлѣба и крова.

Въ дѣйствительности же вопросъ освобожденія въ это время стоялъ далеко не въ такой утѣшительной формѣ. И Ростовцевъ, и комитетъ, и самъ государь выкупъ земли, выдѣляемой крестьянамъ въ надѣлъ, считали совершенно неосуществимой химерой. Въ силу этого и было предположено освободить крестьянъ безъ земли. Въ виду же совершенной невозможности освободить крестьянъ и совсѣмъ безъ земли, какъ птицъ, рѣшили оставить имъ при освобожденіи ихъ дома, огороды и пашни въ «постоянное пользованіе».

Это было бы въ сущности равносильно закрѣпленію на долгія времена того порядка вещей, который утвердился въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ крѣпостные были освобождены именно на этихъ началахъ и до послѣдняго времени остались «подданными» помѣщиковъ.

Но Ростовцеву въ этотъ періодъ его дѣятельности казалось, что и эти предположенія для крестьянъ благодѣтельны, и онъ такъ защищаетъ эту программу въ письмѣ къ Оболенскому:

«Хороша или дурна программа, во всякомъ случаѣ она далеко подвинула вопросъ и была благодѣтельна для крестьянина и удобна для комитетовъ.

Критики, разбиравшіе программу,—продолжаетъ онъ,— не замѣтили двухъ услугъ, оказанныхъ ею дѣлу освобожденія:

1) Вслѣдствіе программы крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденію положенія, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы его освобожденіе на долгое время.

2) Крестьянину предоставлено программою право безсрочнаго пользованія усадьбою; выкупъ ея постановленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ...»

Крайніе крѣпостники, надѣявшіеся такъ или иначе затянуть дѣло освобожденія до безконечности, не могли примириться и съ этими робкими попытками поставить дѣло освобожденія на твердую почву. Возможность хотя бы и того, лишь чисто юридическаго освобожденія, о которомъ мечталъ въ это время Ростовцевъ, страшила ихъ, какъ нѣчто во всякомъ случаѣ практически осуществимое.

Между тѣмъ въ главный комитетъ начали поступать проекты губернскихъ комитетовъ, и для разбора ихъ была образована коммиссія, въ которую вошли Ланской, гр. Панинъ, Муравьевъ и Ростовцевъ.

Лѣтомъ этого же года Ростовцевъ, утомленный упорной работой, уѣхалъ за границу. Эта поѣздка сослужила и ему самому и самому дѣлу освобожденія огромную службу.

Герценъ саркастически назвалъ Ростовцева «энтузіастомъ». Но изучая матеріалы біографіи Ростовцева, постепенно проникаешься глубокимъ убѣжденіемъ, что Герценъ вполнѣ вѣрно выбралъ слово и напрасно придалъ ему ироническій смыслъ. Ростовцева дѣйствительно можно характеризовать какъ «энтузіаста лоялизма» явленіе теперь мало извѣстное, но встрѣчавшееся въ суровыя времена первой половины минувшаго столѣтія чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Идеализація власти какъ власти, подчиненіе ея велѣніямъ «не токмо за страхъ, но и за совѣсть» — вотъ основной мотивъ душевной жизни этого типа людей. Существующій порядокъ вещей безсознательно идеализируется, почти обоготворяется, и ради утвержденія его люди этого типа способны на величайшія крайности. Существующій порядокъ вещей былъ для Ростовцева «безспорною данной», надъ основными принципами его онъ не задумывался, полагая, что вся суть дѣла заключается въ точномъ исполненіи приказаній начальства. Когда ему пришлось заняться крестьянскимъ дѣломъ, онъ занялся имъ также не по внутреннему призыву, а по приказанію.

Самъ онъ не считалъ въ это время освобожденія дѣломъ неотложнымъ и не понималъ ни значенія, ни пространства его: ему было приказано «устроить освобожденіе», и онъ старался «устроить» его, насколько это было нужно, чтобы приказаніе было выполнено.

При этомъ онъ невольно въ своей дѣятельности держался насколько только возможно ближе къ дѣйствительности, къ существующему, чтобы фактическій порядокъ вещей отъ преобразованія измѣнился насколько возможно менѣе. Онъ не былъ въ состояніи усвоить себѣ съ надлежащею ясностью, что крестьянская свобода есть совершенно новый принципъ, вводимый въ государственную жизнь, принципъ, сполна не мирящійся съ архаичностью всѣхъ остальныхъ сословныхъ и госу-

дарственныхъ отношеній. Непониманіе это выразилось между прочимъ въ его желаніи сохранить надъ освобожденными крестьянами какой то патріархальный патронатъ помѣщика. Намѣчая черты крестьянскаго управленія, онъ полагалъ сохранить и попечительство помѣщика въ такомъ видѣ:

...«Начальникомъ всей общины есть владѣлецъ имѣнія, на землѣ котораго община водворена.

... Власть помѣщика состоитъ въ попечительствѣ и въ наблюденіи.

1) Ходатайство за крестьянъ вообще и отдѣльно за каждаго по нуждамъ ихъ внѣ деревни и по ихъ процессамъ. Заступничество за нихъ передъ мѣстной властью и т. д.

... На мірскія власти крестьянинъ жалуется міру, на міръ помѣщику. Помѣщикъ можетъ предложить міру перевершить дѣло, а если міръ не согласится съ помѣщикомъ, то дѣло поступаетъ мировому судьѣ...

Оскорбленіе помѣщика и членовъ его семейства есть преступленіе уголовное: въ семъ случаѣ оскорбленіе самого помѣщика равняется оскорбленію своего отца.

Помѣщикъ имѣетъ право выслать изъ своего имѣнія крестьянина, признаннаго имъ вреднымъ и опаснымъ».

Мы видимъ, на какой почвѣ стоитъ въ этотъ періодъ своей дѣятельности Ростовцевъ. Помѣщикъ въ его глазахъ все еще «отецъ». Тотъ патріархальный строй общества, гдѣ всякая власть уравнивается съ властью отеческой, закрываетъ весь его умственный горизонтъ.

Такія воззрѣнія были вполнѣ обычны въ ту темную эпоху; крѣпостное право налагало свою мертвящую руку на все, начиная съ внѣшняго обихода жизни и кончая воззрѣніями религіозными. Небольшая выдержка изъ одного оффиціальнаго документа того времени дастъ намъ отчетливое представленіе объ умонастроеніи владѣльцевъ «крещеной собственности»:

«Взаимныя отношенія господъ и крѣпостныхъ людей основаны на законѣ, какъ гражданскомъ, такъ и нравственно-религіозномъ; самъ Богъ создалъ особо господъ и слугъ, которымъ и далъ особую натуру, способную къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ въ услуженіи господамъ своимъ, тогда какъ господа имѣютъ натуру, отъ Бога имъ данную, болѣе нѣжную. Къ этому физическому различію между господами и холопами присоединено Богомъ и нравственное различіе между ними: способность повелѣвать и повиноваться. Законъ гражданскій, распредѣляя отношенія между людьми, основываясь на этомъ естественномъ различіи господъ и холоповъ, рѣзко распредѣлилъ отношенія между ними и въ гражданскомъ быту, поставивъ господъ первыми въ рядахъ гражданственности и во всѣхъ движеніяхъ свѣта и освободивъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а послѣднихъ, предоставя имъ одинъ тѣлесный трудъ, подвергаетъ и наказанію тѣлесному».

Эти крѣпостныя антропологія, юриспруденція, психологія и теологія были ходячей монетой въ томъ кругу, гдѣ жилъ Ростовцевъ, и отрѣшиться отъ нихъ было удѣломъ рѣдкихъ избранныхъ натуръ. Это и случилось съ «энтузіастомъ» Ростовцевымъ.

За границей Ростовцевъ, усердно выполняя приказанія власти, отдался болѣе серьезному изученію вопроса. Онъ читалъ все, что выходило тогда за границей по крестьянскому вопросу, и мало по малу усвоилъ себѣ значеніе дѣла освобожденія во весь его ростъ. Такое же вліяніе имѣло на него, повидимому, и западно-европейское общественное мнѣніе, сочувствовавшее освобожденію. Наконецъ, существуетъ легенда, что сынъ Ростовцева, умирая, умолялъ его послужить крестьянскому дѣлу.

Какова бы ни была причина измѣненія взглядовъ Ростовцева, несомнѣнно, что изъ реакціонера онъ обратился за время своей заграничной поѣздки въ сторонника широкой и искренней реформы

Переломъ въ воззрѣніяхъ Ростовцева нѣкоторые изъ его біографовъ склонны считать какимъ то вторичнымъ рожденіемъ «въ либерализмъ». Покойный Джаншіевъ, въ своей книгѣ «Эпоха великихъ реформъ», по поводу поворота Ростовцева въ сторону широкой реформы говоритъ такъ: «Быть можетъ въ первый разъ жизни Ростовцевъ сталъ думать не объ угожденіи сильнымъ міра сего, не о шансахъ своей карьеры, а о благѣ народа, о дѣлѣ, о «святомъ дѣлѣ», какъ онъ сталъ называть крестьянскую реформу».

Нѣтъ сомнѣнія, что Ростовцевъ никогда не былъ идеалистомъ не отъ міра сего. Такіе идеалисты не дѣлаются генералъ-адъютантами. Но полагать, что онъ всю свою жизнь ни разу не думалъ ни о чемъ, кромѣ своей карьеры, значитъ совершенно забывать всю его предыдущую дѣятельность въ качествѣ фактическаго начальника военно-учебныхъ заведеній, въ которой онъ шелъ рука объ руку съ Кавелинымъ, И. Введенскимъ и Галаховымъ. Сверхъ того превращенія грубыхъ карьеристовъ въ государственныхъ дѣятелей, забывающихъ о собственномъ благѣ,— а такимъ именно и оказался Ростовцевъ,—и психологически не мыслимы.

Ростовцевъ всегда былъ энтузіастомъ лояльности, онъ остался имъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ. Поворотъ его воззрѣній объясняется не измѣненіемъ его морали, а просвѣтленіемъ его ума. Мы особенно настаиваемъ на этомъ, потому что враги освобожденія не останавливались ни передъ какой клеветой, чтобы запятнать имена участниковъ главныхъ дѣятелей «святого дѣла». Герценъ же, а за нимъ и другіе, въ пылу борьбы, подъ вліяніемъ естественныхъ опасеній за судьбу «святого дѣла», односторонне представляя себѣ начало карьеры Ростовцева и не имѣя, кромѣ того, вполнѣ точныхъ свѣдѣній о характерѣ его дѣятельности, оцѣнилъ его несомнѣнно ошибочно.

Не будемъ забывать, что дѣло шло въ тѣ времена о всемъ будущемъ Россіи. То или иное направленіе реформы заранѣе опредѣляло дальнѣйшую судьбу и характеръ политическаго и нравственнаго пути Россіи. Это было понятно всѣмъ, и озлобленіе, возбуждавшееся съ разныхъ сторонъ противъ дѣятелей реформы, не улегшееся и теперь, вполнѣ естественно. Ждать справедливой оцѣнки отъ противниковъ конечно нечего. Ростовцевъ же, возбудившій противъ себя въ первый періодъ своей дѣятельности враговъ крѣпостного права,—во второмъ періодѣ въ еще большей мѣрѣ вызвалъ къ себѣ ненависть крѣпостниковъ, понимавшихъ, что реформа обязана своимъ успѣхомъ въ неизмѣримо большой степени именно Ростовцеву, котораго судьба поставила въ особенно близкія отношенія къ императору Александру.

Безпристрастная исторія должна возстановить истину и воздать каждому должное.

Постепенная метаморфоза политическаго и нравственнаго міровоззрѣнія Ростовцева отразилась въ четырехъ знаменательныхъ всеподданнѣйшихъ письмахъ, написаннымъ имъ Александру II изъ за границы. Такъ изъ врага выкупа, почитавшаго его неосуществимой химерой, онъ въ послѣднемъ письмѣ обращается уже въ осторожнаго сторонника выкупа.

Важны при этомъ были не только тѣ *новыя* идеи, которыя усвоилъ себѣ Ростовцевъ, но еще и то, что онѣ черезъ него нашли себѣ доступъ къ уму и чувству императора.

По замѣчанію Я. Соловьева, особенно важно было то, что

Ростовцевъ, «по мѣрѣ того, какъ въ головѣ его прояснялись понятія о крестьянскомъ дѣлѣ, передавалъ ихъ государю въ простой, удобопонятной формѣ человѣка свѣжаго, не страдавшаго ни ученой, ни бюрократической формалистикой; такимъ образомъ убѣжденія Ростовцева постепенно дѣлались убѣжденіями государя».

Осенью, по возвращеніи изъ поѣздки, государь приступилъ вмѣстѣ съ Ростовцевымъ къ совѣщаніямъ, чтобы идеи всеподданнѣйшихъ писемъ провести черезъ главный комитетъ и облечь ихъ въ форму высочайшихъ повелѣній. Засѣданія 18, 19, 24 и 29 октября 1858 г. происходили подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, и опредѣленія ихъ были утверждены 26 октября и 4 декабря того же года.

Въ опредѣленіяхъ комитета устанавливалась программа реформы. Крестьяне получаютъ немедленно всѣ права свободныхъ сельскихъ сословій и присоединяются къ ихъ составу; власть надъ личностью переходитъ къ міру: помѣщикъ «долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личности»; срочно-обязанное состояніе прекращалось только послѣ выкупа крестьянами у помѣщиковъ той земли, «которая будетъ опредѣлена имъ въ пользованіе». Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено принять мѣры къ тому, чтобы крестьяне постепенно сдѣлались собственниками путемъ выкупа земли при содѣйствіи правительства.

Между тѣмъ въ главный комитетъ продолжали поступать проекты изъ губернскихъ комитетовъ, и Ростовцевъ, разсматривая ихъ, пришелъ къ заключенію, что положеніе о крестьянахъ слѣдуетъ составлять въ особыхъ правительственныхъ коммиссіяхъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, основываясь на этомъ заключеніи, исхлопотало право вызывать отъ губернскихъ комитетовъ представителей — и при томъ не только отъ большинства, но также и отъ меньшинства. Значеніе этой мѣры будетъ понятно, если припомнить, что въ губернскихъ комитетахъ сторонники освобожденія были почти вездѣ въ меньшинствѣ, и появленіе представителей только отъ большинства поставило бы обсужденіе вопросовъ освобожденія крайне одностороннее и гибельно для великаго дѣла.

1 января 1859 года Ростовцевъ внесъ въ главный комитетъ записку о порядкѣ образованія этихъ коммиссій, получившихъ названіе редакціонныхъ. Въ ней Ростовцевъ предлагалъ учредить три коммиссіи: одну для выработки общихъ положеній, вторую для выработки мѣстныхъ законоположеній и третью — финансовую — для разработки вопроса о выкупѣ надѣловъ. Предположенія Ростовцева были утверждены, при чемъ самъ онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ вновь образуемыхъ коммиссій. Ростовцевъ получилъ увѣдомленіе о назначеніи предсѣдателемъ съ оговоркой: «если онъ согласится принять эту обязанность на себя». Ростовцевъ отвѣтилъ: «Принимаю я на себя не съ согласіемъ, но съ молитвой, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга. Съ молитвою къ Богу, чтобы онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность государя. Съ благоговѣніемъ къ государю, удостоившему меня такого святого призванія. Со страхомъ передъ Россіей и передъ потомствомъ, съ чувствомъ долга передъ своею совѣстью».

Только съ этого времени во главѣ учрежденія, которому было поручено важнѣйшее дѣло фактическаго составленія всѣхъ подробностей положенія о крестьянахъ, сталъ человѣкъ, искренно расположенный къ дѣлу освобожденія, и сверхъ того носившій въ сердцѣ своемъ чувство отвѣтственности передъ родиной, исторіей и судомъ своей совѣсти.

Только съ этого момента дѣло освобожденія слѣдуетъ считать поставленнымъ на вполнѣ твердую почву.

Благодаря Ростовцеву работа редакціонныхъ коммиссій шла стремительно, и къ 5 сентября 1859 года закончился первый періодъ труда этихъ коммиссій. Медлить было нельзя и всякое ускореніе было крупной заслугой передъ дѣломъ.

Слѣдуетъ всегда помнить, что вокругъ императора Александра II было мало людей, сочувственно относившихся къ крестьянскому освобожденію. Большинство же считало освобожденіе за вредную затѣю, гибельную для интересовъ государства, и — главнымъ образомъ для своихъ собственныхъ интересовъ. Не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы напугать императора. Бунтъ, кровавая рѣзня, пожары, анархія — вотъ тѣ картины, которыя съ особенною охотою рисовали императору, какъ неизбѣжное послѣдствіе уничтоженія крѣпостныхъ цѣпей и лишенія помѣщиковъ ихъ «крещенной собственности».

Насталъ моментъ, когда всѣ предположенія редакціонныхъ коммиссій должны были подвергнуться новому обсужденію при участіи депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

На эти совѣщанія высшее петербургское общество смотрѣло съ особыми упованіями. «Эксперты», явившіеся въ Петербургъ для обсужденія и оцѣнки «измышленій кабинетныхъ реформаторовъ», должны были свести къ нулю всю многосложную работу коммиссій и остановить на неопредѣленное время дѣло освобожденія, начинавшее уже принимать опредѣленныя и осуществимыя черты. «Эксперты» отъ большинства подъ предводительствомъ петербургскихъ магнатовъ собирались, совѣщались и уговаривались, какъ повести дѣло и провалить выработанныя коммиссіями положенія.

Эгоистическія попытки владѣльцевъ крѣпостной земли и «крѣпостныхъ душъ» нашли себѣ отпоръ, выразившійся въ формахъ, которыя не должны удивлять насъ.

Основныя начала освобожденія вырабатывались съ одобренія государя, и трудъ коммиссій, съ этой точки зрѣнія, представлялся лишь развитіемъ мыслей самого императора. Такимъ образомъ критикѣ работъ коммиссій оставались самыя тѣсныя границы. Отъ депутатовъ рѣшено было требовать «отзывовъ не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными» и не о «развитіи ихъ, которое принадлежитъ правительству», — а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Государь вполнѣ одобрилъ этотъ взглядъ, найдя его правильнымъ и согласнымъ съ его собственными убѣжденіями.

Благодаря этому новая попытка крѣпостниковъ затянуть дѣло еще разъ потерпѣла пораженіе.

Въ октябрѣ 1859 года Ростовцевъ обратился къ государю съ письмомъ, въ которомъ онъ характеризуетъ главныя теченія мысли въ губернскихъ комитетахъ, нашедшія себѣ выраженія въ рѣчахъ и запискахъ депутатовъ, призванныхъ въ редакціонныя коммиссіи. Онъ излагаетъ сущность ихъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Съ нѣкоторою частью депутатовъ мы еще не сошлись въ подробностяхъ, но это, болѣе или менѣе, по возможности уладится. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы не сошлись въ общихъ основаніяхъ; уладить это не будетъ никакой возможности.

Главное противорѣчіе состоитъ въ томъ, что у коммиссій и у нѣкоторыхъ депутатовъ различныя точки исхода: у коммиссій государственная необходимость и государственное право; у нихъ право гражданское и интересы частные. Они правы съ своей точки воззрѣнія, мы правы съ своей.

Смотря съ точки гражданскаго права, вся зачатая реформа, отъ начала до конца, несправедлива, ибо она есть нарушеніе правъ частной собственности; но какъ необходимость государ-

ственная, и на основаніи государственнаго права, реформа эта законна, священна и необходима». И далѣе:

«Коммиссіи желали отъ всей души уравновѣшивать интересы крестьянъ съ интересами помѣщиковъ. Если онѣ равновѣсія этого доселѣ еще не достигли, если и есть, дѣйствительно, въ иныхъ вопросахъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ крестьянъ, то это происходитъ, конечно, ужъ не отъ того, чтобы коммиссіи желали огорчить помѣщиковъ, и чтобы онѣ не уважали священныхъ ихъ правъ, а во-1-хъ отъ того, что только одна Минерва родилась прямо вооруженной, а главное отъ того, что при особенно затруднительныхъ вопросахъ, какъ наклонить свои вѣсы, коммиссіи иногда наклоняли ихъ на сторону крестьянъ и дѣлали это потому, что наклонять вѣсы, потомъ, отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ, будетъ и много охотниковъ и много силы, а наоборотъ иначе, такъ что бытъ крестьянъ могъ бы не улучшиться, а ухудшиться.

...Коммиссіи... смотрятъ на дѣло освобожденія не какъ на приходскую работу своей канцеляріи, а какъ на дѣло своего отечества, ему на благо, а вамъ, Государь, во славу».

Этотъ приподнятый тонъ рѣчи не былъ въ устахъ Ростовцева пустой декламаціей: враги освобожденія не сдавались и упорно продолжали и явную и тайную борьбу противъ надвигавшейся реформы. Необходимо было дать отпоръ всякимъ зловѣщимъ нашептываніямъ, и Ростовцевъ сдѣлалъ это въ своей запискѣ съ большимъ искусствомъ и одушевленіемъ, не покидавшимъ его до самой смерти. Н. П. Семеновъ въ статьѣ своей «Болѣзнь и кончина генерала Ростовцева» прослѣдилъ послѣдніе мѣсяцы и дни Ростовцева, — всѣ они наполнены одной думой и одной работой—священнымъ дѣломъ освобожденія.

У него образовался карбункулъ, и 19 октября онъ уже не могъ выйти изъ дому, чтобы присутствовать въ общемъ собраніи коммиссій. Онъ не могъ, однако, примириться съ этимъ, и нѣсколько засѣданій коммиссій было назначено въ его личной квартирѣ. Послѣднія усилія своей цѣпенѣющей руки онъ отдавалъ дѣлу крестьянской свободы. Въ декабрѣ онъ ослабѣлъ до того, что не могъ сидѣть, но и лежа продолжалъ работать по крестьянскому вопросу то съ завѣдывавшимъ дѣлами коммиссій, то съ своимъ секретаремъ. Тогда же онъ написалъ нѣсколько писемъ къ государю все о томъ же «святомъ дѣлѣ». Послѣднее изъ нихъ было написано 7 января 1860 г.

5 февраля началась агонія.

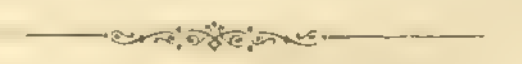
6 февраля, въ 4 ч. утра, къ умирающему сподвижнику своему въ послѣдній разъ пріѣхалъ императоръ. Государь взялъ больного за руку, и ему показалось, что онъ слышитъ рукопожатіе. «Скрестивъ руки на груди, государь внимательно прислушивался къ дыханію умирающаго, который едва слышно произнесъ: «Государь, не бойтесь». Императоръ придвинулъ стулъ и сѣлъ. Больной сказалъ еще: «Я умираю. Господи, да будетъ воля Твоя!»

Въ 6 ч. 47 м. утра Ростовцевъ умеръ.

Въ самый день смерти Я. И. Ростовцева его предсмертная записка, скрѣпленная въ подлинности завѣдывавшимъ дѣлами редакціонныхъ коммиссій, была представлена государю, который взявъ ее, сказалъ: «Нашъ бѣдный Яковъ Ивановичъ! Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ бы завѣщаніе, которое должно быть для насъ священно».

Такъ и не пришлось Ростовцеву увидѣть осуществленіе трудовъ послѣднихъ дней своихъ—трудовъ, которымъ онъ умѣлъ отдать себя безъ остатка. И онъ умеръ у преддверія свободной Россіи.

Будущіе государственные дѣятели нерѣдко начинаютъ жизнь свою съ порывовъ идеализма. Но дѣйствительность быстро охлаждаетъ эти юные и случайные порывы и обращаетъ былыхъ идеалистовъ въ зрѣлые годы въ ожесточенныхъ враговъ всякихъ «порывовъ». Ростовцевъ началъ свою карьеру съ безсознательнаго поклоненія суровой дѣйствительности, а кончилъ жизнь какъ подвижникъ и борецъ за народное благо и свободу.

Александръ Николаевичъ РАДИЩЕВЪ.

В. Е. Якушкина.

Въ русской исторической литературѣ было много споровъ о происхожденіи у насъ крѣпостного права, о томъ, въ силу какихъ условій и въ какое именно время образовался въ Россіи этотъ институтъ, которому пришлось имѣть такое продолжительное и такое печальное вліяніе на весь строй русской жизни. Въ настоящее время должно быть признано безспорнымъ, что всѣ основные элементы крѣпостного права сложились уже къ концу XVII столѣтія, и затѣмъ оно продолжало развиваться и качественно, и количественно въ теченіе всего XVIII вѣка и отчасти даже въ XIX вѣкѣ, такъ какъ нѣкоторыя подробности его получили законодательную санкцію уже въ царствованіе императора Николая I. Извѣстно также, что только съ конца XVIII столѣтія начинается постепенное ограниченіе крѣпостного права въ законѣ, такъ какъ ни сожалѣнія Петра I о продажѣ людей, яко скотовъ, ни проекты временъ Екатерины II не имѣли опредѣленнаго выраженія въ постановленіяхъ закона, не получили практическаго вліянія на ходъ жизни. Освободительный процессъ, начавшійся въ нашемъ законодательствѣ съ самаго конца XVIII вѣка, шелъ такъ медленно и съ такими перерывами и отступленіями, что потребовалось много десятковъ лѣтъ для того, чтобы наконецъ съ Россіи спали тяжелыя крѣпостныя цѣпи.

Но много раньше того, чѣмъ началось самое первое выраженіе освободительныхъ идей въ нашемъ законодательствѣ, идеи эти уже получили болѣе рѣзкое и опредѣленное, болѣе полное и болѣе прочное развитіе въ обществѣ и въ его выразительницѣ, литературѣ. Крестьянскій вопросъ выдвигается въ русской словесности одновременно съ развитіемъ самой словесности. Уже въ первой половинѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ у нашихъ писателей указанія на злоупотребленія помѣщичьей властью, на необходимость ея ограниченія. Во второй половинѣ вѣка, когда

Александръ Николаевичъ
Радищевъ.

русская жизнь подпадаетъ большему вліянію европейскаго просвѣщенія, когда въ русскомъ обществѣ получаютъ значительное распространеніе выработанныя на Западѣ прогрессивныя идеи, литература наша, очень оживившаяся за это время, касается крестьянскаго вопроса полнѣе и разностороннѣе. Въ это время и художественная словесность, и публицистика выступили съ очень опредѣленными освободительными стремленіями, которыя скоро получили видъ цѣльной системы.

Въ исторіи крестьянскаго вопроса, въ подготовленіи факторовъ, приведшихъ къ паденію крѣпостного права, нашей литературѣ принадлежитъ важное, можно сказать, первенствующее мѣсто. Являясь выраженіемъ завѣтныхъ освободительныхъ стремленій лучшей части нашего общества, литература содѣйствовала дальнѣйшему укрѣпленію аболюціонистскихъ идей, ихъ развитію въ глубь и въ ширь; она оказывала вліяніе на такія сферы общества, на такихъ лицъ, которыя должны были непосредственно ставить и рѣшать крестьянскій вопросъ; она привлекала новыхъ и новыхъ сторонниковъ освобожденія, воспитывала будущихъ работниковъ великаго дѣла, работниковъ его подготовки, его совершенія и проведенія въ жизнь. Литература выясняла, выдвигала впередъ историческія и политическія, экономическія и общественныя, нравственныя основы освобожденія. Литература освѣщала со всѣхъ сторонъ коренную важность вопроса о крѣпостномъ правѣ, она подготовила, разработала самыя основы, на которыхъ совершилось потомъ освобожденіе, уничтоженіе крѣпостного права, выработала освободительныя мѣры въ цѣломъ и въ частностяхъ. Велики заслуги и значеніе нашей литературы въ ходѣ крестьянскаго вопроса.

Какъ уже сказано, наша литература второй половины XVIII в. выдвинула крестьянскій вопросъ серьезно и полно. Главнѣйшимъ произведеніемъ того времени въ этой области была книга Радищева—«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Это сочиненіе является однимъ изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ произведеній нашей литературы Екатерининской эпохи, и въ области собственно крестьянскаго вопроса оно не только самое важное изъ произведеній XVIII вѣка, но оно имѣетъ исключительное значеніе и по своему послѣдующему вліянію и авторитету, а также и по особой судьбѣ его автора.

Та служба по разъясненію крестьянскаго вопроса, по подготовкѣ освобожденія,—какую несла русская литература, по самому существу дѣла не могла не приводить къ болѣе или менѣе рѣзкимъ столкновеніямъ съ направленіемъ и требованіями данной минуты, съ настроеніемъ властей. Литературная разработка и подготовка освобожденія крестьянъ не могли не обойтись безъ извѣстнаго личнаго подвижничества—и Радищеву принадлежитъ здѣсь первое мѣсто

Александръ Николаевичъ Радищевъ родился 20 августа 1749 года. Онъ принадлежалъ къ богатой дворянской семьѣ. Отецъ его, самъ по тому времени человѣкъ образованный, заботился и о воспитаніи сына. Когда ученіе дома, въ деревнѣ, оказалось затруднительнымъ, онъ отправилъ мальчика изъ Саратовской губерніи въ Москву къ роднымъ, которые принадлежали къ наиболѣе образованному кругу столицы и были въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ только что возникшему университету, профессора котораго и давали уроки мальчику Радищеву. Впрочемъ, въ Москвѣ Радищевъ оставался недолго. Послѣ коронаціи Екатерины II, мальчикъ былъ принятъ въ пажескій корпусъ, гдѣ и воспитывался съ 1762 по 1766 г., когда онъ, какъ отлично учившійся, былъ назначенъ въ число молодыхъ дворянъ, которыхъ Екатерина отправляла за границу для занятія науками. Русскіе студенты учились въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ Радищевъ пробылъ болѣе четырехъ лѣтъ: онъ вернулся въ Россію въ 1771 г. Студенты наши должны были проходить курсъ правовѣдѣнія, но имъ было предоставлено кромѣ того заниматься и другими науками по ихъ собственному желанію. Радищевъ, кромѣ юридическихъ наукъ, занимался медициной и химіей. Занятія его шли очень успѣшно, и онъ пріобрѣлъ серьезныя научныя знанія: оффиціальные отзывы профессоровъ объ его успѣхахъ были очень благопріятны, и память о Радищевѣ сохранялась между его наставниками. Радищевъ вернулся въ Россію не только вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, но съ хорошей и разнообразной научной подготовкой, и онъ потомъ во всю жизнь не разрывалъ съ наукой.

Но еще важнѣе для Радищева было то направленіе, которое его охватило за границею. Тогда въ Европѣ получила господство французская просвѣтительная философія. Французское вліяніе и подчинило себѣ нашихъ лейпцигскихъ студентовъ. Въ частности Радищевъ долженъ былъ познакомиться съ нимъ еще въ Москвѣ, гдѣ у него былъ гувернеръ французъ, какой то парламентскій совѣтникъ, спасшійся отъ преслѣдованія французскаго правительства. Въ пажескомъ корпусѣ Радищевъ въ числѣ другихъ предметовъ обучался и праву естественному, и этотъ же предметъ былъ внесенъ Екатериною и въ программу для студентовъ, отправлявшихся въ Лейпцигъ. Изъ свидѣтельства самого Радищева знаемъ мы, какъ наши студенты за границею страстно предавались чтенію новой философской литературы, какое вліяніе на нихъ имѣли Гельвецій и другіе проповѣдники новой французской школы. Радищевъ явился у насъ однимъ изъ главныхъ представителей французской просвѣтительной философіи, и сочиненія его показываютъ, какъ хорошо онъ зналъ ее и понималъ. Для насъ здѣсь важно установить характеръ образованія Радищева, общее направленіе, котораго онъ убѣжденно и послѣдовательно держался всю жизнь: это имѣетъ значеніе не только для пониманія личности Радищева и его литературной дѣятельности, но и является важнымъ и характернымъ фактомъ въ исторіи нашего общественнаго развитія. Извѣстно, къ какимъ курьезнымъ крайностямъ приводила у насъ въ XVIII вѣкѣ погоня за французской модой, какимъ насмѣшкамъ и обличеніямъ литературная сатира подвергала петиметровъ въ родѣ сына Бригадира. Но на ряду съ этими явленіями отрицательнаго характера были явленія иныя, болѣе глубокія и значительныя, въ которыхъ выражалась положительная сторона европейскаго вліянія. Яркимъ выразителемъ этого вліянія западнаго просвѣщенія и былъ Радищевъ, глубоко проникнутый идеями французской философіи. Къ чему же привело его вліяніе, которому онъ подпалъ въ такой степени? Къ безкорыстному служенію родинѣ и ея интересамъ, къ глубокому пониманію ея нуждъ и потребностей, къ полной постановкѣ и самостоятельному рѣшенію вопроса о крѣпостномъ правѣ. Европейское просвѣщеніе, французское философское направленіе не отдалили Радищева отъ Россіи и ея задачъ, но, напротивъ того, заставили его глубоко всмотрѣться въ положеніе родины, съ любовью и пониманіемъ отозваться на ея бѣдствія и выступить съ проектомъ ихъ излѣченія. И характерный примѣръ Радищева важенъ не только для пониманія отношеній XVIII вѣка, тогдашнихъ условій русской жизни, русской образованности, онъ имѣетъ значеніе и для оцѣнки партій и споровъ въ прошломъ вѣкѣ, отзвуки которыхъ не замолкли вполнѣ до сихъ поръ.

Въ 1771 году Радищевъ и нѣкоторые его товарищи возвращались по окончаніи курса назадъ, въ Россію, горя нетерпѣніемъ «видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія». Когда они достигли границы Россіи, они пришли въ восторгъ,—они горѣли нетерпѣніемъ вернуться на родину, чтобы служить ей своими знаніями, чтобы содѣйствовать водворенію въ ней просвѣщенія и справедливости. Радищевъ подготовлялся за границею прежде всего для гражданской службы и усердно принялся за нее; онъ съумѣлъ пробиться сквозь сложныя препятствія, бывшія на его пути, и занять самостоятельное служебное положеніе; но это не могло наполнить его жизнь, не могло дать ему полное удовлетвореніе. Онъ видѣлъ, что добросовѣстное и усердное исполненіе имъ его служебныхъ обязанностей въ частной области не можетъ вліять на измѣненіе общихъ условій жизни, установившихся отношеній и порядковъ. И онъ избралъ другой путь для того, чтобы ближе, больше содѣйствовать благу родины, онъ взялся за перо и выступилъ съ обличеніями и съ предложеніями въ литературѣ.

По возвращеніи въ Россію Радищевъ поступилъ на службу. Сначала онъ опредѣлился въ канцелярію сената, но вскорѣ недовольный порядками, встрѣченными тамъ, онъ перешелъ оберъ-аудиторомъ въ штабъ петербургскаго главнокомандующаго и здѣсь проявилъ добросовѣстное и смѣлое отношеніе къ своимъ обязанностямъ. По семейнымъ обстоятельствамъ Радищевъ вышелъ въ отставку (онъ женился въ это время на сестрѣ своего товарища Рубановскаго), но потомъ опять поступилъ на службу ассессоромъ въ государственную коммерцъ-коллегію. Здѣсь онъ скоро выдался справедливостью и знаніемъ дѣла, заслужилъ уваженіе и пріязнь президента коллегіи, гр. А. Р. Воронцова; онъ былъ затѣмъ переведенъ на службу въ таможню, помощникомъ управляющаго и затѣмъ управляющимъ ея. Онъ принималъ ближайшее участіе въ составленіи новаго тарифа, пользовался расположеніемъ начальства, сдѣлался по своимъ трудамъ извѣстенъ Екатеринѣ II. Свои обязанности по таможнѣ онъ исполнялъ съ замѣчательнымъ безкорыстіемъ и съ должною строгостью и справедливостью. Но таможенная служба не поглощала всего его вниманія, не могла дать ему полнаго удовлетворенія. Онъ никогда не переставалъ заниматься науками, много читалъ, работалъ по химіи, занимался медициной. Но ни служба, не смотря на ея весьма успѣшный ходъ, ни обширное чтеніе и научныя занятія не могли дать выходъ тому настроенію, которымъ былъ преисполненъ Радищевъ. Онъ искалъ примѣненія для своихъ широкихъ стремленій ко благу родины, онъ не могъ довольствоваться тѣмъ личнымъ удовлетвореніемъ, какое ему давали его занятія, тою пользою, какою онъ приносилъ своею службой. Онъ обратился къ литературѣ съ цѣлью выразить въ печати свои основныя воззрѣнія, указать на замѣченное имъ зло въ русской жизни и предложить возможныя средства для исцѣленія этого зла. Въ предисловіи къ своему главному произведенію, Радищевъ такъ объясняетъ побужденія, приведшія его къ писательству. «Я взглянулъ окрестъ меня—душа страданіями человѣчества уязвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка и часто только отъ того, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Неужели же человѣкъ не можетъ быть счастливъ, неужели онъ навсегда преданъ во власть заблужденій? Но тутъ Радищевъ воспрянулъ отъ унынія, въ которое повергли его чувствительность и состраданіе. «Я ощутилъ въ себѣ довольно силы, чтобы противиться заблужденіямъ и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня написать, что читать будешь».

Въ началѣ литературная дѣятельность Радищева выражалась въ переводахъ, затѣмъ, какъ говоритъ преданіе,—достовѣрность котораго, впрочемъ остается недоказанною,—Радищевъ принималъ участіе въ «Живописцѣ» Новикова, въ «Почтѣ Духовъ» Крылова. Достовѣрная литературная дѣятельность Радищева начинается съ 1789 г., когда онъ издалъ отдѣльной книжкой «Житіе Ѳ. В. Ушакова», одного изъ своихъ лейпцигскихъ товарищей, рано умершаго. Въ слѣдующемъ году Радищевъ завелъ у себя въ домѣ съ надлежащаго разрѣшенія свою типографію и напечаталъ въ ней сначала небольшую брошюрку—«Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ» (по поводу открытія памятника Петру Великому), а затѣмъ выпустилъ и свое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», надъ которымъ онъ работалъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ три названныя произведенія выражаютъ одни и тѣ же взгляды, проводятъ одно и то же направленіе. Но наиболѣе полнымъ и цѣльнымъ является «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы XVIII вѣка.

Содержаніе «Путешествія» очень разнообразно: оно отражаетъ многія стороны и явленія русской жизни, касается ея неправильностей и указываетъ возможное устраненіе послѣднихъ. Радищевъ вооружается противъ такихъ сторонъ тогдашняго быта, которыя послѣ того уже осуждены исторіею. Онъ нападаетъ на раннее зачисленіе дворянъ въ службу, на корыстолюбіе судей, на произволъ начальниковъ и пр. Но за то другая часть положеній Радищева не утратила своего жизненнаго значенія и до сихъ поръ: таковы его разсужденія противъ торговыхъ обмановъ, противъ общественнаго разврата и роскоши. Радищевъ выдвигаетъ идеалъ воспитанія, далеко еще не превзойденный нашею современною дѣйствительностью. Въ прямой связи съ приведенными сейчасъ общими положеніями стоитъ и отношеніе «Путешествія» къ крестьянскому вопросу: это главная тема «Путешествія», наиболѣе подробно разработанная и всесторонне поставленная. Радищевъ даетъ и картины бѣдственнаго положенія крѣпостныхъ и указываетъ необходимость уничтоженія крѣпостного права, предлагаетъ послѣдовательныя мѣры для освобожденія крестьянъ. «Путешествіе» распадается на 24 главы; изъ нихъ десять говорятъ о крѣпостномъ правѣ, о положеніи крѣпостныхъ. Мы имѣемъ здѣсь полную и весьма цѣнную картину крѣпостного быта. Свое примѣненіе къ русской жизни освободительныхъ началъ французской философіи Радищевъ дѣлалъ не по теоретическимъ соображеніямъ, а изучивъ близко русскую дѣйствительность и ея условія.

Описывая положеніе крѣпостныхъ, говоря объ ихъ несчастіяхъ, о притѣсненіяхъ и жестокостяхъ, которымъ они подвергаются, Радищевъ постоянно заговариваетъ объ освобожденіи, обсуждаетъ вопросъ и съ нравственной, и съ экономической, и съ государственной точки зрѣнія. Онъ говоритъ о томъ, что освобожденіе народа зависитъ отъ бояръ, которые всѣ великіе вотчинники и потому не могутъ сочувствовать этому дѣлу, говоритъ, что освобожденіе произойдетъ отъ самой тяжести порабощенія, что крестьянинъ въ законѣ мертвъ до тѣхъ поръ, пока не захочетъ самъ сдѣлаться живъ. Радищевъ взываетъ къ своимъ согражданамъ о необходимости освобожденія крѣпостныхъ, старается вселить въ нихъ тотъ ужасъ передъ крѣпостнымъ правомъ, который онъ чувствуетъ самъ, онъ взываетъ къ совѣсти жестокосердыхъ помѣщиковъ, онъ взываетъ къ обществу, требуя,

чтобы оно своимъ негодованіемъ и презрѣніемъ заклеймило злоупотребленія помѣщичьей власти. Но Радищевъ не ограничивается этими разсужденіями, этими увѣщаніями. Онъ даетъ краткій, но очень послѣдовательный «проектъ въ будущемъ»,— проектъ освобожденія крестьянъ.

Радищевъ разсказываетъ, что онъ нашелъ случайно на станціи связку бумагъ по крестьянскому вопросу; оказалось, что бумаги принадлежали его другу, и онъ дѣлаетъ изъ нихъ большія выдержки, доказывающія вредъ и опасность крѣпостного права и необходимость освобожденія и потомъ приводитъ изъ рукописи— «путь повременнымъ законоположеніямъ къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи». «Я здѣсь покажу, говоритъ Радищевъ, шествіе его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ, земледѣлецъ дѣлается свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласіе своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ земли, ими обрабатываемый, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца въ званіи гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными... Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, т. е. покупать землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда.—Исчезни варварское обыкновеніе, разрушися власть тигровъ! вѣщаетъ нашъ законодатель... За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства».

Конечно, приведенный сейчасъ планъ освобожденія есть только литературное произведеніе, а не разработанный проектъ законодательства. Нельзя здѣсь не отмѣтить, что напр., первый пунктъ проекта, мѣры къ ограниченію домашняго рабства, т. е. числа дворовыхъ—это предметъ заботы нашего позднѣйшаго законодательства, именно въ связи съ освободительными тенденціями. Самымъ существеннымъ пунктомъ въ приведенномъ проектѣ является опредѣленное совершенно отношеніе къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи: крестьянинъ долженъ быть собственникомъ той земли, которую онъ обрабатываетъ. Вопросъ о крестьянскомъ земельномъ надѣлѣ является самымъ важнымъ въ исторіи всего крестьянскаго вопроса, въ исторіи самого освобожденія крестьянъ. Радищевъ даже въ стихахъ проповѣдывалъ необходимость крестьянской земельной собственности.

Въ общемъ итогѣ мы должны признать, что «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» по силѣ и по значенію протеста противъ крѣпостного права занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ нашей литературѣ.

Извѣстно, какъ была печальна судьба книги Радищева и самого ея автора. Радищевъ былъ преданъ суду за свое «Путешествіе», былъ приговоренъ къ смертной казни и въ видѣ особаго помилованія наказаніе было ограничено ссылкой въ Сибирь на десять лѣтъ. Книга была отобрана и уничтожена (большую часть изданія передъ своимъ арестомъ сжегъ самъ Радищевъ), такъ что сохранилось лишь нѣсколько десятковъ экземпляровъ. Конечно, Екатерина II возстала на книгу Радищева не исключительно за его нападки на крѣпостное право, а за его общее отношеніе къ власти, за его общее осужденіе порядковъ тогдашней Россіи, но развитіе крѣпостного права и составляло центральный пунктъ въ этихъ порядкахъ. Изъ примѣчаній Екатерины на книгу Радищева видно, какъ она не одобряла освободительныхъ взглядовъ Радищева и однимъ изъ пунктовъ обвиненія было то, что Радищевъ, хочетъ вызвать волненія народа въ пользу освобожденія. Заключенный въ крѣпость, отданный во власть страшнаго слѣдователя Шешковскаго, больной Радищевъ, знавшій, какое направленіе приняло дѣло о немъ и что ему можетъ грозить, въ своихъ отвѣтахъ на слѣдствіи, далеко не всегда сохраняя твердость духа, старался своимъ покаяніемъ смягчить своихъ враговъ, но при этомъ, какъ только рѣчь заходила о крѣпостномъ правѣ, Радищевъ не могъ скрыть своихъ освободительныхъ стремленій.

Ссылка не измѣнила убѣжденій Радищева. Онъ былъ возвращенъ изъ Сибири императоромъ Павломъ, но съ повелѣніемъ жить въ принадлежавшемъ ему имѣніи Нѣмцовѣ, Калужской губерніи. Онъ былъ вполнѣ освобожденъ только при Александрѣ I, который немедленно вызвалъ Радищева въ Петербургъ и назначилъ его членомъ коммисеіи по составленію законовъ. Здѣсь Радищевъ удивлялъ всѣхъ «молодостью своихъ сѣдинъ». Онъ съ убѣжденіемъ проводилъ свои освободительные взгляды, какъ это мы видимъ изъ сохранившихся оффиціальныхъ бумагъ коммиссіи, такъ и изъ разсказовъ современниковъ, въ томъ числѣ одного изъ его товарищей по коммиссіи. Взгляды эти высказывались имъ и по отдѣльнымъ дѣламъ, и въ общемъ проектѣ, имъ составленномъ. Не смотря на общее направленіе первыхъ лѣтъ царствованія Александра, Радищевъ своими мнѣніями пришелъ въ столкновеніе съ предсѣдателемъ коммиссіи гр. Завадовскимъ, и его замѣчанія и угрозы такъ подѣйствовали на Радищева, разстроеннаго въ своемъ здоровьи всѣмъ уже перенесеннымъ что онъ рѣшился покончить съ жизнью и отравился (умеръ 2 сентября 1802 г.).

И по возвращеніи изъ ссылки Радищевъ не оставилъ литературныхъ занятій и между прочимъ въ деревнѣ написалъ «Описаніе моего владѣнія», замѣчательное по агрономическимъ и статистическимъ даннымъ, и здѣсь онъ опять очень опредѣленно высказался противъ крѣпостного права и за необходимость освобожденія. Статья эта вошла въ посмертное собраніе сочиненій Радищева (надо думать, съ сокращеніями).

Остановимся еще на одномъ вопросѣ, именно на отношеніи Радищева къ его собственнымъ крѣпостнымъ. Изъ сочиненій и писемъ Радищева и изъ другихъ матеріаловъ, его касающихся, мы знаемъ его характеръ, добрый и чувствительный, мы знаемъ, что онъ хорошо обращался со своими слугами, которые были ему очень преданы, знаемъ, что во время своего заключенія Радищевъ обратился съ просьбою къ роднымъ о томъ, чтобы дворовые люди, бывшіе въ услуженіи въ его домѣ, получили вольныя. Сопоставляя все это съ горячею проповѣдью Радищева противъ жестокихъ помѣщиковъ, мы имѣли бы достаточно основаній опредѣленно говорить, что Радищевъ самъ былъ помѣщикъ добрый и заботливый. Въ печати между тѣмъ неожиданно встрѣчается утвержденіе, что Радищевъ былъ помѣщикомъ очень тяжелымъ, жестокимъ. На чемъ же основывается такое утвержденіе? Основанія для него остаются неизвѣстными. Въ нашей литературѣ нѣкоторыми ея дѣятелями излюблена манера высказывать замѣчаніе противъ какого нибудь выдающагося историческаго лица при помощи глухой ссылки: «говорятъ», «есть данныя», «есть основанія думать», но эти данныя и основанія остаются неизвѣстными. Быть можетъ, у самого критика и есть какія-нибудь данныя, какія-нибудь основанія, но онъ изъ нихъ дѣлаетъ сли-

шкомъ общій и слишкомъ строгій выводъ, а провѣрки данныхъ сдѣлать нельзя, не всегда можно съ точностью опровергнуть подобное голословное обвиненіе. И оно сохраняетъ свою силу, оно повторяется, получаетъ иногда какъ бы новое значеніе отъ этого повторенія. Такъ и съ обвиненіемъ Радищева въ жестокомъ обращеніи его со своими крѣпостными крестьянами въ Нѣмцовѣ. Высказанное какъ-то мимоходомъ, вѣроятно на основаніи какого нибудь непровѣреннаго слуха, это обвиненіе, какъ по существу вполнѣ невѣроятное и неподтверждаемое никакими основаніями, не было разобрано и опровергнуто, и вотъ время отъ времени оно повторяется въ печати. Между прочимъ въ краткой біографіи Радищева, помѣщенной въ авторитетномъ словарѣ гравированныхъ портретовъ Ровинскаго, тоже говорится, будто Радищевъ былъ жестокимъ помѣщикомъ для своихъ крестьянъ въ Нѣмцовѣ. Конечно и приведенныхъ выше сопоставленій было бы достаточно для того, чтобы не придавать значенія какому-то глухосообщаемому непровѣренному извѣстію, но, благодаря любезности проф. Алексѣя Николаевича Веселовскаго, я могу указанному обвиненію Радищева въ жестокомъ будто бы обращеніи его съ крестьянами противопоставить точное мѣстное преданіе, вполнѣ опровергающее прежнія глухія обвиненія. Радищевское Нѣмцово принадлежало въ прошломъ вѣкѣ долгое время Веселовскимъ, и А. Н. Веселовскій проводилъ тамъ годы своего дѣтства и юности. И вотъ отъ нѣмцовскихъ крестьянъ, среди которыхъ были старики, которые могли сами помнить старое время, А. Н. Веселовскій не только не слыхалъ какихъ бы то ни было разсказовъ о жестокости Радищева, но, напротивъ того, онъ слышалъ отъ нихъ, что у нихъ сохранялась добрая память о Радищевскомъ времени, какъ о времени хорошемъ, легкомъ для крестьянъ. Говорю опять, и нашихъ общихъ свѣдѣній о Радищевѣ было бы достаточно для того, чтобы отвергнуть бездоказательное обвиненіе, повторяемое у Ровинскаго, но тѣмъ пріятнѣе еще, что это *обвиненіе вполнѣ опровергается* опредѣленнымъ свидѣтельствомъ А. Н. Веселовскаго *).

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» было, какъ уже сказано, отобрано и уничтожено. Книга эта была провозглашена преступной и самъ Радищевъ подвергся за нее строгому наказанію. Запрещеніе на книгѣ лежало до шестидесятыхъ годовъ, а на имени Радищева до пятидесятыхъ. До указанныхъ сроковъ почти не допускались какія-нибудь перепечатки изъ «Путешествія», почти не допускалось упоминаніе о Радищевѣ въ литературѣ. И не смотря на всѣ эти строгости, книга Радищева оказала свое вліяніе. Немногіе экземпляры его книги, оставшіеся въ обращеніи, не только высоко цѣнились библіофилами, какъ рѣдкость, но книга живо интересовала своимъ содержаніемъ, ее старались достать для прочтенія, платили за это, по свидѣтельству Массона, значительныя деньги, съ книги снимали списки, которыя получали довольно широкое распространеніе. Такимъ образомъ Пушкинъ имѣлъ полнѣйшее основаніе сказать: «Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ». Несомнѣнно, что Радищевъ имѣлъ значительное вліяніе на общество идеями, выраженными имъ въ «Путешествіи» и въ другихъ произведеніяхъ; было и литературное его вліяніе. Въ отношеніи собственно крѣпостного права Радищеву и его книгѣ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи крестьянскаго вопроса, въ исторіи паденія крѣпостного права, въ исторіи торжества въ русскомъ обществѣ освободительныхъ идей.

И книга Радищева по своимъ отношеніямъ къ крестьянскому вопросу сохраняетъ значеніе до сихъ поръ. Она даетъ намъ одно изъ наиболѣе яркихъ изображеній крѣпостного быта, крѣпостныхъ нравовъ, и теперь, когда раздаются иногда голоса о достоинствахъ и преимуществахъ стараго добраго времени, представлялось бы полезнымъ читать описанія и замѣчанія Радищева,—къ сожалѣнію, книга его и до сихъ поръ не является общедоступною.

Радищевъ не только одинъ изъ первыхъ поднялъ вопросъ о *крѣпостномъ правѣ*, объ его уничтоженіи, но онъ высказался по этому вопросу съ наибольшей полнотой, съ наибольшею убѣжденностью; свои убѣжденія онъ старался проводить по возможности въ жизнь. И за свои убѣжденія Радищеву пришлось пострадать и долгой ссылкой въ глухомъ краю Сибири, а потомъ въ деревнѣ; ему пришлось пострадать за нихъ и тѣми служебными непріятностями, которыя привели его даже къ рѣшимости покончить съ собой. Радищевъ былъ не только однимъ изъ первыхъ и главныхъ иниціаторовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, онъ былъ — какъ назвало его «Православное Обозрѣніе» (1865 г. декабрь, 543)—«мученикъ» этого дѣла.

---

*) А. Н. Веселовскій любезно сообщилъ мнѣ выписку изъ раздѣльнаго акта сыновей Радищева; привожу здѣсь эту выписку, такъ какъ она даетъ нѣкоторыя указанія и на семейныя отношенія Радищевыхъ и на составъ ихъ имущества.

«Выписка изъ дѣла малоярославскаго суда о раздѣлѣ Радищевыхъ въ 1808 году». ...«Въ поданномъ въ сей судъ прошеніи штабсъ-капитанъ Василій, титулярный совѣтникъ Николай и Павелъ Александровы дѣти Радищевы изъяснили: родитель ихъ коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Никола..въ Радищевъ въ 1802 г. волею Божіею умеръ, а послѣ смерти его осталось движимое и недвижимое имѣніе, состоящее Калужской губерніи, Малоярославскаго уѣзда въ сельцѣ Нѣмцовѣ, въ деревняхъ Куклеихѣ, Верховьѣ и новопоселенной послѣ пятой ревизіи Анисимовской, да купленныхъ имъ въ селѣ Локопскомъ крестьянъ съ пашенною и непашенною землей, съ лѣсы и сѣнными покосы и съ отхожими пустошами и со всѣми угодьи, которому имѣнію они именованные остались законными наслѣдниками, да и послѣ покойнаго дяди ихъ капитана Іосифа Николаева Радищева, убитаго въ сраженіи въ 1807 г., и по раздѣлу съ дядьями же ихъ, маіоромъ Андреемъ, титулярнымъ совѣтникомъ Михайломъ и капитаномъ Степаномъ Николаевыми дѣтьми Радищевыми Саратовской губерніи Кузнецовскаго округа да Хвананскаго (Хвалынскаго) округа въ селѣ дворянскомъ Терешкѣ съ пашенною жъ и не пашенною землею и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всякими угодьи, а какъ оное имѣніе послѣ родителя ихъ, а равно и роднаго дяди между ими не было раздѣлено, то они, поговоря между собою, нынѣ полюбовно раздѣлили» и т. д.

Николай Ивановичъ ТУРГЕНЕВЪ.

В. И. Семевскаго.

НИКОЛАЙ Ивановичъ Тургеневъ, много поработавшій для подготовки паденія крѣпостного права въ Россіи, родился 11 октября 1789 г. въ Симбирскѣ. Отецъ его, Иванъ Петровичъ, извѣстный масонъ, былъ подъ слѣдствіемъ вмѣстѣ съ Новиковымъ и другими мартинистами и въ 1792 г. былъ сосланъ на жительство въ свое родовое имѣніе, село Тургенево, находившееся въ Алатырскомъ у. Симбирской губ. Черезъ два года ему разрѣшено было переѣхать въ Симбирскъ, а по вступленіи на престолъ Павла—жить, гдѣ пожелаетъ. Такъ какъ въ 1797—1803 гг. Иванъ Петровичъ былъ директоромъ московскаго университета, то Николай Ивановичъ воспитывался въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ подъ руководствомъ проф. Антонскаго, а по окончаніи университетскаго курса довершилъ образованіе въ Гёттингенѣ, гдѣ занимался исторіею, юридическими науками, политическою экономіею и финансовымъ правомъ. Въ 1812 г. онъ возвратился на родину и поступилъ на службу секретаремъ ученаго комитета министерства финансовъ, но въ слѣдующемъ году былъ назначенъ коммиссаромъ къ знаменитому прусскому реформатору бар. Штейну, который въ это время былъ уполномоченнымъ отъ императоровъ русскаго и австрійскаго и отъ прусскаго короля для организаціи Германіи. Тургеневъ возвратился въ Россію только черезъ три года. Постоянныя сношенія съ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ должны были способствовать расширенію умственнаго кругозора Тургенева и развитію либеральныхъ взглядовъ на крѣпостное право. Ему были извѣстны мѣры Штейна по крестьянскому дѣлу въ Пруссіи. Относительно Россіи Штейнъ еще въ 1809—10 гг. высказывалъ мнѣніе, что главнымъ и необходимымъ средствомъ для умственнаго развитія и увеличенія богатствъ русскаго народа должно быть освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ за извѣстную возрастающую ренту продуктами (до $^1/_3$ или $^1/_2$ урожая), но съ сохраненіемъ полицейскаго надзора и судебной власти дворянства.

Въ 1818 г. Тургеневъ издалъ свою книгу «Опытъ теоріи налоговъ», вчернѣ набросанную еще въ Гёттингенѣ, въ которой онъ мѣстами касается и крестьянскаго вопроса въ Россіи. Авторъ указываетъ на то, что крѣпостное право невыгодно для самихъ помѣщиковъ вслѣдствіе меньшей производительности несвободнаго труда. Рабство препятствуетъ развитію въ Россіи образованія и благосостоянія; оно вредно и для свободнаго населенія, такъ какъ понижаетъ рабочую плату; напротивъ благоденствіе Великобританіи основано на «свободѣ народной». Однако наряду съ общими здравыми взглядами на крѣпостное право Тургеневъ дѣлаетъ иногда весьма неудачныя практическія предложенія. Лучшимъ средствомъ для уменьшенія количества ассигнацій онъ считаетъ «продажу государственныхъ имуществъ вмѣстѣ съ крестьянами». Онъ предлагаетъ при этомъ опредѣлить закономъ права и обязанности какъ этихъ крестьянъ, такъ и ихъ новыхъ помѣщиковъ, и такимъ образомъ подать «прекрасный и благодѣтельный примѣръ всѣмъ помѣщикамъ вообще». Надежда на то, что помѣщики добровольно послѣдуютъ этому примѣру была ни на чемъ не основана, а между тѣмъ переходъ свободныхъ государственныхъ крестьянъ въ помѣщичьи, хотя бы и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ крѣпостного права, былъ бы очень большимъ зломъ. Авторъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы говорить о могущественномъ значеніи англійскихъ свободныхъ учрежденій. «Согласіе со стороны народа для введенія налоговъ», говоритъ онъ, «можетъ быть дѣйствительно и полезно только въ тѣхъ государствахъ, которыя пользуются сущностью, а не одними только формами гражданской свободы. Англичане давно уже гордятся симъ преимуществомъ свободы и конечно имѣютъ на то право». Напротивъ, въ Германіи депутатовъ собираютъ лишь для того, um dem König Ja zu sagen» (чтобы сказать королю—да), какъ выразился одинъ депутатъ. Книга Тургенева имѣла успѣхъ совершенно небывалый въ Россіи для такихъ серьезныхъ сочиненій: она вышла въ свѣтъ въ ноябрѣ 1818 г., а къ концу года была почти вся распродана, въ маѣ же слѣдующаго года появилось уже второе ея изданіе.

Лѣтомъ 1818 г. Тургеневъ отправился въ Симбирскую деревню, которая принадлежала ему вмѣстѣ съ двумя братьями, и замѣнилъ тамъ барщину оброкомъ. Въ одной позднѣйшей статьѣ онъ упоминаетъ, что при этомъ крестьяне обязались уплачивать $^2/_3$ прежняго дохода (въ этомъ имѣніи было 600 душъ съ 6000 дес. земли). Другіе же крестьяне, малоземельные, но издавна оброчные, платили 20—25 р. ас. съ души. Нѣсколько позднѣе Тургеневъ вошелъ съ крестьянами въ соглашеніе, которое впослѣдствіи уподоблялъ договорамъ, заключеннымъ на основаніи указа 2 апрѣля 1842 г. при отпускѣ крестьянъ въ обязанные.

Въ 1819 г. петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ пожелалъ имѣть записку о крѣпостномъ правѣ, чтобы представить ее государю; по предложенію адъютанта Милорадовича, Ѳ. Н. Глинки, ее составилъ Тургеневъ. Авторъ дѣлаетъ въ ней слѣдующія предложенія относительно ограниченія крѣпостного права. Было бы полезно дополнить законъ имп. Павла о трехдневной барщинѣ правиломъ, что работающій на помѣщика 3 дня въ недѣлю не обязанъ платить ему оброкъ, вносить какіе-либо сборы или исполнять иныя повинности. Увеличеніе помѣщичьихъ фабрикъ и примѣненіе на нихъ дѣтскаго труда вызываетъ необходимость издать узаконеніе, чтобы дѣтей 10—12 лѣтъ не принуждали ни къ какой работѣ. Слѣдуетъ допустить обсужденіе въ печати крѣпостного состоянія и способовъ его улучшенія. Необходимо запретить продажу людей иначе,

какъ цѣлыми селеніями, не исключая и продажи людей за казенныя взысканія. Слѣдуетъ запретить покупать людей и владѣть ими лицамъ, не имѣющимъ деревень, а людямъ, купленнымъ вопреки этому закону, давать свободу. Необходимо запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, подъ угрозою освобожденія съ женою и дѣтьми. Слѣдуетъ запретить подвергать домашнему наказанію живущихъ въ городахъ дворовыхъ, предоставивъ это полиціи, но не иначе, какъ по разсмотрѣніи ихъ вины, наказанному же самимъ помѣщикомъ давать свободу съ семействомъ. Относительно крѣпостныхъ, живущихъ въ деревняхъ, нужно опредѣлить закономъ мѣру наказанія, а также и тѣ вины, за которыя помѣщикъ можетъ самъ производить наказаніе. Надзоръ за помѣщиками слѣдуетъ въ каждой губерніи поручить особому человѣку въ качествѣ коммиссара министерства внутреннихъ дѣлъ и разрѣшить крестьянамъ подавать ему жалобы, которыя вмѣстѣ съ нимъ разсматриваются губернаторомъ и предводителемъ дворянства. Этому комитету должно быть предоставлено право уменьшать чрезмѣрныя повинности крестьянъ. Кромѣ указанныхъ мѣръ, Тургеневъ предложилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ законѣ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и между прочимъ разрѣшить помѣщикамъ удерживать за собою право собственности на землю при заключеніи съ крестьянами добровольныхъ условій, а крестьянамъ предоставить право перехода съ одного мѣста на другое. Это была мысль совершенно неудачная, такъ какъ осуществленіе ея подорвало бы полезное вліяніе закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, главное значеніе котораго состояло въ томъ, что онъ препятствовалъ возможности обезземеленія цѣлыхъ вотчинъ при ихъ освобожденіи.

Записка Тургенева такъ понравилась Милорадовичу, что когда, во время чтенія ея, входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ, онъ немедленно объявлялъ его свободнымъ. Государь по прочтеніи записки выразилъ свое одобреніе и сказалъ Милорадовичу, что, выбравъ изъ собранныхъ имъ проектовъ все самое лучшее, онъ наконецъ «сдѣлаетъ что нибудь». Однако лишь при имп. Николаѣ, въ 1833 г., запрещено было продавать крѣпостныхъ отдѣльно отъ ихъ семействъ, а въ 1841 г. запрещено было покупать ихъ всѣмъ, неимѣющимъ населенныхъ имѣній. Размѣръ и виды наказаній, которымъ помѣщикъ могъ подвергать своихъ крестьянъ, были впервые опредѣлены въ 1846 г.

Въ 1820 г. Тургеневъ участвовалъ въ попыткѣ устроить въ Петербургѣ общество для постепеннаго уничтоженія крѣпостного права, задуманное гр. М. С. Воронцовымъ и кн. А. С. Меншиковымъ. Цѣлью общества должно было быть «изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ», вступающимъ въ общество. Заявленіе о предполагаемомъ обществѣ, кромѣ двухъ названныхъ лицъ, подписали гр. Потоцкій, кн. И. Васильчиковъ, кн. П. А. Вяземскій и братья Тургеневы. При первомъ разговорѣ гр. Воронцова съ государемъ объ учрежденіи этого общества онъ отнесся къ его проекту благосклонно, но затѣмъ кн. И. Васильчиковъ, ссылаясь на то, что дѣло ведется не въ тайнѣ и что указываютъ на Каразина, какъ на главнаго двигателя общества, снялъ свою подпись и вѣроятно былъ главнымъ виновникомъ неудачи предпріятія. При второмъ свиданіи съ гр. Воронцовымъ государь выразилъ желаніе, чтобы лица, предполагавшія устроить общество, поработали бы каждый отдѣльно и представили бы свои проекты въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ дѣло было похоронено.

Для осуществленія своей любимой мысли объ уничтоженіи крѣпостного права Тургеневъ считалъ крайне важнымъ содѣйствіе поэтовъ и вообще писателей и многимъ изъ нихъ указывалъ на то, какъ необходимо писать на эту тему. Онъ негодовалъ на Жуковскаго за то, что тотъ въ стихахъ своихъ не говоритъ «объ уничтоженіи рабства»; онъ выражалъ сожалѣніе, что Карамзинъ не заклеймилъ перомъ историка «сей величайшей изъ всѣхъ и чудовищной гнусности» и не возвысился въ своихъ мнѣніяхъ по этому предмету надъ большинствомъ русскаго общества. Въ 1820 г. Тургеневъ писалъ Чаадаеву: «Единая мысль одушевляетъ меня, единую цѣль предполагаю себѣ въ жизни, одна надежда еще не умерла въ моемъ сердцѣ: освобожденіе крестьянъ... Безплодныя занятія по службѣ отвлекли меня отъ тѣхъ занятій, которыхъ мнѣ не должно было бы оставлять никогда. Но предметъ моихъ мыслей, моихъ желаній не перемѣнился: всегда гнусное рабство будетъ предметомъ моей ненависти, освобожденіе—цѣлью моей жизни».

Желаніе возможно шире пропагандировать мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права побудило Тургенева, по его словамъ, вступить и въ тайное общество, извѣстное подъ названіемъ «Союзъ Благоденствія», негласная цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы ввести въ Россіи представительное правленіе. Вступивъ въ общество, онъ предложилъ, чтобы каждый членъ его далъ обязательство сдѣлать немедленно все отъ него зависящее для уничтоженія крѣпостного права. Тургеневъ заявилъ, что даетъ отпускныя своимъ слугамъ, что и исполнилъ немедленно. Предложеніе было встрѣчено сочувственно, и вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права занималъ затѣмъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ планахъ тайнаго общества.

Хотя Тургеневъ отрицалъ участіе свое послѣ того въ тайномъ обществѣ, однако онъ присутствовалъ на многихъ совѣщаніяхъ и содѣйствовалъ организаціи «Сѣвернаго Общества». Въ 1823 г. онъ единогласно избранъ былъ въ члены думы «Сѣвернаго Общества», но отказался отъ избранія вслѣдствіе разстройства здоровья. Кн. Волконскій свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ «не только имѣлъ съ Тургеневымъ свѣдѣнія и разговоры» (касающіеся общества), «но было постановлено Южной думой давать ему полный отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ», такъ какъ эта дума считала его «усерднѣйшимъ дѣятелемъ». Какъ бы то ни было, только съ отъѣздомъ за границу Тургеневъ совершенно прекратилъ сношенія съ тайнымъ обществомъ.

Со времени возвращенія въ Россію въ 1816 г. Тургеневъ служилъ въ коммиссіи составленія законовъ, одно время въ министерствѣ финансовъ и, главнымъ образомъ, въ канцеляріи государственнаго совѣта, гдѣ былъ помощникомъ статсъ-секретаря; его служебная дѣятельность была особенно полезна во всемъ томъ, что касалось крестьянскаго дѣла. Въ 1824 г. здоровье Тургенева потребовало продолжительнаго заграничнаго отпуска. Когда онъ подалъ о немъ прошеніе, то получилъ приглашеніе явиться къ Аракчееву, который между прочимъ сказалъ ему: «Государь поручилъ мнѣ просить васъ принять отъ него совѣтъ, не какъ отъ государя, а какъ отъ христіанина: будьте осторожны за границей. Васъ конечно окружатъ тамъ люди, которые только и думаютъ, что о революціяхъ; они будутъ стараться привлечь васъ на свою сторону. Не довѣряйтесь этимъ людямъ и будьте осторожны». Лѣтомъ 1825 г. Тургеневъ получилъ за границей письмо отъ новаго министра финансовъ Канкрина, который по высочайшему повелѣнію предлагалъ ему въ министерствѣ финансовъ мѣсто директора департамента мануфактуръ. Однажды государь сказалъ о Тургеневѣ: «если бы

Лит. Н. Кадушина С.П.Б.

Николай Иванович

Турген︎евъ.

вѣрить всему, что о немъ говорили и повторяли, было бы за что его уничтожить. Я знаю его крайнія мнѣнія, но я знаю также, что онъ честный человѣкъ, и этого для меня достаточно». Тургеневъ отклонилъ предложеніе Канкрина, такъ какъ не сочувствовалъ его намѣреніямъ во что бы то ни стало покровительствовать промышленности. Этотъ отказъ спасъ его отъ ссылки въ Сибирь по восшествіи на престолъ императора Николая.

Въ Парижѣ Тургеневъ узналъ о событіяхъ 14 декабря 1825 г., а въ январѣ слѣдующаго года отправился въ Англію и тамъ получилъ извѣстіе, что онъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ. Онъ послалъ въ Петербургъ по почтѣ объяснительную записку относительно своего участія въ тайныхъ обществахъ. Въ ней онъ утверждалъ, что былъ членомъ только «Союза Благоденствія», который уже давно закрытъ, объяснялъ характеръ этого общества и настаивалъ на томъ, что не принадлежитъ ни къ какому другому секретному союзу, не имѣя никакихъ сношеній, ни письменныхъ, ни личныхъ съ участниками позднѣйшихъ тайныхъ обществъ, и, будучи совершенно чуждымъ событіямъ 14 декабря, не можетъ отвѣчать за то, что произошло безъ его вѣдома и въ его отсутствіе. Нѣсколько позднѣе онъ былъ недоволенъ этою запискою и въ письмѣ къ брату Сергѣю (въ іюлѣ 1826 г.) говоритъ: въ этомъ «объясненіи я сказалъ объ обществѣ, что оно было... вздоръ, ребячество, прибавивъ впрочемъ, что если бы оно было что нибудь значительное, то у меня не достало бы духа смѣло выйти впередъ и, оправдывая намѣреніе, обвинять себя передъ существующими законами». Братъ Александръ послалъ это объясненіе «къ государю, не надѣясь впрочемъ никакого успѣха. Лучше было бы удержать его. Я показывалъ въ объясненіи, что, будучи въ обществѣ, я имѣлъ только одну цѣль: освобожденіе крестьянъ, и что эту цѣль почиталъ и почитаю важнѣйшею для меня въ жизни *)...

27 апрѣля (ст. ст.) 1826 г. къ Тургеневу явился секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ Горчаковъ (будущій канцлеръ имп. Александра II) и передалъ ему приглашеніе отъ гр. Нессельроде, по повелѣнію императора Николая, предстать предъ верховнымъ судомъ. Тургеневъ отвѣчалъ, что недавно посланная имъ объяснительная записка относительно его участія въ тайномъ обществѣ дѣлаетъ его присутствіе въ Петербургѣ совершенно излишнимъ; къ тому же состояніе его здоровья не позволяетъ ему предпринять такое путешествіе. Убѣждая Тургенева послѣдовать приглашенію, Горчаковъ между прочимъ сказалъ ему, что честь должна заставить его исполнить полученное приказаніе, на что Тургеневъ отвѣчалъ, что самъ можетъ судить о томъ, чего требуетъ отъ него честь, и нисколько не удивляется, что ихъ мнѣнія въ этомъ отношеніи не совпадаютъ. Тогда Горчаковъ показалъ депешу гр. Нессельроде къ русскому повѣренному въ дѣлахъ, который, въ случаѣ отказа Тургенева явиться въ Петербургъ, долженъ былъ поставить на видъ англійскому министерству, «какого рода людямъ оно даетъ убѣжище». Оказалось, что у Каннинга дѣйствительно потребовали выдачи Тургенева, но тотъ извѣстилъ только о полученіи представленнаго ему требованія, ничего не отвѣчая на него по существу. Позднѣе Тургеневъ узналъ, что русскимъ посланникамъ на всемъ европейскомъ континентѣ было предписано арестовать его, гдѣ бы онъ ни оказался.

Верховный уголовный судъ нашелъ, что «дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ, по показаніямъ 24-хъ соучастниковъ, былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ, равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе, и, удалясь за границу, онъ, по призыву правительства, къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія». Судъ приговорилъ Тургенева къ смертной казни, а государь повелѣлъ, лишивъ его чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу.

Тургеневъ очень бодро перенесъ нанесенный ему ударъ и лишь подъ вліяніемъ совѣтовъ брата Александра послалъ въ апрѣлѣ 1827 г. краткое письмо къ императору Николаю, въ которомъ признавалъ себя виновнымъ только въ неявкѣ. Такъ какъ противъ него существовало предубѣжденіе, то онъ не могъ надѣяться, что его будутъ судить безпристрастно, тѣмъ болѣе, что само правительство еще прежде рѣшенія суда признало его преступникомъ. Кромѣ того Жуковскій, пріятель Тургеневыхъ, въ томъ же году представилъ государю подробную оправдательную записку Н. И. Тургенева вмѣстѣ съ своею запиской о немъ, которую заканчивалъ просьбою, если нельзя уничтожить приговоръ (по крайней мѣрѣ теперь), то повелѣть нашимъ миссіямъ не тревожить Тургенева нигдѣ въ Европѣ. Однако ходатайство Жуковскаго не увѣнчалось успѣхомъ и еще въ 1830 г. Тургеневъ не имѣлъ права жить на континентѣ Европы, но въ 1833 г. онъ уже жилъ въ Парижѣ. Въ этомъ году онъ женился на дочери піемонтскаго изгнанника, генерала Віариса, храбраго офицера Наполеоновскихъ войскъ, и имѣлъ отъ нея дочь и двухъ сыновей.

Въ первые двадцать лѣтъ заграничной жизни Тургенева горячо преданный ему братъ Александръ всѣми средствами домогался его оправданія. Въ 1837 г., чтобы устроить матеріальное положеніе брата Николая и его семьи, онъ продалъ родовое симбирское имѣніе, получивъ за него весьма значительную сумму; точный размѣръ ея не извѣстенъ, но въ 1835 г. оно было имъ запродано другому лицу за 412.000 р. (по тогдашнему счету, конечно, на ассигнаціи). Имѣніе перешло въ руки двоюроднаго брата, который далъ честное слово «любить и жаловать» крестьянъ; но тѣмъ не менѣе это было все таки продажа крестьянъ, которою въ эпоху Александра I оба брата обыкновенно возмущались. Въ объясненіе (но не въ оправданіе) этого факта слѣдуетъ впрочемъ напомнить, что по смерти Александра Тургенева, его братъ, какъ государственный преступникъ, не могъ бы унаслѣдовать имѣнія и остался бы съ семьею безъ всякихъ средствъ. Въ 1845 г. Александръ Тургеневъ умеръ въ Москвѣ, успѣвши передать брату всѣ капиталы. Николай Ивановичъ очень умѣло пріобрѣлъ иностранныя процентныя бумаги и купилъ за 600.000 франковъ домъ въ Парижѣ.

Еще въ 1842 г. Н. И. Тургеневъ окончилъ большую часть труда, состоявшаго изъ его личныхъ воспоминаній, подробнаго объясненія относительно его участія въ тайномъ обществѣ, описанія соціальнаго и политическаго устройства Россіи, но онъ рѣшилъ не издавать этой книги до смерти брата Алексан-

*) Въ своемъ объясненіи Тургеневъ говоритъ: „Эта мысль (объ уничтоженіи крѣпостного состоянія), это страсть, если хотите, заставила меня принимать участіе въ обществѣ до его разрушенія. Эта мысль приводила меня искать успѣха къ освобожденію крестьянъ въ масонствѣ: было время, когда я думалъ, что полезно учредить новую степень въ масонствѣ съ цѣлію уничтоженія рабства. Эта мысль поселила во мнѣ намѣреніе издавать журналъ и посредствомъ онаго распространять мнѣніе о необходимости освобожденія крестьянъ. Ни масонство, ни журналъ не сдались такъ же, какъ не удалось общество“.

дра, чтобы не повредить ему. Смерть брата развязала Николаю Ивановичу руки и, прибавивъ къ своей рукописи отдѣлъ, заключавшій планы желательныхъ преобразованій, Тургеневъ напечаталъ свой трудъ въ 1847 г. подъ заглавіемъ «La Russie et les Russes» въ трехъ томахъ.

Тургеневъ удѣляетъ въ своей книгѣ много мѣста описанію *положенія крестьянъ вообще и рѣшенію вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права.* Еще до отъѣзда изъ Россіи ему приходило въ голову, что для выкупа крѣпостныхъ правительство могло-бы сдѣлать заемъ за границею. Другое предположеніе состояло въ томъ, чтобы выпустить выкупныя свидѣтельства, представляющія цѣнность земель и приносящія 5%: деньги, ими замѣненныя, могли быть выданы въ заемъ пожелавшимъ выкупиться крестьянамъ, которые вносили-бы по 6 и болѣе рублей на сто на уплату процентовъ и на погашеніе долга. Однако, не довольствуясь постепеннымъ выкупомъ на свободу, Тургеневъ совѣтуетъ прямо приступить къ окончательному освобожденію крестьянъ, которое можетъ быть или только личное, или съ предоставленіемъ въ собственность или владѣніе извѣстнаго участка земли. При личномъ освобожденіи придется только возстановить свободу перехода крестьянъ въ извѣстное время года, при чемъ необходимо будетъ замѣнить подушную подать поземельнымъ налогомъ. Личное освобожденіе онъ считаетъ наиболѣе возможнымъ и осуществимымъ. Въ третьемъ томѣ этого сочиненія Тургеневъ нѣсколько рѣшительнѣе высказывается за освобожденіе съ землею, при чемъ, однако, въ видѣ наибольшаго размѣра надѣла предлагаетъ 1 десятину на душу или 3 десятины на тягло. Предлагая весьма ничтожный maximum надѣла, авторъ по крайней мѣрѣ не находитъ нужнымъ давать за него помѣщикамъ какое-либо вознагражденіе, точно такъ же, какъ и за личное ихъ освобожденіе. Такимъ образомъ земельный надѣлъ, предложенный Тургеневымъ, сходенъ съ тѣмъ даровымъ надѣленіемъ въ размѣрѣ $^1/_4$ высшаго надѣла, которое (по настоянію кн. Гагарина) проникло въ положеніе 19 февраля. Тургеневъ отчасти потому недостаточно энергично защищалъ необходимость надѣленія крестьянъ землею, что онъ не понималъ еще въ то время всей пользы общиннаго землевладѣнія, при существованіи котораго ему казалось менѣе значительнымъ различіе между освобожденіемъ съ землею и безъ земли. Отрицательное отношеніе Тургенева къ общинѣ находилось въ связи съ такимъ же отношеніемъ его къ соціалистическимъ теоріямъ. Онъ считалъ утопіею еще соціалистическія мечты Пестеля. Въ своей главной книгѣ онъ обозвалъ тѣхъ, которые стремятся къ «организаціи труда», «католиками промышленности», потому что они, по его мнѣнію, желаютъ приложить къ промышленности католическіе принципы «власти и единообразія». Въ одной своей политической брошюрѣ (1848) онъ говоритъ: «соціалистическія и коммунистическія ученія хотѣли-бы возвратить народы къ варварству».

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II Тургеневу были возвращены его чинъ и дворянство. Послѣ того онъ три раза посѣтилъ Россію—въ 1857, 1859 и 1864 гг. Въ царствованіе Александра II онъ принялъ дѣятельное участіе въ обсужденіи вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права, напечатавъ нѣсколько брошюръ и статей по этому предмету на русскомъ и французскомъ языкахъ (нѣкоторыя безъ имени автора). Въ 1858 г. онъ издалъ брошюру подъ названіемъ «Пора», въ которой доказывалъ неудобство переходныхъ, подготовительныхъ мѣръ и необходимость и выгодность мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ, невозможность выкупа ни правительствомъ, ни самими крестьянами, и повторялъ свое предложеніе объ уступкѣ имъ небольшихъ надѣловъ. Въ брошюрѣ «О силѣ и дѣйствіи рескриптовъ 20 ноября 1857 г.» Тургеневъ совѣтовалъ содѣйствовать заключенію добровольныхъ сдѣлокъ. Въ «Колоколѣ» (1858) онъ доказывалъ несправедливость выкупа какъ личности крестьянина, такъ и земли, и опасность выпуска слишкомъ большого количества облигацій для удовлетворенія помѣщиковъ, такъ какъ цѣнность ихъ можетъ быстро упасть. Въ изданной въ слѣдующемъ году книжкѣ «Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ» авторъ предлагалъ установить годовой срокъ для добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами, а затѣмъ объявить обязательное освобожденіе ихъ на слѣдующихъ условіяхъ: крестьянамъ въ теченіе года отводится $^1/_3$ всѣхъ земель, за исключеніемъ всѣхъ лѣсовъ, но она не должна превосходить 3 дес. на тягло или $1^1/_5$ дес. на душу, со включеніемъ въ это число усадебной земли, при чемъ $^1/_3$ долговъ, лежащихъ на отведенныхъ земляхъ, должна быть принята на счетъ казны, а владѣльцамъ незаложенныхъ имѣній соотвѣтственная сумма выплачивается деньгами. Въ этой книжкѣ Тургеневъ впервые предлагаетъ сохранить при освобожденіи крестьянъ общинное землевладѣніе и дать ему большее развитіе, такъ какъ, несмотря на нѣкоторыя вредныя его стороны, оно сыграло важную роль въ исторіи нашихъ крестьянъ и къ тому-же сильно облегчаетъ и ускоряетъ ихъ освобожденіе. По истеченіи двухъ лѣтъ *крѣпостное право должно быть уничтожено.* Въ статьѣ, *помѣщенной* въ «Колоколѣ» 1859 г., Тургеневъ доказываетъ, что не крестьянамъ слѣдуетъ выкупаться на свободу, а помѣщикамъ нужно искупить несправедливость крѣпостного права. Упразднить его должна самодержавная власть, участіе-же самихъ помѣщиковъ въ дѣлѣ реформы мало желательно, какъ показалъ опытъ прибалтійскихъ губерній. Здѣсь авторъ измѣнилъ свой прежній взглядъ на вопросъ о вознагражденіи помѣщикамъ, «такъ какъ его требовали со всѣхъ сторонъ», хотя продолжалъ считать его несправедливымъ. Принявъ во вниманіе оцѣнку имѣній при закладѣ ихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, Тургеневъ предлагаетъ установить повсемѣстно размѣръ вознагражденія въ 26 руб. за десятину. Въ 1860 г. онъ издалъ, на французскомъ языкѣ, «Послѣднее слово объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи», гдѣ, сравнивая свои мнѣнія съ проектомъ редакціонныхъ коммиссій, находитъ свою систему малыхъ, но даровыхъ надѣловъ болѣе удобною, чѣмъ надѣленіе на душу (какъ предлагали редакціонныя коммиссіи) 2—5 дес., но съ выкупомъ ихъ самими крестьянами. Онъ признаетъ, что, при осуществленіи его предложенія, многіе крестьяне обратятся въ батраковъ, но, по его мнѣнію, пролетаріатъ долженъ все равно возникнуть въ Россіи, такъ какъ общинное землевладѣніе непремѣнно исчезнетъ послѣ уничтоженія крѣпостного права. Неудобство большихъ выкупаемыхъ надѣловъ состоитъ и въ томъ, что, если гарантировать взносы выкупныхъ платежей круговою порукою, то крестьянинъ останется въ сущности прикрѣпленнымъ къ землѣ, такъ какъ община не выпуститъ своего члена, пока онъ не уплатитъ своей части выкупа. Система малыхъ надѣловъ удобна еще тѣмъ, что освобожденіе крестьянъ могло быть произведено чрезвычайно быстро. Доказывая, что крестьяне имѣютъ право безплатно получить малый земельный надѣлъ, Тургеневъ ссылается на примѣръ Пруссіи, а также и на то, что наши помѣщики имѣютъ извѣстныя обязательства относительно крестьянъ,—прокормленіе ихъ во время неурожаевъ и отвѣтственность за уплату ими податей; такъ что, какъ доказала періодическая печать, крестьяне являются въ сущности *совладѣльцами земли.*

Тургеневу представился случай примѣнить свои взгляды. Онъ получилъ въ наслѣдство небольшое имѣніе (въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губ.), въ которомъ крестьяне (181 душа муж. пола) находились частью въ барщинѣ, частью па оброкѣ. Барщинные пожелали перейти на оброкъ, который и былъ установленъ (1859) въ размѣрѣ 20 рублей сер. съ тягла. Тургеневъ предложилъ, и они согласились платить столько же, по на другихъ основаніяхъ: $^1/_3$ земель, со включеніемъ усадебъ, отводится крестьянамъ, а остальныя $^2/_3$, за исключеніемъ усадьбы помѣщика и лѣса, отдаются имъ въ аренду по 4 руб. за десятину. Тургеневъ признаетъ, что арендная плата нѣсколько высока, такъ какъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ земля отдавалась не болѣе, какъ по 3 руб. за десятину, но, принимая во вниманіе дарственный надѣлъ, равный $^1/_3$ земель, онъ считалъ эту плату справедливою. Нужно замѣтить, что крестьяне получили въ даръ менѣе 3 дес. на семейство, т. е. менѣе того maximum'а надѣла, который предлагалъ въ своихъ сочиненіяхъ самъ Тургеневъ. Впрочемъ, въ договорѣ съ крестьянами было сказано, что, если условія освобожденія, установленныя правительствомъ, будутъ для нихъ выгоднѣе, то они могутъ принять ихъ вмѣсто назначенныхъ въ договорѣ; да къ тому же Тургеневъ устроилъ въ этомъ имѣніи школу, больницу и богадѣльню, а также обезпечилъ безбѣдное существованіе церковнаго причта.

Въ брошюрѣ «О новомъ устройствѣ крестьянъ» (1861), вышедшей уже послѣ обнародованія Положенія 19 февраля, Тургеневъ еще продолжаетъ защищать свою систему малыхъ надѣловъ, но уже допускаетъ (хотя прежде считалъ это *нежелательнымъ), чтобы* крестьянинъ, сверхъ полученнаго въ собственность надѣла, имѣлъ право на постоянное пользованіе, за извѣстныя повинности, или даже на выкупъ надѣла дополнительнаго до размѣра, установляемаго новымъ Положеніемъ. Онъ пораженъ, что составители этого Положенія допустили сохраненіе тѣлесныхъ наказаній; противъ нихъ онъ постоянно ратовалъ, между прочимъ и въ изданной незадолго передъ тѣмъ брошюрѣ: «О судѣ присяжныхъ и о судахъ полицейскихъ въ Россіи» (1860).

Доживъ до осуществленія самой завѣтной своей мечты, Тургеневъ не переставалъ работать, продолжая указывать на необходимость дальнѣйшихъ преобразованій. Такъ, въ его книгѣ «Взглядъ на дѣла Россіи» (1862) слѣдуетъ отмѣтить предложеніе о введеніи мѣстнаго самоуправленія*).

Этимъ мѣстнымъ выборнымъ учрежденіямъ должны быть предоставлены раскладка земскихъ повинностей, завѣдываніе путями сообщеній, устройство школъ и вообще забота о мѣстныхъ нуждахъ, связанныхъ съ благосостояніемъ народныхъ массъ. Указавъ на необходимость и другихъ реформъ, Тургеневъ предлагаетъ поручить подготовку ихъ коммиссіямъ, составленнымъ по примѣру редакціонныхъ коммиссій, выработавшихъ проектъ крестьянской реформы, т. е. изъ лицъ и не состоящихъ на государственной службѣ. Въ книгѣ: «Чего желать для Россіи» Тургеневъ честно признаетъ, что жизнь во многихъ отношеніяхъ опередила его проекты. Такъ, относительно крестьянской реформы онъ говоритъ, что если-бы ограничились малыми земельными надѣлами, то это не соотвѣтствовало-бы желаніямъ крестьянъ. «Находя, что достаточное количество земли не только обезпечиваетъ крестьянина въ его быту, но даетъ ему какое-то чувство — можетъ быть только призракъ — самостоятельности, близкой къ независимости, мы убѣждаемся, что методъ освобожденія съ большими надѣлами землею былъ лучшимъ и для крестьянъ, и для государства. По всему, что мы видимъ, можно заключить, что крестьяне прежде и болѣе всего желали и желаютъ имѣть землю, сохранить за собою вообще тѣ надѣлы, коими они пользовались; очевидно также, что для сего они готовы платить выкупной оброкъ». Этого достаточно, чтобы предпочесть методъ освобожденія съ землею, принятый Положеніемъ 19 февраля, тому, «который мы предлагали». Относительно закона о земствѣ Тургеневъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія, но все-таки онъ находитъ, что наше земское самоуправленіе отличается настоящимъ, истиннымъ характеромъ этого рода учрежденій. Что касается судоустройства и судопроизводства, то основныя начала гласности суда присяжныхъ, полнаго преобразованія слѣдственнаго порядка въ дѣлахъ уголовныхъ, *нашли, по* мнѣнію автора, «великолѣпное приложеніе и развитіе въ новомъ устройствѣ судовъ и судопроизводства», но онъ уже замѣчаетъ отдѣльныя печальныя явленія и въ мірѣ судебномъ.

29 октября 1871 г. Н. И. Тургеневъ умеръ, 82-хъ лѣтъ, тихо, почти внезапно, безъ предварительной болѣзни, въ своей виллѣ Вербуа, въ окрестностяхъ Парижа.

---

*) По его мнѣнію, «уѣздный совѣтъ» долженъ былъ состоять, по крайней мѣрѣ, изъ 25 человѣкъ отъ «земледѣльческихъ сословій, т. е. дворянъ, крестьянъ и другихъ; собранія этого совѣта должны быть временныя, періодическія, раза два въ годъ, а для постоянной работы онъ избираетъ нѣсколькихъ членовъ, напр., троихъ. Въ подобный же губернскій совѣтъ авторъ допускаетъ и небольшое число представителей отъ купцовъ и мѣщанъ.

Князь Владимiръ Александровичъ ЧЕРКАССКIЙ.

А. Ѳ. Кони.

Князь Владимiръ Александровичъ Черкасскiй, родившiйся 5 февраля 1824 года, въ Тульской губернiи, происходилъ изъ древняго русскаго рода. Прямымъ предкомъ его былъ князь Михаилъ Черкасскiй, — женатый на внучкѣ князя Пожарскаго,—самоотверженно спасавшiй, во время стрѣлецкаго бунта 1682 года, жизнь своему личному врагу—боярину Матвѣеву.

Получивъ блестящее домашнее воспитанiе и свободно владѣя нѣсколькими иностранными языками, князь В. А. Черкасскiй рано сталъ выдаваться между сверстниками своимъ серьезнымъ, самостоятельнымъ образомъ мыслей и настойчивостью въ трудѣ. Эти качества внесъ онъ въ свою разнообразную общественно-государственную дѣятельность, въ которой всегда умѣлъ оставлять глубокiй и даже неизгладимый слѣдъ. Онъ былъ типическимъ бойцомъ за то, во что вѣрилъ и что, по его строго продуманному, чуждому всякаго, въ какую либо сторону, искательства, мнѣнiю было нужно или полезно горячо любимой имъ родинѣ. Онъ представлялъ собою натуру страстную и сильную при внѣшнемъ холодномъ спокойствiи и замѣчательномъ самообладанiи. Будучи весь проникнутъ тѣмъ, что французы называютъ «esprit de combativité», онъ былъ совершенно чуждъ приспособляемости, что выражалось и въ его энергической и даже нѣсколько суровой наружности. Весь преданный своему дѣлу и упорный въ преслѣдованiи своей цѣли, кн. Черкасскiй не только не зналъ столь обычнаго у насъ, заклейменнаго еще княземъ Одоевскимъ, «рукавоспустiя», но вѣчно боролся, находя, по собственному выраженiю, что «вездѣ и всюду наступательная война выгоднѣе оборонительной». Оружiемъ въ этой войнѣ ему служилъ сильный, дѣятельный умъ, сила слова и быстрая находчивость. «Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза,—говоритъ о немъ И. С. Аксаковъ,—такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ, особенно же глаза людей съ туманною мыслью, ублажающихся самообольщенiемъ. Онъ любилъ—къ сожалѣнiю, слишкомъ любилъ,—издѣваться надъ добродушною глуповатостью, и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высокомѣрную, злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣньемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста и въ грудѣ фразъ о безкорыстiи и гуманности обличать присутствiе тайнаго, своекорыстнаго мотива».

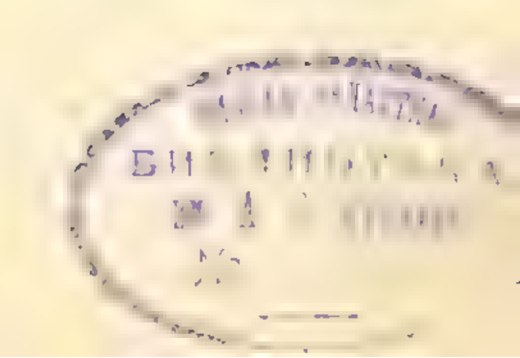
Воспитанникъ московскаго университета, въ наиболѣе славный перiодъ его существованiя, Черкасскiй, поступившiй въ него 16-ти лѣтъ,—до конца дней сохранилъ благодарную память о Погодинѣ и Крыловѣ. «Погодинъ,—говорилъ онъ,—вселялъ въ слушателяхъ уваженiе къ историческому труду, возбуждалъ самодѣятельность ихъ ума и радостно привѣтствовалъ и поощрялъ каждаго, кого успѣвалъ посвятить въ тайныя наслажденiя науки. Онъ вливалъ въ молодыя души живые задатки народнаго самосознанiя». Подъ влiянiемъ мыслей Погодина имъ, въ бытность студентомъ, написаны: «изслѣдованiе о древнихъ чинахъ въ Россiи», разборъ сочиненiя Котошихина «о Россiи въ царствованiе Алексѣя Михайловича» и разсужденiя «о тарханныхъ грамотахъ» и «объ укрѣпленiи крестьянъ». Не менѣе имѣло влiянiя на князя Черкасскаго и преподаванiе профессора римскаго права Крылова, своеобразная и высоко-талантливая личность котораго оставляла неизгладимый слѣдъ въ умѣ его слушателей, для которыхъ образъ «Никиты Крылова» составлялъ и нынѣ еще составляетъ одно изъ самыхъ дорогихъ и свѣтлыхъ воспоминанiй объ университетѣ. Нравственная связь Черкасскаго съ его «alma mater» никогда не ослабѣвала. Уже приближаясь къ концу своей дѣятельной жизни, при оставленiи должности московскаго городского головы, отвѣчая на обращенныя къ нему привѣтствiя и отклоняя отъ себя слишкомъ лестные отзывы, онъ сказалъ: «единственная заслуга моя заключается, быть можетъ, лишь въ томъ, что я оставался и остался постоянно вѣренъ нѣкоторымъ завѣтнымъ убѣжденiямъ, насажденнымъ въ меня сызмала, взрощеннымъ во мнѣ московскимъ университетомъ и съ университетской скамьи внесеннымъ мною въ общественную дѣятельность,—убѣжденiямъ, которымъ я надѣюсь остаться вѣрнымъ до конца...»

Въ стѣнахъ этого университета и воспиталъ впервые будущiй дѣятель по освобожденiю крестьянъ свои завѣтныя мысли объ уничтоженiи крѣпостного права, служенiю которымъ посвятилъ всѣ свои силы. Въ написанномъ на золотую медаль, въ 1844 году, «Очеркѣ исторiи сельскаго сословiя въ Россiи»,—явившемся продолженiемъ оставшагося въ рукописи «Разсужденiя объ укрѣпленiи крестьянъ»,—представивъ очеркъ политическаго развитiя русской волости, князь Черкасскiй приходитъ къ убѣжденiю, что для нея есть лишь одинъ правильный, нормальный выходъ изъ крѣпостного состоянiя—общинный политическiй бытъ, основанный на твердой поземельной собственности.

«Но когда же настанетъ для Россiи вожделѣнный день?»—спрашивалъ себя князь Черкасскiй. «Жатва быстро зрѣетъ, великая историческая драма безостановочно клонится къ неминуемой развязкѣ; исторiя уже, кажется, произнесла свой судъ; фактъ ожидаетъ лишь законодательнаго освященiя. Пусть казна, согласившись крестьянъ своихъ назвать свободными, согласится еще на послѣднюю жертву, и оброкъ ихъ назоветъ просто поземельной податью; пусть частные владѣльцы, двѣсти лѣтъ незаконно пользовавшiеся крестьянскою барщиною, наконецъ отъ нея откажутся и, въ видѣ вознагражденiя, согласятся признать ихъ вѣковое, рѣшительно неотъемлемое владѣнiе полною отчинною собственностью». Мечта о «вожделѣнномъ днѣ» не оставляла затѣмъ кн. Черкасскаго, и—во всѣ его письма, разсужденiя и личныя сношенiя она вплетается неизбѣжно и властно. Подъ

Лит И Кадушина СПБ

Князь
Владиміръ Александровичъ
Черкасскій.

вліяніемъ этой мечты онъ пишетъ въ 1846 году проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, въ которомъ говоритъ, что при изысканіи средствъ для коренного измѣненія условій крестьянскаго быта должно имѣть въ виду, что «въ настоящемъ вопросѣ принимаютъ живое участіе три лица, изъ коихъ каждое имѣетъ свои собственные интересы, часто находящіеся въ борьбѣ съ выгодами другихъ сторонъ: это—самъ крестьянинъ, помѣщикъ и государство. Примирить по возможности противорѣчащія выгоды этихъ сторонъ—вотъ главная задача!... Выгоды крестьянина требуютъ, чтобы, получая свободу, онъ не вступилъ въ бѣдственный разрядъ бобылей, пролетаріевъ. Онъ долженъ имѣть осѣдлость, принадлежать къ общинѣ, имѣть недвижимую собственность. Свобода будетъ ему постылымъ даромъ или, лучше, гибелью, если не соединить съ нею твердаго поземельнаго владѣнія, которое для бѣдняка, особенно лишеннаго всякаго образованія, есть лучшая нравственная опора».

Задушевная мысль князя Черкасскаго о надѣлѣ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости земельною собственностью— не только не встрѣчала сочувствія въ помѣщичьемъ сословіи, но при малѣйшей попыткѣ облечься въ законодательное осуществленіе, хотя бы въ самомъ скромномъ видѣ, наталкивалась на суровое и категорическое отрицаніе. Проектированное секретнымъ комитетомъ 1826 г. «новое устройство всѣхъ состояній въ государствѣ», воспрещавшее всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, вызвало настойчивыя возраженія великаго князя Константина Павловича, получившія особую силу подъ вліяніемъ іюльской революціи и польскаго возстанія. Новый «комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій», открытый въ 1835 г., приступилъ къ дѣлу съ робостью предъ «гибельными послѣдствіями слишкомъ поспѣшно провозглашеннаго слова свободы» и, установивъ, какъ руководящія начала: необходимость совершенія реформы съ «незамѣтною постепенностью»—и признаніе помѣщичьей земли во всемъ ея объемѣ «неотъемлемою и неприкосновенною собственностью помѣщика»,—почилъ отъ дѣлъ своихъ. Третій секретный комитетъ 1839 г. составилъ обнародованное въ 1842 году положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ. Основныя черты проекта этого положенія, выработанныя графомъ Киселевымъ и состоявшія въ установленіи общей нормы надѣла и обезпеченныхъ круговою порукою повинностей, на случай согласія помѣщиковъ на увольненіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, подверглись такому смягченію и искаженію въ окончательной редакціи, что этотъ новый законъ до такой степени оказался *мертворожденнымъ*, что на практикѣ онъ имѣлъ всего лишь пять случаевъ примѣненія. Вообще, въ эти годы, всякое предположеніе о надѣленіи крестьянъ землею встрѣчалось безусловно неодобрительно. Изъ названнаго проекта князя Черкасскаго и изъ переписки П. В. Анненкова съ Бѣлинскимъ видно, что на выборахъ 1843—44 гг. нѣсколько человѣкъ тульскихъ дворянъ входили къ губернатору съ предложеніемъ отпустить каждый въ имѣніи своемъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землею по одной десятинѣ на ревизскую душу и съ освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ прежнихъ отношеній къ господамъ. За это они просили только перевода на вновь освобожденныхъ крестьянъ ихъ долга опекунскому совѣту по 45 руб. сер. На это предложеніе свое дворяне получили увѣдомленіе, что правительство принять его не можетъ, такъ какъ оно прямо противорѣчитъ основной его мысли сохранить за дворянствомъ въ неприкосновенности поземельную собственность.

При такомъ положеніи дѣла, мечта кн. Черкасскаго была далека отъ осуществленія. Между тѣмъ, сознаніе несправедливости крѣпостного права, столько разъ имъ выраженное, не могло оставлять его въ спокойномъ бездѣйствіи. По горькой ироніи судьбы, онъ былъ, однако, лишенъ возможности отпустить своихъ крестьянъ на волю съ землею. Его старшій братъ, человѣкъ выдающихся способностей и самаго привлекательнаго характера, погибалъ подъ вліяніемъ несчастной страсти къ игрѣ въ карты и совершенно разорился. Князь В. А. Черкасскій, нѣжно его любя, неоднократно приходилъ къ нему на помощь въ тяжкія минуты,—и это отразилось на его собственномъ матеріальномъ положеніи. Онъ вынужденъ былъ заложить свое имѣніе въ опекунскій совѣтъ. Но, по дѣйствовавшимъ въ то время гражданскимъ законамъ, помѣщикъ не имѣлъ права отчуждать ни одной десятины изъ заложеннаго имѣнія до уплаты всего долга. Желая хоть что-либо сдѣлать для своихъ крестьянъ въ тогдашнее безпросвѣтное время, и обставить ихъ выходъ на свободу прочными условіями, исключающими личный, въ каждомъ случаѣ, произволъ, онъ предоставилъ у себя всѣмъ желающимъ право выкупаться на волю на твердо установленныхъ и льготныхъ основаніяхъ, съ разсрочкою невысокой платы на три года и съ оставленіемъ угодій въ пользованіи освобождаемыхъ, при ихъ желаніи, за половинный размѣръ оброка. «J'ai fait une grande innovation par rapport à la libération de mes paysans,—писалъ онъ 26-го октября 1846 г., брату своему Евгенію:—ce matin j'ai signé un «всемилостивѣйшій манифестъ» о постоянной таксѣ для желающихъ откупиться крестьянъ, et je l'ai déposé au Comtoir en le faisant proclamer. Vogue la galère»! Дворовые, рабочіе, на сахарномъ заводѣ князя и наиболѣе домовитые крестьяне немедленно стали пользоваться условіями «всемилостивѣйшаго манифеста», и Черкасскій распространилъ его дѣйствіе на имѣнія своей матери, которыми управлялъ, гдѣ откупилось болѣе половины первоначальныхъ «тяголъ». Попытка освобожденія крестьянъ, предпринятая княземъ въ ранней молодости—ему было всего 22 года,—безъ житейскаго опыта и предусмотрительной обдуманности всѣхъ практическихъ имущественныхъ ея послѣдствій какъ для него (напр., платежъ подушныхъ за освобожденныхъ), такъ и для невыкупившихся крестьянъ (напр., рекрутская повинность), причиняя ему впослѣдствіи значительные убытки и хлопоты, послужила темою для разнообразныхъ ядовитыхъ противъ него обвиненій, шедшихъ отъ его многочисленныхъ недруговъ и противниковъ по крестьянскому дѣлу. Сначала сосѣдніе помѣщики, напуганные его «противными интересамъ своего званія» дѣйствіями,—а съ ихъ голоса и дворяне другихъ губерній—съ негодованіемъ стали указывать на то, что онъ волнуетъ весь край и возбуждаетъ въ крестьянахъ и дворовыхъ духъ непослушанія и строптивости, поступая такъ по тайному уговору правительства (sic!), обѣщавшаго ему за это мѣста, чины и отличія, и оказавшаго ему денежную поддержку. Но когда, уже въ новое царствованіе, вопросъ освобожденія былъ рѣшенъ и пошелъ безостановочнымъ ходомъ, противъ кн. Черкасскаго, по поводу того же предпринятаго имъ освобожденія, было выдвинуто обвиненіе въ корыстной предусмотрительности, нашедшее себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ брошюрѣ, распространенной среди гласныхъ тульскаго земства уже послѣ смерти князя и вызвавшей горячую защиту покойнаго со стороны П. Ѳ. Самарина.

Новый толчокъ мысли объ освобожденіи крестьянъ, однако безъ всякаго намека на надѣлъ, былъ данъ самимъ государемъ. Принимая, 18 мая 1847 г., депутацію смоленскихъ дворянъ, императоръ Николай Павловичъ, по свидѣтельству современни-

ковъ, сказалъ: «теперь я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровью, пролитою за государство, но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности...» Почти одновременно съ этимъ, повидимому по почину тульскаго губернатора Н. Н. Муравьева (впослѣдствіи графа Амурскаго), образовался, съ Высочайшаго разрѣшенія, кружокъ тульскихъ помѣщиковъ для составленія проекта освобожденія крестьянъ въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ. Свѣдѣнія объ этомъ кружкѣ, державшемъ мѣсто и содержаніе своихъ преній въ большомъ секретѣ, очень скудны и сбивчивы, но несомнѣнно, что кн. Черкасскій занялъ въ немъ выдающееся положеніе, велъ бурные и ожесточенные споры, составлялъ записки и разработалъ проектъ, разосланный разнымъ лицамъ, сознававшимъ важность назрѣвшаго вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Но пока Черкасскій, въ тѣсномъ кружкѣ товарищей и немногихъ единомышленниковъ, отдавался всей душою снова явившейся надеждѣ на осуществленіе его завѣтной мечты, наступила февральская революція, сразу и рѣшительно вызвавшая крупную перемѣну во взглядѣ правительства на умѣстность и своевременность какихъ-либо попытокъ къ освобожденію крестьянъ. Въ Тулу прискакалъ фельдъегерь, привезшій приказъ: коммиссію распустить и всякую дальнѣйшую разработку вопроса остановить. Отъ участниковъ «кружка» была потребована подписка, что они освобожденіемъ крестьянъ больше заниматься не будутъ. И все по этому вопросу смолкло.

Наступили годы болѣзненнаго затишья, разрѣшившагося погромомъ Крымской войны, въ которой столь плачевную роль сыгралъ будущій ярый врагъ «партіи надѣла» при окончательной разработкѣ крестьянскаго вопроса, князь А. С. Меньшиковъ, которому его прославленное салонное остроуміе не помогло избѣжать своеобразныхъ лавровъ въ битвѣ при Альмѣ.

Князь Черкасскій, между тѣмъ, женился, усиленно сталъ заниматься хозяйствомъ и сошелся въ Москвѣ съ кружкомъ славянофиловъ, въ которыхъ, хотя и не раздѣляя многихъ изъ ихъ взглядовъ, онъ цѣнилъ чистоту побужденій и искреннюю любовь къ родинѣ. Въ этой средѣ, «эмансипація» была постояннымъ и любимымъ предметомъ бесѣды въ 1849 и 1850 г. г. Въ слѣдующій затѣмъ годъ сознаніе необходимости распространенія здравыхъ взглядовъ на крѣпостное право въ обществѣ породило въ кружкѣ, къ которому принадлежалъ кн. Черкасскій, мысль объ изданіи «Московскаго Сборника», во второмъ томѣ котораго должна была появиться статья князя «Юрьевъ день». Ей, однако, не удалось тогда увидѣть свѣта. Весь второй томъ «Сборника», со всѣми статьями въ рукописи, не былъ допущенъ до печатанія—и «не потому, что въ немъ было сказано, а потому, что умолчано", какъ объяснилъ издателю начальникъ штаба III-го отдѣленія Л. В. Дубельтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые участники «Сборника»—Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ и кн. Черкасскій, подверглись ограниченію въ правахъ печатанія своихъ статей и полицейскому надзору.

Но война приходила къ концу. Наступалъ миръ, тягостныя условія котораго были куплены цѣною внутреннихъ неурядицъ. Это обратило взоры всѣхъ на домашнія дѣла. «Въ Москвѣ и Петербургѣ менѣе говорятъ о мирѣ, чѣмъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія»,—пишетъ, въ февралѣ 1856 г., Черкасскому Кошелевъ. Послѣднему было разрѣшено изданіе „Русской Бесѣды" и съ друзей его снято запрещеніе писать, чѣмъ тотчасъ же воспользовался кн. Черкасскій для составленія «политическихъ обозрѣній» для «Бесѣды», очень, впрочемъ, связанный въ своей работѣ цензурнымъ требованіемъ «представлять одинъ связный разсказъ политическихъ событій, почерпнутыхъ исключительно изъ русскихъ источниковъ и безъ всякихъ своихъ сужденій». Неудовлетворенный ни журнальною работою при такихъ условіяхъ, ни путешествіями по Россіи и за-границей,—не соблазняемый торнымъ путемъ казенной службы, князь Черкасскій, при первомъ пробужденіи замершей мысли объ освобожденіи, отдался ей снова и представилъ, 1 января 1857 г., министру внутреннихъ дѣлъ обширную записку «о лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія», въ которой, ссылаясь на неудачу всѣхъ мѣръ предшествовавшаго царствованія, находилъ, что эта неудача обусловливалась въ значительной степени «личною правительственною изобрѣтательностью и притязаніемъ на приведеніе въ исполненіе новыхъ общихъ формулъ сельскихъ отношеній, взрощенныхъ и выработанныхъ въ канцелярской атмосферѣ, а не въ народной сознательной жизни». Излагая въ 15-ти пунктахъ тѣ главныя законодательныя мѣры, которыя не только казались ему вполнѣ возможными, но и совершенно необходимыми, кн. Черкасскій говорилъ: «пора, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвратить въ этомъ дѣлѣ обществу слишкомъ долго заглушенный свободный голосъ его, выслушать его мнѣніе, вызвать несомнѣнно присущую ему изобрѣтательность и самодѣятельность, которыя никакою лихорадочною дѣятельностью правительства замѣнены быть не могутъ. Откровенно вопрошенное общество, безъ сомнѣнія, найдетъ въ богатомъ запасѣ практическаго опыта своего и готовыя формулы, и тайну новыхъ искомыхъ отношеній»

Иронія судьбы преслѣдовала не разъ князя Черкасскаго въ его трудахъ и начинаніяхъ. Эта записка его была, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія, смѣшана съ запискою неизвѣстнаго автора «О способахъ новаго устройства отношеній между землевладѣльцам и земледѣльцами», появившеюся во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ,—и онъ, теоретическій защитникъ освобожденія съ землею и неустанный практическій борецъ за осуществленіе именно такого освобожденія, былъ провозглашенъ авторомъ строкъ, характеризующихъ тѣ раздутыя или, быть можетъ, напускныя опасенія, которыми своекорыстные ревнители отживавшаго крѣпостного строя старались повліять на правительство, къ счастію не внявшее ихъ зловѣщимъ прорицаніямъ. Достаточно прочесть отрывки изъ приписанной кн. Черкасскому записки, чтобы увидѣть, что уже какъ человѣкъ съ яснымъ и строгимъ слогомъ и съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ—онъ не могъ быть составителемъ этого набора «жалкихъ» и «страшныхъ» словъ. Вотъ что писалось тамъ, между прочимъ, по поводу предположеній объ освобожденіи крѣпостныхъ съ землею: «...довольно сказаннаго, кажется, чтобы убѣдиться въ опасности устроить осѣдлость поселянъ на земляхъ, имъ собственно принадлежащихъ; но если къ этому присовокупить тѣ неистовства и кровопролитія, которыя ожидаютъ всѣхъ во время перехода отъ настоящаго порядка къ освобожденію съ землей, то лезвіе ножа уже чувствуется на шеѣ, воображеніе рисуетъ пальцы и другіе члены, раздробленные на наковальняхъ сельскихъ кузницъ, вдали видятся потѣшные огни, на которыхъ медкимъ огнемъ жарятся землевладѣльцы, судьи и правители,

или торжественные костры изъ ободранныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ... Господи милосердный! избави и сохрани Россію отъ подобнаго испытанія во имя развитія и человѣчества. Нѣтъ, въ Россіи освобожденіе съ крѣпостнымъ правомъ на землю невозможно. Пауперизмъ и пролетаріатъ опасны и вредны, но демократическое раздѣленіе поземельнаго владѣнія страшно и ужасно». Какъ невольно вспоминаются при чтеніи этихъ пророчествъ слова Вирхова: «вездѣ есть своекорыстныя и боязливыя натуры—и у страха есть свои герои. Когда эти несчастные начинаютъ дрожать—имъ кажется, что весь міръ дрожитъ съ ними».

Въ началѣ 1857 года былъ, по старому обычаю, образованъ новый секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу подъ предсѣдательствомъ князя Орлова. Все могло окончиться привычною канцелярскою истомою. Но, къ счастью Россіи, въ великодушномъ сердцѣ государя прочно и сознательно укрѣпилась мысль о коренномъ уничтоженіи рабства, «неблагородный духъ» котораго умолялъ его истребить поэтъ, привѣтствовавшій его рожденіе. Въ концѣ лѣта 1857 года Александръ II вернулся изъ-за границы, гдѣ часто бесѣдовалъ съ великою княгинею Еленою Павловною и видѣлся съ Гакстгаузеномъ и графомъ Киселевымъ. 20 ноября 1857 года послѣдовалъ знаменитый рескриптъ виленскому генералъ-губернатору Назимову. Надежда обращалась въ увѣренность, и наболѣвшему чувству, столь долгое время, повидимому, безъисходному, предстояло обратиться въ сознаніе плодотворнаго, энергическаго и радостнаго труда... «Jacta est alea!!! — писалъ Кошелевъ Черкасскому: — Кесарь переступилъ черезъ Рубиконъ! Честь и слава нашему Царю и Государю!».

Черкасскій въ это время находился въ Римѣ, гдѣ сблизился съ баронессою Эдитою Раденъ, относившеюся къ освобожденію крестьянъ съ живѣйшимъ участіемъ своего глубокаго сердца и возвышеннаго ума. Она представила кн. Черкасскаго великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ—и между этою, до сихъ поръ не оцѣненною по заслугамъ, замѣчательною женщиною и имъ начался оживленный обмѣнъ мыслей все по тому же, начинавшему всѣхъ волновать, назрѣвшему вопросу. «Хотѣлъ я,—пишетъ Черкасскій Кошелеву въ январѣ 1858 г.,—дождаться положительныхъ извѣстій отъ моего брата изъ Тулы, которому я писалъ, что если меня захочетъ выбрать дворянство въ комитетъ, или если назначитъ губернаторъ, то я немедленно возвращусь въ Россію. Но отвѣта до сихъ поръ я отъ него не имѣю, и не знаю даже положительно, что думаетъ и чего хочетъ наше дворянство... Всѣ эти недоумѣнія и безпрестанная дума о томъ, что теперь дѣлается, или чего не дѣлается теперь въ Россіи, совершенно портитъ пребываніе мое въ Римѣ, какъ бы ни могло оно быть пріятно при другихъ обстоятельствахъ. Другая изъ причинъ опозданія моего отвѣта та, что я хотѣлъ прежде прочесть вашу статью объ общинѣ въ IV кн. «Бесѣды»; здѣсь есть только одинъ экземпляръ, принадлежащій великой княгинѣ, и хоть она отдала его читающей русской братіи, но книга эта еще не дошла до меня. Вообще, великая княгиня—единственный здѣсь источникъ всякихъ журналовъ русскихъ, и я также пользуюсь ея крохами, но всетаки всего этого мало,—газеты нѣтъ ни одной, а о посольствѣ нашемъ и толковать нечего: оно считаетъ излишнимъ получать хоть одну печатную русскую строку. Присутствіе здѣсь великой княгини полезно еще въ томъ отношеніи, что, по крайней мѣрѣ, замѣняетъ безпрестанно и скоро получаемыми ею изъ Петербурга извѣстіями политическій отдѣлъ русскихъ газетъ и вмѣстѣ даетъ возможность судить о томъ, какъ смотрятъ на все теперь совершающееся въ высшихъ оффиціальныхъ кругахъ Петербурга. Ко мнѣ она до сихъ поръ любезна до крайности и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими—стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и притомъ съ землею».

Пользуясь вниманіемъ великой княгини, кн. Черкасскій составилъ для нея двѣ обширныя записки «О главныхъ и существеннѣйшихъ условіяхъ успѣха новаго положенія». Въ этихъ запискахъ, достойныхъ истинно государственнаго человѣка, онъ горячо рекомендовалъ устройство центральныхъ комитетовъ въ столицахъ, чтобы удалить ихъ членовъ-дворянъ отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній и подвергнуть ихъ «болѣе прямому и непосредственному воздѣйствію читающей и мыслящей среды, всегда болѣе доступной внушеніямъ просвѣщеннаго великодушія, чѣмъ тѣсный и заглохшій кругъ губернской жизни». При этомъ онъ признавалъ въ высшей степени полезнымъ «постоянное тяготѣніе печатнаго слова и мысли надъ дремлющею дворянскою средою для пробужденія ея къ живому пониманію дѣйствительныхъ потребностей государства и побужденія къ серьезнымъ пожертвованіямъ на общее благо. «Иными путями, — говорилъ онъ — со стороны дворянства могутъ быть вынуждены уступки, но никогда не будетъ внушено ему спасительное и важное для будущаго — сознаніе ихъ необходимости и строгой справедливости».

Съ возвращеніемъ кн. Черкасскаго на родину, въ апрѣлѣ 1858 г., для него настала пора дѣятельной работы, наполнившей всю его остальную жизнь. Установленный между нимъ, А. И. Кошелевымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ постоянный, аккуратный и послѣдовательный обмѣнъ писемъ для того, чтобы держать другъ друга въ курсѣ всего хода крестьянскаго дѣла въ сферѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ и дѣйствовать вмѣстѣ, дружно и согласно,—даетъ возможность видѣть всю настойчивую и самоотверженную службу ихъ великому дѣлу. Эти своего рода «окружныя посланія», исполненныя величайшаго интереса, возвращались къ первоисточнику обыкновенно съ замѣчаніями и съ выраженіемъ согласія или несогласія на тѣ или другія, содержавшіяся въ нихъ, мнѣнія или предположенія. Нѣкоторыя письма, исходившія отъ Ю. Ѳ. Самарина, бывали облечены часто въ юмористическую оболочку. Онъ велъ дневникъ засѣданій самарскаго комитета въ формѣ сказаній, полныхъ и добродушной насмѣшки, и злой ироніи. Вообще эта переписка, представлявшая неизмѣнное осуществленіе прекраснаго стараго правила, гласящаго «in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas» — въ высшей степени интересна и поучительна. Друзья не скрывали отъ себя трудности предстоявшей имъ задачи. Наиболѣе впечатлительный между ними, Ю. Ѳ. Самаринъ, писалъ, напр., Черкасскому 16 августа 1858 г.: «я получилъ на-дняхъ извлеченіе изъ постановленій московскаго комитета. Нельзя сказать, чтобы Бѣлокаменная отличилась. Все это такъ жидко, не полно, неопредѣленно, расплывчато—и что хуже всего—эта сквозящая на каждой строчкѣ предвзятая рѣшимость никогда не приступать къ прямому рѣшенію трудныхъ вопросовъ и постоянно избѣгать всего, что требуетъ серьезной работы. Лѣность и легкомысліе подавляютъ собою даже и корысть. Вы такъ и читаете промежъ строкъ: что хотите, то и дѣлайте, только, ради Бога, поскорѣе избавьте отъ трудовъ и хлопотъ. Коли хотите, эта боязнь труда въ искусныхъ рукахъ можетъ сдѣлаться сильнымъ рычагомъ, но все это очень грустно. Вѣдь это признаки неизлѣчимой болѣзни одряхлѣвшаго общества. Давайте будить, что есть силы!»

«Будить» было трудно. Нужна была горячая любовь къ дѣлу,

чтобы, подчасъ, не опустить рукъ. «Неизлѣчимая болѣзнь» сказывалась не одною пассивностью,—она нерѣдко принимала свойства бреда и переходила въ раздраженіе, вызывавшее наступательныя дѣйствія—съ неразборчивостью въ пріемахъ, часто наивныхъ, а иногда прямо грубыхъ. Переписка содержитъ въ себѣ, въ этомъ отношеніи, много характерныхъ указаній. Въ Тулѣ, напримѣръ, на пріемѣ у товарища министра Левшина, въ октябрѣ 1857 г., находится депутатъ, требующій установленія строжайшей цензуры на только-что начавшіе дышать и подавать признаки жизни журналы—и совершеннаго запрещенія Б. Н. Чичерину писать что-либо! Тамъ же, 2-го декабря 1858 года, большинство губернскаго дворянскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, желая отсрочить весьма серьезное, но непріятное ему засѣданіе,—послѣ ряда канцелярскихъ затрудненій, прибѣгаетъ къ особой уловкѣ, состоящей въ заявленіи о распространившемся въ залѣ «угарномъ чадѣ»,—и съ просьбою не открывать засѣданія, покидаетъ залу, несмотря на объясненія кн. Черкасскаго и пяти членовъ меньшинства, что они не чувствуютъ на себѣ никакого вліянія угара и что закрытіе засѣданія незаконно. Въ той же Тулѣ, во время дворянскихъ выборовъ, противники князя Черкасскаго подаютъ губернскому *предводителю Арсеньеву, покрытую множествомъ подписей* бумагу о томъ, чтобы просить будущаго губернскаго предводителя ходатайствовать предъ правительствомъ объ удаленіи Черкасскаго изъ крестьянскаго комитета,—и когда Арсеньевъ отказывается принять бумагу, поднимаютъ такой шумъ и гамъ, что онъ вынужденъ закрыть засѣданіе и удалиться, окруженный ими и угрожаемый... Въ мартѣ 1859 года князю Черкасскому устраивается дуэль. Нѣкто В.—*впослѣдствіи мировой посредникъ* перваго призыва и вполнѣ сочувствующій кн. Черкасскому человѣкъ—заявляетъ въ засѣданіи, что князь разнаго съ нимъ мнѣнія потому, что состоитъ въ комитетѣ членомъ отъ правительства и, вѣроятно, не сочувствуя дворянству, взялъ за правило ему *вредить и т. д. Споря съ нимъ*, Черкасскій замѣчаетъ, что, и при самомъ искреннемъ сочувствіи дворянству, ему можно оказать иногда «медвѣжью услугу». Споръ оканчивается мирно, но недруги князя пользуются его замѣчаніемъ, чтобы поджечь В. счесть себя оскорбленнымъ, такъ какъ извѣстная басня Крылова начинается словами: «услужливый дуракъ—опаснѣе врага», и побудить его къ вызову, причемъ, по объясненію П. Ѳ. Самарина, секунданты В. имѣли наивную смѣлость утверждать, что дѣйствуютъ не отъ его имени, а отъ *имени большинства* комитета. Повидимому, строгія условія дуэли, поставленныя княземъ Черкасскимъ, какъ вызваннымъ, не дали ей состояться. Изъ множества примѣровъ можно еще отмѣтить слѣдующій, указывающій, до чего у насъ тогда было малое знакомство съ элементарными пріемами веденія преній и руководства ими. Членъ м е н ь ш и н с т в а, баронъ В. М. Менгденъ, въ бурномъ засѣданіи, требовалъ у исправляющаго должность предсѣдателя, уѣзднаго предводителя, многократно и тщетно, д а т ь е м у с л о в о, на что наконецъ тотъ отвѣтилъ ему сердито: «Какъ вы хотите, баронъ, чтобы я далъ вамъ ч е с т н о е с л о в о, не услыхавъ раньше, въ чемъ дѣло и о чемъ вы хотите меня просить!?»

«Спросите-ка Тургенева—пишетъ князь Черкасскій въ октябрѣ 1858 г. И. С. Аксакову—объ одномъ экземплярѣ нашего комитета, котораго онъ у меня видѣлъ и который далеко не самый худшій. Онъ не можетъ вспоминать о немъ безъ ожесточенія. Я, говоря съ членами большинства, всегда объясняю имъ, что они напоминаютъ мнѣ меня самого, когда мнѣ было лѣтъ семь: меня ставили въ уголъ, я блажилъ, плакалъ, кричалъ, топалъ ногами и все-таки не хотѣлъ учить скучнаго урока. Это сравненіе ихъ бѣситъ, но не исправляетъ. Случалось ли вамъ когда-нибудь говорить съ человѣкомъ, не совсѣмъ глупымъ, который явно васъ понимаетъ, но не хочетъ даже показать этого вида и на всѣ ваши краснорѣчивые доводы отвѣчаетъ вамъ: нѣтъ, не правда! Вотъ я теперь въ этомъ положеніи»...

«Большинство у насъ теперь неистовствуетъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—отказавшись подавать голоса вслухъ и введши тайную баллотировку шарами; за симъ, заперевъ свои двери и отказавъ даже тульскимъ дворянамъ въ правѣ присутствовать въ комитетѣ, большинство, во *вчерашнемъ* засѣданіи, не удовольствовалось еще и этимъ и пришло, наконецъ, къ великолѣпному предложенію: отнять у насъ, меньшинства, право даже записывать наши отдѣльныя мнѣнія въ журналы засѣданія. Каково! Шумъ *былъ такой, какого еще ни разу не было!* признаюсь, они въ первый разъ успѣли меня вывести изъ себя; не знаю, какъ дѣло это кончится, но я ихъ стращаю, что если они рѣшатъ такое беззаконіе, то я свои отдѣльныя мнѣнія буду посылать прямо въ министерство, съ просьбою объяснить мнѣ, какъ и куда мнѣ ихъ впредь подавать. Будущее засѣданіе будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще бурнѣе, ибо я рѣшился *не уступать въ этомъ вопросѣ, во что бы то ни стало!*»

Такимъ образомъ, прекрасно владѣвшій собою, представлявшій, по выраженію очевидца его дѣятельности Хомякова, «великолѣпный образецъ парламентскаго *дѣятеля и оратора», кн.* Черкасскій начиналъ терять самообладаніе, несмотря на свой «esprit de combativité». А этотъ духъ бойца былъ въ немъ силенъ. «Я предвижу—писалъ онъ въ ноябрѣ 1858 г. Кошелеву—въ этомъ комитетѣ для себя рядъ скучныхъ, томительныхъ и тяжелыхъ испытаній, но я заранѣе объявилъ всѣмъ, что чѣмъ болѣе будутъ стараться мнѣ дѣлать непріятностей, тѣмъ тверже я буду сидѣть на своемъ мѣстѣ, и что никакая сила меня не выкуритъ. Но что прикажете дѣлать противъ 16 или 17 компактныхъ голосовъ, съ 10-ью или 11-ью, раздѣленными еще между собою по вопросу о надѣлѣ! Знаете ли вы, что по этому вопросу я останусь при своемъ мнѣніи одинъ съ тремя или четырьмя голосами! Это еще самое большое!»

Среди борьбы и споровъ, представлявшихъ то, что въ механикѣ называется «безполезнымъ треніемъ», бывали, однако, для выдающихся членовъ меньшинства и минуты торжества и душевнаго удовлетворенія. Такія минуты пережилъ князь Черкасскій, когда 20 декабря 1858 года, въ самый разгаръ похода противъ него на выборахъ, одна треть изъ всѣхъ собравшихся въ Тулѣ *дворянъ дала ему необычный* у насъ обѣдъ, движимая уваженіемъ къ личному характеру стойкаго и вѣрнаго представителя лучшаго направленія въ крестьянскомъ дѣлѣ. Этотъ обѣдъ былъ отвѣтомъ на распространяемые противниками Черкасскаго слухи о разныхъ нападеніяхъ на *него* въ залѣ дворянскаго собранія и между прочимъ о требованіи в ы в е с т и его изъ помѣщеній дворянскаго собранія. Въ рядѣ рѣчей, начатыхъ привѣтствіемъ отъ товарищей по университету, была обрисована дѣятельность кн. Черкасскаго въ комитетѣ и въ собраніи дворянства, гдѣ, по словамъ Хомякова, онъ предлагалъ всевозможныя объясненія, когда могъ говорить съ полною свободою,—и постоянно отказывалъ въ нихъ, какъ скоро являлась хоть тѣнь принужденія и угрозы. Тостъ въ память «незабвеннаго учителя—Т. Н. Грановскаго» закончилъ этотъ знаменательный для кн. Черкасскаго праздникъ.

Переписка князя съ друзьями не только представляетъ богатые матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ, но ри-

сусть также многосторонній и дѣятельный умъ Черкасскаго, постоянно занятый творческою работою. Изъ писемъ его видно, что, попутно съ вопросами объ устройствѣ сельскаго быта, его живо интересовали и вопросы объ устройствѣ близкаго къ народу суда. Онъ не возлагалъ большихъ надеждъ на волостной судъ, предвидя главнѣйшіе его недостатки, проявившіеся впослѣдствіи на практикѣ, но его очень занимало устройство мировой юстиціи—и онъ не разъ возвращался къ писанію статьи «о мирныхъ судьяхъ», въ которой предлагалъ двѣ системы ихъ избранія. Затѣмъ онъ разработалъ и составилъ подробный проектъ земскаго банка подъ названіемъ «Вольнаго тульскаго земельнаго кредитнаго общества», имѣвшаго цѣлью доставить крестьянамъ возможность, съ помощью открываемаго кредита, пріобрѣсти отъ своихъ помѣщиковъ нужное для ихъ обезпеченья количество земли и дать возможность каждому помѣщику получить немедленное и достаточное вознагражденіе за уступаемую крестьянамъ землю. Московскій цензурный комитетъ не разрѣшилъ напечатанія этого проекта въ «Сельскомъ Благоустройствѣ». Настойчивый авторъ сдался не сразу: онъ послалъ проектъ, въ формѣ пробнаго оттиска, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая черезъ А. А. Абазу препроводила ему свои замѣчанія, сущность которыхъ сводилась къ предпочтенію мѣстнымъ земельнымъ банкамъ для содѣйствія выкупу—общей государственной операціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подробно писалъ министрамъ Ланскому и Ковалевскому, прося отмѣны запрещенія, наложеннаго цензурой, но проектъ все-таки не увидѣлъ тогда свѣта, вслѣдствіе рѣшительныхъ возраженій противъ него со стороны министра финансовъ.

14 марта 1859 г. князь Черкасскій получилъ письмо отъ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцева, въ которомъ говорилось: «Многочисленные и почтенные труды ваши по крестьянскому вопросу, проявившіеся какъ въ литературной вашей дѣятельности, такъ и въ средѣ комитетскихъ вашихъ занятій, побуждаютъ меня, съ Высочайшаго одобренія, пригласить васъ, отъ имени Его Императорскаго Величества, если только обстоятельства ваши дозволятъ, принять на себя должность члена-эксперта въ коммиссіяхъ для составленія положеній о крестьянахъ».

Онъ поспѣшилъ въ Петербургъ и со времени своего пріѣзда туда во всѣхъ трудахъ по крестьянскому вопросу всецѣло и неразрывно примкнулъ къ дѣятельности Н. А. Милютина и Ю. Ѳ. Самарина. Въ оба періода редакціонныхъ коммиссій—оффиціальное раздѣленіе членовъ ихъ на назначенныхъ отъ правительства, на депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ и на членовъ-экспертовъ—не оказывало никакого вліянія на распредѣленіе и характеръ ихъ работъ. Поэтому и кн. Черкасскій несъ на себѣ значительную часть созидательной работы, хотя значился въ спискахъ, какъ экспертъ. Такъ, приписавшись къ хозяйственному отдѣленію коммиссіи, онъ, участвуя во всѣхъ общихъ работахъ, кромѣ того составилъ и отстаивалъ въ коммиссіяхъ доклады: объ основаніяхъ и размѣрѣ надѣла,—о поступающихъ къ крестьянамъ угодьяхъ,—объ отводѣ надѣла и обмѣнѣ земель и о правѣ пользованія надѣломъ. Вполнѣ сходясь въ главныхъ убѣжденіяхъ съ Милютинымъ и Самаринымъ и сдѣлавшись въ коммиссіяхъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ дѣла, которое, наконецъ, давало ему возможность увидѣть осуществленною свою завѣтную мечту объ освобожденіи съ землею, онъ не расходился съ ними и въ вопросахъ будущей его организаціи.

Поэтому трудно раздѣлить «по принадлежности» ихъ общую дѣятельность. Достаточно сказать, что во всѣхъ серьезныхъ и плодотворныхъ начинаніяхъ и мѣрахъ, проведенныхъ Милютинымъ въ коммиссіяхъ, его неизмѣннымъ соратникомъ и сотрудникомъ былъ кн. Черкасскій.

Онъ былъ ревностнымъ участникомъ подготовительныхъ частныхъ совѣщаній,—умѣлъ остроумно и оживленно разбивать мнѣнія графа Панина,—велъ на французскомъ языкѣ пренія съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ сѣверо-западнаго края,—участвовалъ въ кодификаціи окончательно выработанныхъ основаній положенія 19 февраля,—оставался въ Петербургѣ, когда коммиссія была закрыта, чтобы слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ крестьянскаго дѣла и былъ приглашенъ Милютинымъ для совѣщаній о первоначальной редакціи манифеста объ освобожденіи. Основныя свойства его боевой натуры сказывались и здѣсь. Не ограничиваясь работою въ коммиссіяхъ, онъ и внѣ ихъ неоднократно имѣлъ и даже, повидимому, искалъ партизанскихъ стычекъ всегда, когда любимому дѣлу грозила какая либо опасность. Такъ напр. онъ считалъ необходимымъ выступить съ опроверженіями тѣхъ quasi научныхъ политико-экономическихъ теорій, которыми явились поучать русское, еще крайне довѣрчивое и мало свѣдущее въ этомъ отношеніи, общество — различные иностранцы, на мнѣнія которыхъ могли опереться представители крѣпостническаго направленія, начавъ «jurare in verba magistri». Поэтому, когда въ числѣ непрошенныхъ «защитниковъ священнаго права собственности», будто бы погибающаго подъ ударами «эмансипаторовъ», явился въ Россію бельгійскій экономистъ де Молинари и ему былъ данъ обѣдъ, князь Черкасскій, въ мастерской рѣчи, напечатанной затѣмъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», рядомъ правовыхъ и бытовыхъ доводовъ доказалъ ему все его верхоглядство въ вопросѣ жизненной справедливости для Россіи. Поэтому, когда американскій экономистъ Кери, въ Петербургѣ, на обѣдѣ у Донона, намекая на крестьянскую реформу и рекомендуя «постепенность», въ назиданіе своихъ слушателей говорилъ: «будемъ учиться у природы! желая добра человѣку она дѣйствуетъ постепенно: ниспосылаетъ росу, лѣтніе дожди, солнечное тепло,—но когда она стремится къ разрушенію, то дѣйствуетъ разомъ: таковы бури, землетрясенія», кн. Черкасскій, ссылаясь на ту же природу, отвѣчалъ ему: «женщина беременна въ теченіе девяти мѣсяцевъ, а разрѣшается отъ бремени въ нѣсколько часовъ».

Въ Петербургѣ, также какъ предъ тѣмъ въ Тулѣ, недоброжелательство къ нему доходило до крайнихъ предѣловъ. Но внимательное и сочувственное отношеніе къ князю Черкасскому великой княгини Елены Павловны и продолжительный разговоръ, который имѣлъ съ нимъ, на вечерѣ у нея, императоръ Александръ II—удерживали это недоброжелательство въ границахъ внѣшняго приличія.

Обнародованіе Положенія 19 февраля вызвало къ жизни учрежденіе мировыхъ посредниковъ. Великія реформы Царя-Освободителя имѣли животворящую силу. Жезлъ человѣколюбиваго и правосуднаго законодателя, ударяя въ казавшуюся голою скалу—извлекалъ изъ нея источникъ, напоявшій «жаждущую правды» страну. Когда, подъ зловѣщій припѣвъ «людей нѣтъ!»—были обнародованы положенія о введеніи въ дѣйствіе крестьянской, земской и судебной реформы—люди явились и оправдали довѣріе, оказанное духовнымъ силамъ и способностямъ русскаго народа... Все лучшее, безкорыстное и одушевленное дѣйствительною любовью къ обновлявшейся родинѣ, съ которой старыя правственныя немощи «спадали ветхой чешуей»—откликнулось и бодро положило руку на плугъ. Покуда будетъ жива на Руси память о скорбныхъ годахъ крѣпостного ига и о свѣтлыхъ дняхъ осво-

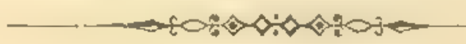
божденія отъ него, не должна умереть и память о мировыхъ посредникахъ перваго призыва, вынесшихъ на своихъ плечахъ, въ упорномъ и радостномъ сознаніи своего долга, трудную работу практическаго осуществленія преобразованія.

Въ мировые посредники по Веневскому уѣзду Тульской губерніи пошелъ и князь В. А. Черкасскій, не смотря на то, что послѣ утомительной, раздражающей нервы работы въ редакціонныхъ коммиссіяхъ ему настоятельно были предписаны врачами полное спокойствіе и лѣченіе. Какъ бы осуществляя слова поэта—«блаженъ кто свой челнокъ привяжетъ къ кормѣ большого корабля», онъ весь предался ежедневному служенію мелкимъ практическимъ подробностямъ того дѣла, въ общія основанія котораго онъ вложилъ, начиная со студенческой скамьи, столько души и труда. Къ нему, какъ къ члену мирового съѣзда, собирались—до и послѣ засѣданій—помѣщики, крестьяне и посредники за совѣтами и указаніями; всѣ доклады проходили черезъ его руки и редакція журналовъ засѣданій принадлежала ему.

Двухлѣтнимъ посредничествомъ, прерваннымъ вызовомъ на помощь Н. А. Милютину въ дѣлѣ рѣшительнаго преобразованія поземельныхъ отношеній въ Польшѣ, прекращается работа князя Черкасскаго по раскрѣпощенію русскаго народа. Описаніе дальнѣйшей его энергической и разнообразной дѣятельности въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго, Московскаго городского головы, главнаго уполномоченнаго Краснаго Креста и начальника гражданскаго управленія въ Болгаріи—не входитъ въ задачу настоящей книги.

Смерть похитила его въ самомъ разгарѣ трудовъ, которыхъ онъ не покидалъ, не смотря на чрезвычайное утомленіе, на тоску по родинѣ и семьѣ. Онъ скончался въ Санъ-Стефано, послѣ тяжкихъ страданій, которымъ не хотѣлъ уступать и поддаваться до послѣднихъ минутъ.

Это произошло въ 1878 году — въ **знаменательный день 19 февраля...**

Юрій Өедоровичъ САМАРИНЪ.

А. А. Корнилова.

ЮРІЙ ӨЕДОРОВИЧЪ Самаринъ родился въ 1819 г. въ родовитой и богатой дворянской семьѣ. Отецъ его Өедоръ Васильевичъ въ молодости служилъ при дворѣ, а затѣмъ жилъ на покоѣ въ Москвѣ въ званіи шталмейстера Высочайшаго двора; мать его, урожденная Нелединская-Мелецкая [1]), до замужества была одной изъ любимыхъ фрейлинъ императрицы Маріи Өедоровны. Поэтому и у новорожденнаго Юрія Өедоровича—первенца въ этой семьѣ—воспріемниками при крещеніи были императоръ Александръ Павловичъ и императрица Марія Өедоровна. До поступленія своего въ университетъ Ю. Ө. воспитывался дома и главнымъ воспитателемъ его былъ французъ С. И. Пако, котораго Ө. В. Самаринъ, будучи во Франціи, пригласилъ къ себѣ въ домъ для воспитанія дѣтей. Это былъ человѣкъ образованный, [2]) съ которымъ Ю. Ө. впослѣдствіи велъ дружескую переписку и которому онъ сообщалъ свои первые литературные планы и замыслы. Въ университетъ Ю. Ө. вступилъ чрезвычайно рано и кончилъ въ немъ четырехлѣтній курсъ по филологическому факультету девятнадцатилѣтнимъ юношей въ 1838 году. Его мысли заняты были тогда литературными и научными планами и онъ сблизился съ кружкомъ молодыхъ литераторовъ, группировавшихся около журнала «Московскій Наблюдатель», фактическимъ редакторомъ котораго былъ Бѣлинскій. Это былъ извѣстный кружокъ Станкевича, еще не распавшійся на западниковъ и славянофиловъ. [3]) Въ кружкѣ этомъ кромѣ Бѣлинскаго вращались и мирно уживались тогда Михаилъ Бакунинъ, Василій Боткинъ, Катковъ, Константинъ Аксаковъ, Кудрявцевъ, Клюшниковъ и др. Самъ Н. В. Станкевичъ былъ въ это время уже за границей. [1]) Изъ членовъ этого кружка молодой Самаринъ сблизился болѣе всего съ Константиномъ Аксаковымъ. Аксаковъ былъ старше его на два года и обладалъ уже въ то время болѣе сложившимися убѣжденіями, заключавшими въ себѣ основныя черты позднѣйшаго славянофильскаго міросозерцанія. Юрій Өедоровичъ вскорѣ подчинился вліянію своего молодого друга и они вдвоемъ составили въ средѣ тогдашней Московской интеллигенціи, ютившейся въ немногихъ гостепріимныхъ салонахъ у Елагиной, Павловыхъ, Свербеевыхъ самостоятельную группу, не сливавшуюся нѣкоторое время со старшими представителями славянофильской школы—Кирѣевскими и Хомяковымъ. Отъ Хомякова они отличались тѣмъ, что вмѣстѣ съ прочими членами кружка Станкевича восприняли философію Гегеля, къ которой Хомяковъ отнесся критически и отрицательно. Въ 1840 г. въ письмѣ къ члену французской палаты депутатовъ Могену (Mauguin), побывавшему передъ тѣмъ въ Москвѣ, Ю. Ө. Самаринъ излагалъ (въ дополненіе къ разговорамъ, происходившимъ въ Москвѣ) «свое мнѣніе о трехъ періодахъ, (исключительной національности, подражанія и разумной народности) и о двухъ началахъ нашей народности—православіи и самодержавіи». Сближеніе Самарина съ Хомяковымъ произошло нѣсколько позднѣе на почвѣ богословскихъ споровъ и интересовъ, возбужденныхъ диссертаціей, надъ которой сталъ въ это время работать Ю. Ө. Самаринъ, на тему, «заданную» ему университетомъ: «Стефанъ Яворскій и Өеофанъ Прокоповичъ». Аксаковъ и Самаринъ дѣятельно посѣщали въ 1840 г. литера-

[1]) Ея отецъ слѣдовательно дѣдъ Юрія Өедоровича, былъ извѣстный писатель Ө. А. Нелединскій-Мелецкій.

[2]) Впослѣдствіи онъ былъ лекторомъ московскаго университета.

[3]) Тогда еще и терминовъ этихъ не существовало.

[1]) Грановскій, сблизившійся съ Станкевичемъ за границей, тогда еще не принадлежалъ къ этому кружку; Герценъ находился еще въ ссылкѣ во Владимірѣ.

1886 г.
Юрий Самарин

турные вечера Свербеевыхъ и Павловыхъ, гдѣ встрѣчались съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Чаадаевымъ, М. Ѳ. Орловымъ, Крюковымъ, Грановскимъ, Шевыревымъ, Рѣдкинымъ, Н. Ф. Павловымъ, А. Н. Поповымъ и другими. Здѣсь Самаринъ впервые пробовалъ свои силы въ литературныхъ и философскихъ спорахъ. Въ одной запискѣ онъ съ юношескимъ восторгомъ сообщаетъ Аксакову, что ему, смиренному Давиду, удалось повалить грознаго Голіафа—Орлова! Къ изученію Гегеля Самаринъ приступилъ несразу, но когда овладѣлъ имъ, то у него явилось стремленіе обосновать и будущее развитіе Россіи, и развитіе православной церкви при помощи Гегелевой философіи. Въ декабрѣ 1842 г. онъ писалъ А. Н. Попову: «Дѣло настоящаго времени есть дѣло науки. Вы знаете, что подъ наукою я разумѣю философію, а подъ философіею—Гегеля. Только принявъ эту науку отъ Германіи, безсильной удержать ее (оттого, что эта наука выразила требованіе такой жизни, какой не можетъ явить западная Европа (?!)), только этимъ путемъ совершится примиреніе сознанія и жизни, которое будетъ торжествомъ Россіи надъ западомъ»... Изученіе православія — пишетъ онъ въ томъ же письмѣ—конечно ограничившееся однимъ моментомъ—проявленіемъ въ немъ двухъ односторонностей, католической и протестантской [1]) привело меня къ результату, что православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука, что вопросъ о церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля»... Вопросъ объ отношеніи религіи къ философіи всецѣло овладѣваетъ въ это время Самаринымъ. Къ этому времени относится дѣятельный обмѣнъ мыслями между нимъ и Хомяковымъ, приведшій Самарина въ концѣ-концовъ къ полному воспріятію ученія Хомякова, не признававшаго подчиненія религіи философіи. Но прежде чѣмъ остановиться окончательно на православномъ взглядѣ Хомякова, Самаринъ пережилъ тяжелую борьбу съ самимъ собой. Для Самарина внутренняя борьба кончилась побѣдой православія, при которомъ онъ и остался на всю жизнь. Въ это же время въ немъ окончательно сложились и окрѣпли тѣ славянофильскія воззрѣнія на исторію Россіи и ея отношеніе къ западному міру, которыя вскорѣ сдѣлались причиной распаденія на два враждебныхъ лагеря членовъ кружка Станкевича, а затѣмъ и всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи сороковыхъ годовъ.

Диссертація, работа надъ которой имѣла такія важныя послѣдствія для сформированія міровоззрѣнія Самарина, была имъ окончена въ 1843 году. Она состояла изъ трехъ частей: С. Яворскій и Ѳ. Прокоповичъ 1) какъ богословы, 2) какъ сановники церкви, 3) какъ проповѣдники. Только послѣдняя часть была принята факультетомъ и разрѣшена къ печати. Двѣ первыя увидѣли свѣтъ лишь послѣ смерти Самарина, въ 1880 г., въ т. V его сочиненій, изданныхъ братомъ его Д. Ѳ. Самаринымъ. Диспутъ Самарина прошелъ съ большимъ блескомъ, несмотря на враждебное отношеніе нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ, и диспутантъ произвелъ чарующее впечатлѣніе не только на своихъ друзей и приверженцевъ, но даже на такого мыслителя противоположнаго лагеря, какъ П. Я. Чаадаевъ. Грустное впечатлѣніе онъ произвелъ лишь на Герцена, чрезвычайно высоко цѣнившаго Самарина и не того отъ него ожидавшаго. Несогласіе во взглядахъ вскорѣ заставило ихъ разойтись совершенно, хотя и съ сохраненіемъ полнаго взаимнаго уваженія.

[1]) Тутъ подразумѣваются представители этихъ теченій: католическаго—Стефанъ Яворскій и протестантскаго—Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Послѣ защиты диссертаціи Самарину хотѣлось сдѣлаться профессоромъ, но, уступая желанію отца, онъ поступилъ на службу, сперва въ одинъ изъ Петербургскихъ департаментовъ Сената, потомъ черезъ годъ онъ перевелся оттуда въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь ему посчастливилось въ то глухое во всѣхъ отношеніяхъ время пристроиться къ живому и интересному дѣлу. Вслѣдствіе возникшаго въ сороковыхъ годахъ движенія среди остзейскихъ латышей противъ остзейскихъ бароновъ, выразившагося частью въ обыкновенныхъ крестьянскихъ волненіяхъ, частью въ неожиданномъ стремленіи латышей перейти изъ лютеранства въ православіе, въ Петербургѣ образованъ былъ въ 1845 г. остзейскій комитетъ, къ которому и былъ прикомандированъ молодой Самаринъ. Дѣятельность этого комитета не ограничилась одними канцелярскими занятіями и Юрію Ѳедоровичу послѣ теоретическаго ознакомленія по Петербургскимъ архивамъ съ положеніемъ дѣлъ въ Лифляндіи пришлось отправиться въ Ригу, въ числѣ другихъ чиновниковъ. Здѣсь ему предстояло близко ознакомиться съ положеніемъ крестьянскаго дѣла, съ отношеніями мѣстныхъ сословій, съ исторіей общественнаго управленія г. Риги и съ движеніемъ латышей изъ протестантства въ православіе. Для будущей его дѣятельности особую важность имѣло конечно первое.

«Лифляндскій комитетъ—по справедливому замѣчанію Д. Ѳ. Самарина—былъ приготовительною школою для дальнѣйшей дѣятельности Юрія Ѳедоровича по крестьянскому вопросу въ Россіи»... «Онъ ознакомился съ ложными путями его рѣшенія и съ тѣми пагубными послѣдствіями, къ которымъ они приводятъ». Онъ увидалъ здѣсь впервые съ полною ясностью, какое значеніе можетъ имѣть освобожденіе крестьянъ безъ земли, и здѣсь же ознакомился съ перипетіями той страстной борьбы, въ которой помѣстное сословіе отстаиваетъ свои привилегіи и классовые интересы противъ поборниковъ освобожденія и надѣленія крестьянъ землей. «Въ живомъ явленіи, въ лицахъ, въ особенности въ лицѣ Фелькерзама (одного изъ благороднѣйшихъ участниковъ этой борьбы въ Лифляндіи) представилась ему возможность не только содѣйствовать рѣшенію этого вопроса, но и принять непосредственное участіе въ его рѣшеніи (въ Россіи), не состоя на службѣ государственной, къ которой онъ не чувствовалъ призванія...» [1]). Ходъ крестьянскаго вопроса въ Ли-

[1]) Тутъ Ю. Ѳ. пришлось ознакомиться съ результатами борьбы и трудовъ цѣлаго ряда весьма замѣчательныхъ дѣятелей, какъ пасторъ Меркель, поднявшій впервые вопросъ о злоупотребленіяхъ бароновъ въ литературѣ, какъ ландратъ Сиверсъ (его не слѣдуетъ смѣшивать съ екатерининскимъ вельможей графомъ Я. Е. Сиверсомъ), вынесшій на своихъ плечахъ всю крестьянскую реформу въ 1804 г. и цѣной неоднократныхъ непріятностей спасавшій въ трудные моменты насущные интересы крестьянъ и батраковъ, какъ Шульцъ фонъ Ашенраденъ, котораго бароны однажды чуть не выбросили изъ окна, и др. Подъ вліяніемъ ознакомленія съ дѣятельностью Фелькерзама онъ писалъ еще изъ Петербурга въ 1846 г. К. С. Аксакову: «Всѣ важные вопросы, которые занимаютъ и будутъ впослѣдствіи занимать правительство, разрѣшены будутъ не людьми служащими, не чиновниками, а частными людьми, знакомыми съ тѣми сферами жизни, съ которыми связываетъ ихъ свободное сочувствіе или интересы, т. е. учеными, купцами, помѣщиками и проч. Такъ, между прочимъ, рѣшенъ былъ въ моихъ глазахъ важный вопросъ о правѣ на землю лифляндскихъ крестьянъ не соединенными силами двухъ министерствъ, а 30 лѣтнимъ помѣщикомъ, никогда не служившимъ» (См. сочиненія VII, стр. XXVI).

фляндіи оставилъ въ душѣ молодого Самарина неизгладимое впечатлѣніе навсегда. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ возвратился къ его изученію и оставилъ намъ въ 6-ой части «Окраинъ Россіи» живое описаніе этой поучительной борьбы, дѣятели которой изображены имъ не менѣе ярко, нежели и самые ея результаты. На ряду съ крестьянскимъ вопросомъ Самарину пришлось подробно изучить въ Ригѣ исторію и современное ему положеніе тамошняго городского устройства, построеннаго на отжившихъ средневѣковыхъ привилегіяхъ, выгодныхъ лишь для патриціевъ этого города. Собственно съ этой цѣлью и была командирована въ Ригу особая ревизіонная коммиссія, при которой Самарину пришлось работать въ теченіе почти 3 лѣтъ. Здѣсь дѣло также обошлось не безъ борьбы, такъ какъ вліятельные рижане съ азартомъ отстаивали свои привилегіи и въ концѣ-концовъ ихъ отстояли. Самаринъ, раздраженный препятствіями и столкновеніями, уязвляемый постоянно въ своемъ національномъ самолюбіи,—особенно въ концѣ своего пребыванія въ Ригѣ, когда генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній сдѣлался кн. Суворовъ—покровитель остзейскихъ бароновъ и привилегій, въ то же время испыталъ и въ Москвѣ нападки за свою дѣятельность даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. Задѣтый за живое, онъ написалъ тогда же рядъ замѣчательныхъ памфлетовъ объ остзейскихъ провинціяхъ въ формѣ писемъ [1]) къ друзьямъ, которыя не были разумѣется тогда напечатаны, но распространялись самимъ авторомъ и его друзьями въ высшемъ образованномъ обществѣ обѣихъ столицъ. Письма эти, по своему содержанію являвшіяся настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ привилегированныхъ сословій остзейскихъ губерній, а также и противъ тогдашняго генералъ-губернатора, и обличавшія въ то же время слабость и непослѣдовательность правительства, вызвали жалобу кн. Суворова и навлекли на Самарина гнѣвъ императора Николая, который посадилъ его на нѣсколько дней въ крѣпость, но затѣмъ призвалъ къ себѣ и отпустилъ послѣ строгой, но милостиво окончившейся головомойки съ миромъ домой, т. е. въ Москву. Кромѣ «Писемъ изъ Риги», напечатанныхъ теперь въ VII т. сочиненій Самарина и являющихся безспорно яркимъ и сильнымъ публицистическимъ произведеніемъ, Самаринъ за время своего пребыванія въ Ригѣ написалъ еще «Исторію города Риги», напечатанную было по распоряженію министра вн. дѣлъ А. А. Перовскаго, но не выпущенную въ свѣтъ [2]). Въ то же время онъ находилъ, не смотря на усиленныя занятія, возможность участвовать въ литературныхъ предпріятіяхъ славянофиловъ и въ 1847 г. помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» извѣстную статью «О мнѣніяхъ Современника литературныхъ и историческихъ», въ которой обвинялъ новый журналъ, редактировавшійся Бѣлинскимъ, въ отсутствіи единства въ направленіи, въ односторонности и тѣснотѣ образа мыслей и въ искаженіи образа мыслей противниковъ. Свои положенія онъ доказывалъ критикой 3-хъ статей: Кавелина «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», Никитенка «О современномъ направленіи русской литературы» и Бѣлинскаго «Взглядъ на русскую литературу 1846 г.». Особенно нападалъ Самаринъ на Бѣлинскаго и на пропагандируемую имъ натуральную школу. Мысли, высказанныя объ этомъ Самаринымъ, были впослѣдствіи опровергнуты блестящимъ развитіемъ этой школы; наоборотъ сужденія его о статьѣ Кавелина, основанныя на самостоятельномъ изученіи источниковъ русской исторіи, равно какъ и сужденія, высказанныя имъ позднѣе (въ 1856—1857 гг.) по поводу изслѣдованій Чичерина и статьи С. М. Соловьева, свидѣтельствуютъ, при всей предвзятости нѣкоторыхъ его взглядовъ, о серьезномъ и вполнѣ самостоятельномъ изученіи источниковъ.

Императоръ Николай послѣ исторіи съ «Рижскими письмами» хотѣлъ назначить Самарина на службу въ Москву; но противъ этого возсталъ гр. Закревскій, не терпѣвшій славянофиловъ. Поэтому Самарину пришлось отправиться на службу въ Симбирскъ, откуда однако онъ вскорѣ былъ переведенъ неожиданно для самого себя въ Кіевъ (вслѣдствіе доноса о вредномъ вліяніи его на Симбирское общество (!) [1]). Въ Кіевѣ, гдѣ въ это время вводилъ инвентари въ помѣщичьихъ имѣніяхъ энергичный генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ, Самаринъ вновь встрѣтился съ крестьянскимъ дѣломъ, къ которому онъ отнесся и здѣсь съ такимъ же интересомъ, какъ и въ остзейскомъ комитетѣ. Здѣсь онъ пополнилъ свое знакомство со способами рѣшенія крестьянскаго вопроса и отсюда уже вышелъ вполнѣ подготовленнымъ дѣятелемъ крестьянскаго дѣла, къ которому онъ стремился всей душой... [2]) Въ Кіевѣ онъ принялся, кромѣ изученія системы инвентарей, за исторію поселянъ въ Польшѣ. Въ частые наѣзды свои въ Москву, въ разговорахъ и письмахъ къ роднымъ и друзьямъ Самаринъ постоянно старался возбудить и поддержать интересъ къ крестьянскому вопросу. Таковы его письма къ отцу—по поводу указа, разрѣшавшаго крестьянамъ пріобрѣтать на свое имя собственность,—къ Хомякову, бесѣды съ братьями (въ то время, впрочемъ, не достигавшія цѣли [3]), сношенія съ Кошелевымъ, дѣятельно занимавшимся тогда крестьянскимъ вопросомъ (1846—1849). Ближе посвятить себя крестьянскому вопросу въ Россіи Юрію Ѳедоровичу удалось лишь въ 1853 г., когда онъ получилъ наконецъ возможность оставить службу и взялся за управленіе имѣніями своего отца въ Самарской и Симбирской губерніяхъ. Здѣсь онъ въ томъ же году приступилъ къ составленію записки о мѣрахъ къ постепенному упраздненію крѣпостного состоянія. Эту записку онъ читалъ своимъ друзьямъ лѣтомъ 1854 г. въ деревнѣ; но послѣ Крымской кампаніи она была совершенно имъ передѣлана и получила большое распространеніе въ 1856 г. Во время крымской войны Юрій Ѳедоровичъ вступилъ въ Сызранское ополченіе, гдѣ получилъ въ свое завѣдываніе роту. Въ свободное время отъ ротныхъ ученій и хлопотъ по обученію ратниковъ онъ обрабатывалъ эту записку. Не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ и не въ Лондонѣ, — писалъ онъ въ этой запискѣ — а только внутри Россіи завоюемъ мы снова принадлежащее намъ мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ; ибо внѣшняя сила и

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 1—160.

[2]) Сочиненія, т. VII, стр. 161—538.

[1]) Въ Симбирскѣ Самаринъ между прочимъ собиралъ разные матеріалы по вопросу о крѣпостномъ правѣ. Въ его бумагахъ они сохранились въ особой связкѣ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи мертвящей силы». Ср. т. II, стр. 13, примѣч.

[2]) «Неужели—писалъ онъ еще въ 1847 г. изъ Риги А. О. Смирновой—не зачнется такого дѣла, которому бы можно было посвятить себя, зная навѣрно, что оно будетъ имѣть результаты. Я бы охотно сталъ въ самые послѣдніе, заднія ряды. Шевелится одинъ такой вопросъ: это уничтоженіе крѣпостного состоянія. Если бы дожить до этого времени!» (Сочиненія, т. VII, стр. XXVII. Отъ Кіевской жизни остались въ сочиненіяхъ Самарина: «Замѣчанія объ инвентаряхъ» т. II, стр. 1—16 и написанныя имъ впослѣдствіи «Воспоминанія о Жуковскомъ» (т. I, 207—223).

[3]) За то впослѣдствіи семья Самарина одновременно поставила трехъ членовъ отъ правительства въ губернскіе комитеты 3-хъ разныхъ губерній: Ю. Ѳ-ча въ Самарѣ, Дмитрія Ѳедоровича въ Рязани и Петра Ѳедоровича въ Тулѣ.

политическое значеніе государства зависитъ не отъ родственныхъ связей съ царствующими династіями, не отъ ловкости дипломатовъ, не отъ количества серебра и золота, хранящагося подъ замкомъ въ государственной казнѣ, даже не отъ числительности арміи, но болѣе всего отъ цѣлостности и крѣпости общественнаго организма... «Во главѣ современныхъ домашнихъ вопросовъ, которыми мы должны заняться—писалъ онъ тамъ же—сталъ, какъ угроза для будущаго и какъ препятствіе въ настоящемъ для всякаго существеннаго улучшенія въ чемъ бы то ни было, — вопросъ о крѣпостномъ состояніи» [1])... Въ свое время записка Самарина съиграла вмѣстѣ съ ходившими одновременно съ ней по рукамъ проектами Кавелина, кн. Черкасскаго, Кошелева, Позена и др. большую роль. Записка эта замѣчательна главнымъ образомъ мастерской критикой крѣпостного права, разборомъ его происхожденія, его злоупотребленій, его вліянія на крестьянъ, на общество и на политическій строй и опроверженіемъ разныхъ крѣпостническихъ предубѣжденій и предразсудковъ. Положительная часть записки, проектированныя Самаринымъ мѣры ограниченія крѣпостного права были довольно скромны. Онъ не предвидѣлъ возможности такой быстрой развязки крѣпостного вопроса, какая наступила черезъ нѣсколько лѣтъ и въ которой онъ самъ принялъ столь выдающееся участіе. Такъ же, какъ и Черкасскій, онъ полагалъ возможнымъ ограничиться лишь облегченіемъ перехода крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные и съ чрезвычайной осторожностью намѣчалъ путь окончательнаго исхода изъ крѣпостного состоянія. Записка его была посвящена, какъ самъ онъ оговаривался, исключительно переходнымъ мѣрамъ, которыя имѣли троякое назначеніе: 1) положить предѣлъ естественному развитію крѣпостного права, 2) открыть исходъ изъ него отдѣльнымъ личностямъ, поднимающимся выше уровня крѣпостного сословія и 3) облегчить и поощрить добровольныя сдѣлки помѣщиковъ съ крестьянами о переводѣ послѣднихъ въ разряды свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ. Онъ допускалъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ возможность назначить отъ правительства «послѣдній срокъ» заключенія такихъ сдѣлокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учредить на мѣстахъ коммиссіи, которыя могли бы изучить положеніе всѣхъ помѣщичьихъ имѣній и произвести оцѣнку отбываемыхъ крестьянами повинностей при помощи той или иной кредитной операціи, обсуждать основанія котораго Самаринъ признавалъ также преждевременнымъ. По выплатѣ помѣщикамъ полнаго вознагражденія, крестьяне со всей состоящей въ ихъ пользованіи землей освобождались бы отъ всякой зависимости отъ прежнихъ вотчинниковъ и отвѣчали бы лишь передъ правительствомъ за долгъ, лежащій на ихъ земляхъ. Наконецъ, по выплатѣ долга казнѣ, они вступали бы въ разрядъ полныхъ собственниковъ.

Въ этой запискѣ проходятъ красной нитью двѣ важныя идеи: 1) освобожденіе крестьянъ не иначе какъ съ землей и 2) сохраненіе въ неприкосновенности и въ независимости отъ внѣшнихъ властей внутренняго общиннаго распорядка крестьянскаго міра [2]). При всей скромности намѣченныхъ Самаринымъ мѣръ записка эта имѣла огромную важность, подготовляя общественное мнѣніе къ реформѣ, которая осуществилась быстрѣе и радикальнѣе, нежели самъ авторъ записки могъ разсчитывать.

Въ августѣ 1856 г. во время коронаціи въ Москвѣ Самаринъ подалъ особую записку вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, о

[1]) Сочиненія т. II, стр. 19.

[2]) Сочиненія, т. II, стр. 17-136.

необходимости допустить нѣкоторую гласность въ обсужденіи крестьянскаго вопроса, хотя бы въ особыхъ коммиссіяхъ при вольно-экономическомъ и Московскомъ сельскохозяйственномъ обществахъ. Въ этой запискѣ онъ представилъ любопытную характеристику состоянія умовъ дворянскаго сословія въ то время. Въ 1857 г., когда вел. князь Константинъ Николаевичъ вступаетъ въ число членовъ секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу, само правительство обращается къ Юрію Өедоровичу, какъ къ авторитетному знатоку крестьянскаго дѣла. Въ августѣ 1857 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь представилъ правительству четыре записки по поводу постановленій секретнаго комитета. [1]),

Крестьянскій комитетъ въ это время только что пришелъ въ засѣданіи 18 августа 1857 г. къ нѣкоторымъ рѣшеніямъ, отодвигавшимъ, впрочемъ, окончательное разрѣшеніе вопроса въ долгій ящикъ и направленнымъ къ тому, чтобы облегчить заключеніе всякихъ добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами. Мы видѣли уже, что осторожность и постепенность дѣйствій въ рѣшеніи вопроса рекомендовалъ и самъ Юрій Өедоровичъ; но теперь его смутило то обстоятельство, что въ главномъ комитетѣ все болѣе завоевывала себѣ права гражданства мысль освободить крестьянъ, надѣливъ ихъ однѣми только усадьбами и предоставивъ вопросъ о пользованіи пахатными и луговыми землями добровольнымъ соглашеніямъ между ними и помѣщиками. Эту мысль въ началѣ усвоилъ себѣ повидимому и в. кн. Константинъ Николаевичъ. Поэтому въ четырехъ запискахъ, представленныхъ Ю. Ө. Самаринымъ, онъ старался болѣе всего выяснить и доказать исторически сложившееся право крестьянъ на землю и практическую необходимость оставить въ ихъ владѣніи всю ту землю, которою они пользовались. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ преимущества общиннаго землевладѣнія. На в. кн. Константина Николаевича записки его имѣли несомнѣнно самое благотворное дѣйствіе.

Секретный комитетъ, желая заняться прежде всего выясненіемъ тѣхъ мѣръ, которыя могли быть приняты къ облегченію крѣпостного права въ подготовительный періодъ, предложилъ тогда на разрѣшеніе своихъ членовъ 14 вопросовъ объ этихъ мѣрахъ. Списокъ этихъ вопросовъ по распоряженію в. кн. Константина Николаевича былъ доставленъ и къ Самарину въ сентябрѣ 1857 г. Въ отвѣтъ на эти вопросы Самаринъ представилъ особую записку о мѣрахъ для смягченія крѣпостного состоянія [2]). Во всѣхъ перечисленныхъ запискахъ Ю. Ө. въ сущности недалеко отошелъ отъ тѣхъ идей и соображеній, которыя положены имъ въ основаніе первой его записки въ 1856 г. Осторожность въ развитіи этого вопроса и консерватизмъ, свойственный общему міровоззрѣнію Самарина, сказались въ этомъ случаѣ въ рѣшительности, съ которой онъ отстаивалъ тогда необходимость предоставленія помѣщикамъ права въ теченіе всего подготовительнаго періода,—который по соображеніямъ комитета могъ продолжиться очень долго,—не только наказывать крестьянъ розгами, но и сдавать виновныхъ, въ случаяхъ болѣе важныхъ, въ рекруты и представлять ихъ въ распоряженіе правительства, т. е. ссылать на поселеніе въ Сибирь. Вотъ его собственныя соображенія по этому предмету: «Вообще, не надобно обманывать себя надеждою, будто можно, не упраздняя крѣпостного права, окончательно очистить его отъ всего, чѣмъ оскорбляется чувство «справедливости».

[1]) Сочиненія т. II, стр. 144—190.

[2]) Сочиненія, II, 401-432.

Это право основано на принужденіи и безъ сильныхъ принудительныхъ средствъ обойтись не можетъ. Желательно, чтобы правительство какъ можно скорѣе упразднило его безусловно и водворило на его мѣсто правомѣрный порядокъ; но нѣтъ надобности колебать его: оно и такъ уже шатается. Мало сказать, что предлагаемая мѣра могла бы ослабить помѣщичью власть: она подорвала бы ее мгновенно. Право, тѣмъ или другимъ способомъ, на свой счетъ удалять неисправимыхъ людей существенно необходимо не въ однихъ только имѣньяхъ, управляемыхъ на неограниченномъ крѣпостномъ правѣ; даже тамъ, гдѣ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ установятся къ формѣ добровольныхъ сдѣлокъ, *нельзя не допустить его* (разумѣется не иначе, какъ съ согласія крестьянъ) по крайней мѣрѣ въ теченіе подготовительнаго періода или пока правительство не учредитъ мірского управленія и сельскихъ судебно-полицейскихъ инстанцій» [1].

Еще страннѣе читать въ запискѣ Самарина мнѣніе, основанное на подобныхъ же соображеніяхъ, о невозможности предоставить крестьянамъ во время подготовительнаго періода права жалобы [2]. Осторожность и консерватизмъ Самарина въ это время проявились и въ его отношеніи къ проекту, составленному его пріятелемъ и единомышленникомъ А. И. Кошелевымъ, который требовалъ полнаго освобожденія крестьянъ съ надѣломъ, выкупаемымъ при содѣйствіи правительства, въ 12-ти лѣтній срокъ. Когда Кошелевъ прочелъ свой проектъ Самарину и кн. Черкасскому, то Юрій Ѳедоровичъ пришелъ въ ужасъ отъ радикальности предложенныхъ Кошелевымъ мѣръ и сказалъ: «Нѣтъ! не посылайте этихъ записокъ; онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ идти назадъ». Кн. Черкасскій, который въ составленной имъ запискѣ показалъ себя столь же умѣреннымъ какъ и Самаринъ, сказалъ однако-же: «Нѣтъ! отправьте ихъ непремѣнно, хотя ваши записки дѣйствительно радикальны; но не бѣда—изъ большого можно убавить и всетаки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать». Кошелевъ прибавляетъ, что хотя его записки были признаны самыми радикальными и въ Петербургѣ, однако же здѣсь его радикализмъ вскорѣ былъ превзойденъ и его самого чуть-чуть не записали въ отсталые [3]. Этотъ консерватизмъ Юрія Ѳедоровича не имѣлъ, разумѣется, ничего общаго съ крѣпостническими тенденціями и не мѣшалъ ему искренно и *страстно желать полнаго освобожденія* крестьянъ. Ему казалось только, что дѣло будетъ прочно, если пойдетъ постепенно и начнется съ укрѣпленія за крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ и огражденія ихъ благосостоянія отъ помѣщичьяго произвола. Несчастный ходъ крестьянскаго дѣла въ Лифляндіи, подкрѣпляемый изученіемъ положенія крестьянъ въ Польшѣ и исторіи освобожденія крестьянъ въ Пруссіи, произвелъ неизгладимое вліяніе на взгляды Ю. Ѳ. на крестьянское дѣло. Для него главное дѣло заключалось въ прочности обезпеченіи крестьянъ землей и въ сохраненіи общиннаго мірского землевладѣнія и распорядка въ деревнѣ. Вопросы личной неприкосновенности крестьянъ и охраны ихъ личныхъ правъ казались ему менѣе важными. Притомъ онъ совершенно не предугадывалъ возможность такого быстраго исхода крестьянскаго вопроса, какой совершился въ ближайшее затѣмъ время.

Съ радостнымъ изумленіемъ и съ восторгомъ принялъ Ю. Ѳ. вѣсть о рескриптѣ 20 ноября 1857 г., который неожиданно для всѣхъ выводилъ дѣло на вѣрный и прямой путь и самому Самарину и его ближайшимъ друзьямъ и единомышленникамъ давалъ возможность принять прямое и непосредственное участіе *въ рѣшеніи этого огромнаго вопроса* [1]. *Вскорѣ онъ принялъ* назначеніе членомъ отъ правительства въ Самарскій губернскій комитетъ и, явившись сюда во всеоружіи знанія, быстро завоевалъ себѣ здѣсь преобладающее значеніе, не смотря на то, что значительное большинство членовъ не только было противъ него, но относилось къ нему чрезвычайно враждебно именно за его энергичную и блестящую защиту крестьянскихъ интересовъ. Первую половину 1858 года Самаринъ употребилъ преимущественно на литературную разработку крестьянскаго вопроса, знакомя русскую публику съ исторіей разрѣшенія его на Западѣ [2], отстаивая въ печати необходимость и правомѣрность надѣленія крестьянъ землей съ сохраненіемъ размѣра ихъ прежнихъ надѣловъ и выясняя сущность и значеніе общиннаго землевладѣнія [3] и неизбѣжность переходнаго (срочно-обязаннаго) состоянія [4]. Въ то же время правительство продолжало присылать ему на заключеніе различныя предположенія. Такъ ему былъ присланъ проектъ программы занятій губернскихъ комитетовъ, составленный министерствомъ внутр. дѣлъ, но не получившій впослѣдствіи одобренія [5].

Самарскій комитетъ открылся 25 сентября 1858 года. Юрій Ѳедоровичъ явился туда съ готовой программой и съ совершенно опредѣленнымъ планомъ дѣйствій. Хотя враждебное ему большинство съ самаго начала не могло съ нимъ бороться, не имѣя въ своемъ составѣ сколь-нибудь подготовленныхъ и понимающихъ дѣло работниковъ и потому принуждено было à contre coeur принимать многія изъ предложеній Самарина, однако же Самаринъ вовсе не обольщалъ себя надеждой провести свой планъ реформы безъ болѣе или менѣе существенныхъ урѣзокъ и измѣненій; а потому онъ рѣшилъ съ самаго начала, не отказываясь отъ самаго энергичнаго отстаиванія различныхъ частей своей программы и склоненія къ принятію ея членовъ большинства, въ то же время составить свой особый проектъ и настоять, чтобы онъ былъ отправленъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ проектомъ большинства, какъ особое мнѣніе его одного или солидарнаго съ нимъ меньшинства. При этомъ онъ особенно дорожилъ цѣлостью своего проекта, предпочитая лучше рисковать отпаденіемъ части своихъ единомышленниковъ, нежели сдѣлать въ этомъ проектѣ какія-либо измѣненія и уступки, несогласныя съ его убѣжденіями. Онъ предвидѣлъ и не ошибся, что въ Петербургѣ будутъ болѣе обращать вниманія на послѣдовательность и доказательность содержанія самаго проекта, нежели на число стоящихъ подъ нимъ подписей. Подъ его про-

[1] Сочиненія II, 417 (курсивъ вездѣ принадлежитъ Самарину).

[2] Тамъ же 420.

[3] «Записки Александра Ивановича Кошелева» Берлинъ, 1884 г. стр. 93.

[1] При этомъ слѣдуетъ отмѣтить характерный для Ю. Ѳ. отказъ участвовать въ знаменитомъ банкетѣ, устроенномъ въ Москвѣ Кавелинымъ, Катковымъ и Погодинымъ по поводу рескрипта 20 ноября. Не любившій всего, что имѣло характеръ манифестаціи Юрій Ѳедоровичъ не только самъ отказался участвовать въ немъ, но и отговорилъ отъ участія въ немъ и друзей своихъ Аксакова, Кошелева и Черкасскаго, представляя имъ, что имъ необходимо поберечь себя для настоящаго дѣла, т. е. для участія въ комитетахъ. (Барсуковъ «Жизнь и труды Погодина» т XV, стр. 474).

[2] «Упраздненіе крѣпостного права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи» 5 статей, напечатанныхъ въ «Сельск. благоустр.» за 1858 г. (Сочиненія, т. II стр. 191 400.)

[3] Сочиненія, т. III, стр. 3—19 и 76 173 (Статьи объ общест. землевладѣніи).

[4] Тамъ-же стр. 19—56.

[5] Тамъ-же т. III, стр. 56—72.

ектомъ кромѣ него подписались лишь два единомышленника, но за то въ немъ во всей чистотѣ сохраненъ былъ строго обдуманный и послѣдовательно проведенный планъ реформы. Въ приложенномъ къ нему «Обзорѣ основаній» точка зрѣнія на крестьянскую реформу, выработанная Юріемъ Ѳедоровичемъ, изложена съ замѣчательной ясностью.

«Улучшеніе быта крѣпостного сословія, въ предѣлахъ, очерченныхъ Высочайшимъ рескриптомъ и дополнительными къ нему циркулярами министра внутр. дѣлъ, обнимаетъ три предмета:

Дарованіе личныхъ правъ.

Обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія и

Устройство обществъ.

Тѣсная взаимная связь этихъ вопросовъ очевидна, но относительная ихъ важность не одинакова.

Цѣлое сословіе, надежно обезпеченное въ средствахъ къ жизни, при постепенномъ подъемѣ его матеріальнаго благосостоянія, не можетъ долго оставаться въ зависимомъ положеніи и не занять подобающаго ему мѣста въ обществѣ; наоборотъ, личная свобода и образцовое устройство общественнаго управленія далеко еще не обезпечиваютъ даже насущнаго хлѣба».

Меньшинство Самарскаго комитета было увѣрено, что личныя и общественныя права легко преобрѣтутся крестьянами, разъ они будутъ обезпечены землей [1]). «Допустивши, съ цѣлью облегчить и ускорить личное увольненіе, слишкомъ скудный надѣлъ землею, и затѣмъ признавъ торжественно право полной и неограниченной собственности вотчинниковъ на всю остальную землю, правительство, если бы оно и усмотрѣло впослѣдствіи сдѣланную имъ ошибку, не рѣшилось бы приступить къ новому передѣлу».

«Поэтому—сказано въ «Обзорѣ»—сознавая вполнѣ внутреннее соотношеніе и необходимость единовременнаго разрѣшенія всѣхъ трехъ выставленныхъ въ началѣ этой записки задачъ, нельзя однако же не выдѣлить изъ ряда ихъ второй, какъ самой важной по существу своему, и въ то же время самой трудной» [2]).

Въ этомъ то, главномъ, пунктѣ своей программы Самаринъ и разошелся съ большинствомъ комитета. Подробно изучивъ по подлиннымъ описаніямъ помѣщичьихъ имѣній—потому что своды ихъ были составлены невѣрно [3])—дѣйствительный размѣръ крестьянскаго землепользованія во всѣхъ уѣздахъ Самарской губерніи, Ю. Ѳ. выработалъ цифры нормальныхъ надѣловъ для разныхъ мѣстностей губерніи. Въ виду невѣрности свѣдѣній въ описаніяхъ имѣній, эти цифры впослѣдствіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ пришлось еще увеличить, а между тѣмъ члены большинства не согласились и на нихъ.

Подъ вліяніемъ Ю. Ѳ. какъ меньшинство, такъ и большинство комитета съ большою подробностью и тщательностью разработали главу объ устройствѣ сельскихъ обществъ, основанную на принципахъ общиннаго мірского землевладѣнія и распорядка.

Совершенно отрицая въ губернскомъ комитетѣ необходимость удержанія вотчинной власти даже и на время срочнообязаннаго перехода, Самаринъ счелъ однако необходимымъ тѣмъ болѣе усилить власть міра и его органовъ надъ личностью отдѣльныхъ крестьянъ и допустилъ здѣсь примѣненіе тѣлеснаго наказанія, которое онъ защищалъ и впослѣдствіи въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

Презрѣніе его въ этомъ отношеніи къ «либеральнымъ» теоріямъ составляетъ темную сторону его блестящей и свѣтлой дѣятельности того времени; настойчивая защита имъ тѣлесныхъ наказаній, тѣмъ болѣе удивительна, что сохранилось свидѣтельство бывшаго начальника сызранской дружины Давидова, что въ 1854 г., состоя ротнымъ командиромъ въ этомъ ополченіи, Самаринъ болѣе всего старался вывести изъ употребленія именно тѣлесныя наказанія [1]).

До конца также остался Ю. Ѳ. сторонникомъ необходимости переходнаго срочно-обязаннаго періода и противникомъ обязательнаго выкупа. Его аргументація опиралась и въ этомъ случаѣ на главныя усвоенныя имъ начала. Онъ полагалъ, что при немедленномъ обязательномъ выкупѣ придется, чтобы не обременить крестьянъ, сильно понизить повинности, а пониженіе повинностей вызывало бы и соотвѣтственное уменьшеніе надѣла. Съ другой стороны, немедленный обязательный выкупъ показался ему слишкомъ разорительнымъ для степныхъ заволжскихъ помѣщиковъ, потому что внезапное прекращеніе барщины при рѣдкости населенія въ томъ краю и неорганизованности правильнаго прихода рабочихъ изъ центральныхъ губерній естественно могло бы весьма пагубно отозваться на хозяйствахъ степныхъ помѣщиковъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Ю. Ѳ. Самаринъ относился отрицательно къ немедленному обязательному выкупу и въ литературѣ, и въ губернскомъ комитетѣ, и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Въ губернскомъ комитетѣ Ю. Ѳ. пришлось вынести ожесточенную борьбу, доходившую до того, что онъ принужденъ былъ изъ дому выходить вооруженный и въ сопровожденіи тѣлохранителей. Онъ и его товарищи, Рычковъ и Шишковъ, вынуждены были дать знать членамъ противной партіи, что если одинъ изъ нихъ будетъ вызванъ, то они будутъ драться послѣдовательно всѣ трое. Не смотря на это, ему удалось настоять на принятіи всѣмъ комитетомъ: 1) низкой оцѣнки усадебъ, 2) пониженія повинностей до двухъ дней въ недѣлю для мужчинъ и до одного дня для женщинъ при небольшомъ сравнительно съ другими губерніями пониженіи надѣла и 3) опредѣленія состава тягла.

Въ письмѣ отъ 13 марта 1859 г. къ А. О. Смирновой онъ писалъ между прочимъ: «... мы сдѣлали все, что можно сдѣлать безъ вознагражденія, путемъ правильныхъ законодательныхъ преобразованій, а не революціонныхъ мѣръ... Между нами будь сказано: наши потери будутъ огромны (большинство этого даже не понимаетъ); но удовлетворится ли народъ нашими пожертвованіями...» [2])?

Въ февралѣ 1859 г. Ю. Ѳ. получилъ приглашеніе по окончаніи работъ въ Самарскомъ комитетѣ прибыть въ Петербургъ въ качествѣ члена-эксперта редакціонныхъ коммиссій, которыя начали свою работу съ 4 марта. Ю. Ѳ. явился туда съ опозданіемъ лишь 3 іюня 1859 г. Впрочемъ, безъ него успѣли только сорганизоваться, выслушать нѣсколько общихъ предложеній Ростовцева, принятыхъ безъ возраженій, и одинъ докладъ административнаго отдѣленія объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей. Ю. Ѳ. просилъ разрѣшенія представить нѣсколько возраженій противъ этого доклада, вводившаго чуждыя сельской общинѣ бюрократическія черты въ сельское устройство и проектировавшаго образованіе волостей. Докладъ этотъ былъ выработанъ

[1]) Теперь мы знаемъ, какъ сильно они ошибались.

[2]) Сочиненія, III, 439, 410.

[3]) Какой это былъ каторжный трудъ, видно изъ письма Ю. Ѳ. къ кн. Черкасскому «см. Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», изд. кн. О. Трубецкаго, т. I, стр. 309, 310.

[1]) Барсуковъ «Жизнь и труды Погодина» т. XIV, стр. 300 310.

[2]) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», стр. 313.

чиновникомъ м. в. д. Гирсомъ, но при участіи кн. Черкасскаго, съ которымъ Ю. Ѳ. и пришлось поспорить въ 1-омъ же засѣданіи. Ю. Ѳ. отстаивалъ неприкосновенность поземельной общины, крестьянскаго міра, въ томъ видѣ, какъ онъ сложился самою жизнью, и возражалъ противъ образованія волостей. Ему не удалось убѣдить своихъ новыхъ товарищей, и впослѣдствіи именно этой частью своихъ работъ редакціонныя коммиссіи вызвали противъ себя ярыя нападки стариннаго друга Самарина, Константина Аксакова [1]). Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ Ю. Ѳ. работалъ въ двухъ отдѣленіяхъ — въ хозяйственномъ и административномъ. IV-ый томъ его сочиненій, въ которомъ должны быть напечатаны его труды этого времени, еще не изданъ, но работу его можно прослѣдить по «матеріаламъ редакціонныхъ коммиссій», сличая ихъ съ записками Н. П. Семенова («Освоб. крест. въ царств. Александра II»). Принципы его въ редакціонныхъ коммиссіяхъ не измѣнились и коренныхъ разногласій здѣсь между нимъ и образовавшимся большинствомъ не было, такъ какъ редакціонныя коммиссіи по важнѣйшимъ вопросамъ усвоили ту же точку зрѣнія, на которой стоялъ и Самаринъ, внеся необходимыя поправки въ содержаніе рескрипта 20 ноября 1857 г., признавши необходимость освобожденія крестьянъ съ надѣломъ, близкимъ къ существовавшему въ дѣйствительности, и отказавшись отъ сохраненія вотчинной власти помѣщиковъ даже и на время срочно-обязаннаго періода.

Переутомленіе вслѣдствіе постоянныхъ занятій днемъ и ночью и пережитыхъ волненій подорвали крѣпкое здоровье Ю. Ѳ—ча. Во время занятій въ редакціонныхъ коммиссіяхъ онъ серьезно заболѣлъ и вынужденъ былъ уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ заграницу, вслѣдствіе чего ему не пришлось участвовать въ спорахъ членовъ редакціонныхъ коммиссій съ депутатами губернскихъ комитетовъ 1-го призыва, подвергшими, какъ извѣстно, труды коммиссій суровой критикѣ. Наиболѣе толковые и либеральные изъ депутатовъ, особенно изъ нечерноземныхъ губерній, нападали между прочимъ и на тотъ пунктъ ихъ постановленій, который отстаивалъ Ю. Ѳ., — на введеніе срочно-обязаннаго періода. Обязательный выкупъ, разомъ развязывавшій оба сословія и доставлявшій крайне нужныя, особенно для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній, денежныя средства, былъ по ихъ мнѣнію необходимъ. Соображенія, представленныя ими, дѣйствительно едва-ли возможно было опровергнуть. Они были отвергнуты въ виду заявленія Ростовцева, что государь признаетъ выкупъ только добровольный.

Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ перу Юрія Ѳедоровича принадлежатъ многіе изъ важнѣйшихъ докладовъ хозяйственнаго и административнаго отдѣленій. Ему же поручено было составить проектъ манифеста; но проекту его былъ предпочтенъ, какъ извѣстно, проектъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ. По окончаніи работъ ревизіонныхъ коммиссій Ю. Ѳ—чу былъ пожалованъ орденъ Владиміра 3 ст., но онъ не принялъ этой награды, возвративъ крестъ графу Панину при письмѣ, въ которомъ онъ объяснилъ, что за участіе въ общественномъ дѣлѣ не можетъ принять награды отъ правительства.

По изданіи положенія 19 февраля Ю. Ѳ. возвратился въ Самару, гдѣ принялъ должность члена губернскаго присутствія отъ правительства. Здѣсь, при примѣненіи положенія къ дѣлу, ему еще пришлось вынести не мало трудовъ и борьбы въ теченіе двухъ лѣтъ. Отсюда онъ былъ вызванъ въ 1863 г. Н. А. Милютинымъ въ Польшу, когда послѣднему поручено было, послѣ неудачной дѣятельности маркиза Веліопольскаго, умиротвореніе и «обновленіе» ея гражданскаго быта.

Н. А. Милютинъ, дружный съ Самаринымъ еще съ сороковыхъ годовъ, когда они вмѣстѣ занимались работами по преобразованію городового положенія—Милютинъ въ Петербургѣ, Самаринъ въ Ригѣ—и съ которымъ онъ сдружился еще ранѣе въ редакціонныхъ комиссіяхъ, умолялъ Ю. Ѳ—ча принять участіе вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ въ новой возложенной на него миссіи. Вѣрный своему давнему рѣшенію, Самаринъ отказался принять какую-либо коронную должность, но помочь согласился и, пріѣхавъ въ Варшаву въ сентябрѣ 1863 г., онъ объѣхалъ съ Милютинымъ нѣкоторыя мѣстности еще не вполнѣ заселеннаго края [1]), изучилъ собранные Милютинымъ матеріалы и въ нѣсколько мѣсяцевъ составилъ съ нимъ и съ Черкасскимъ проекты указовъ о поземельномъ и общественномъ устройствѣ крестьянъ, о выкупѣ повинностей (здѣсь выкупъ принятъ былъ немедленный и обязательный) и о введеніи этихъ положеній въ дѣйствіе при помощи особыхъ проектированныхъ ими крестьянскихъ учрежденій. Эти проекты были вскорѣ разсмотрѣны въ Петербургѣ въ особой коммиссіи изъ высшихъ сановниковъ при участіи Самарина и Черкасскаго и утверждены государемъ 19 февраля 1864 г. [2]). Еще ранѣе (въ сентябрѣ 1863 г.) онъ принялъ участіе въ литературной полемикѣ по польскому вопросу мастерской статьей, напечатанной въ Аксаковскомъ «Днѣ» подъ заглавіемъ «Современный объемъ польскаго вопроса» [3]).

Вскорѣ ему пришлось принять въ той же газетѣ дѣятельное участіе въ полемикѣ съ іезуитами. Возвращаясь къ идеямъ, давно уже оттѣсненнымъ въ его головѣ на второй планъ государственными дѣлами, въ которыхъ онъ участвовалъ, Ю. Ѳ. написалъ рядъ весьма ѣдкихъ и блестящихъ памфлетовъ въ формѣ писемъ къ отцу Мартынову (іезуиту), помѣщенныхъ первоначально въ газетѣ «День» за 1865 г., а затѣмъ изданныхъ отдѣльно «Русскимъ Архивомъ» въ 1866 году [4]).

Усердно работая въ это же время въ только что открывшемся земствѣ, Юрій Ѳедоровичъ не отказывался и отъ литературной дѣятельности. Не говоря уже о томъ, что тѣ общественные вопросы, надъ разработкой которыхъ онъ трудился въ земскихъ коммиссіяхъ и земскихъ собраніяхъ, онъ переносилъ по своему обыкновенію и въ печать—таковъ напр. податной вопросъ, которому онъ посвятилъ обстоятельную статью въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній» Безобразова—онъ предпринялъ въ 1867 г. два большихъ литературныхъ предпріятія: изданіе сочиненій Хомякова, для котораго онъ написалъ нѣсколько предисловій и замѣтокъ, гдѣ между прочимъ стремился доказать совмѣстимость истинныхъ принциповъ православной церкви съ идеями вѣротерпимости и религіозной свободы, и другое большое научно-публицистическое изданіе—«Окраины Россіи», которое стало выходить отдѣльными выпусками заграницей и вызвало тамъ большой шумъ и большую полемику. Цѣлью этого изданія было разоблачить истинное положеніе дѣлъ на русскихъ окраинахъ и особенно въ Остзейскомъ краѣ и опровергнуть тѣ

[1]) Брошюра К. Аксакова «Замѣчаніе на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи», Лейпцигъ, 1861 г. Ср. Семенова «Освобожд. крестьянъ», т. I, стр. 505-506.

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 353, «Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго въ октябрѣ 1863 г.»

[2]) Leroy Beaulieu «Un homme d'etat russe». См. также мои статьи въ «Русск. Мысли» за 1893 г. (кн. 2, 3 и 8) «Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ».

[3]) Сочиненія, т. I, стр. 325.

[4]) Сочиненія, т. VI, 1—326.

невѣрныя представленія о русской политикѣ и администраціи, которыя распространялись въ Западной Европѣ недовольными остзейцами и другими врагами русскихъ порядковъ. Главное содержаніе «Окраины России» принадлежитъ самому Юрію Ѳедоровичу, но были въ немъ и взгляды нѣкоторыхъ сочувствовавшихъ ему корреспондентовъ. Разоблаченія, напечатанныя въ этомъ изданіи, имѣютъ неодинаковое значеніе. На ряду съ разоблаченіями дѣйствительно возмутительныхъ злоупотребленій остзейскаго рыцарства по отношенію къ мѣстному крестьянству, на ряду съ блестящимъ и въ высшей степени интереснымъ изложеніемъ поучительной исторіи освобожденія лифляндскихъ крестьянъ (въ шестомъ выпускѣ), въ «Окраинахъ Россіи» есть много нападокъ на весьма естественный мѣстный патріотизмъ всего остзейскаго общества, на такія его стремленія, которыя въ глазахъ каждаго безпристрастнаго и просвѣщеннаго человѣка, непринадлежащаго къ лагерю славянофиловъ или къ другому лагерю т. н. охранителей, могутъ вызвать лишь полное сочувствіе. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ этого замѣчательнаго произведенія, но необходимо указать, что появленіе его произвело большую сенсацію не только заграницей, но и въ Россіи. Но здѣсь, къ удивленію и огорченію Самарина, несмотря на несомнѣнную нелицемѣрную преданность его русскимъ государственнымъ началамъ и русскому правительству, преданность, сквозящую въ каждой строкѣ, его изданіе прежде всего вызвало неудовольствіе правительства, объявленное Самарину въ видѣ Высочайшаго выговора, что особенно его поразило. Въ VIII томѣ его сочиненій напечатано всеподданнѣйшее письмо, посланное имъ по этому поводу государю, въ которомъ онъ въ тонѣ искренней преданности, но въ то же время съ полной независимостью сужденій и благородной прямотой высказываетъ свое оправданіе, свою политическую исповѣдь и особенно свой продуманный и сильно обоснованный взглядъ на отношенія, какія должны существовать между правительствомъ и вѣрноподданными въ самодержавномъ государствѣ. Нельзя сомнѣваться, что письмо его произвело глубокое впечатлѣніе на императора Александра II, но какая на него послѣдовала резолюція и имѣло ли оно какія-либо непосредственныя ближайшія послѣдствія, намъ неизвѣстно. Однако продолженіе предпринятаго Самаринымъ изданія послѣдовало (заграницей же) только черезъ три года. Въ настоящее время «Окраины Россіи» напечатаны въ VIII—X т. т. сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. Послѣдній VI выпускъ онъ приготовилъ къ печати лишь передъ самой смертью въ 1876 году.

Эта работа, занимавшая Самарина въ послѣдніе годы жизни преимущественно, перебивалась однако же и другими научно-литературными занятіями. Такъ въ 1872—1875 г.г. онъ велъ любопытный дружескій споръ съ К. Д. Кавелинымъ, выразившійся въ рядѣ писемъ того и другого, по поводу «Задачъ психологіи» Кавелина, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1871 г. и сильно заинтересовавшихъ Самарина, нераздѣлявшаго многихъ основныхъ воззрѣній автора (особенно богословскихъ и философскихъ), но питавшаго къ нему и къ его труду большое уваженіе.

Ю. Ѳ. умеръ въ Берлинѣ въ 1876 г. почти неожиданно, послѣ ничтожной операціи, осложнившейся рожистыми воспаленіями, послѣдовавшей затѣмъ гангреной и гнойной горячкой. Ему было всего 56 лѣтъ. Здоровье его, до 1859 г. чрезвычайно крѣпкое, было надорвано слишкомъ усиленными трудами въ эпоху разработки крестьянской реформы.

Дѣятельность Самарина была чрезвычайно разностороння и плодотворна; надѣленный отъ природы тонкимъ, проницательнымъ и глубокимъ умомъ, замѣчательнымъ даромъ слова, искренностью и талантомъ блестяще излагать мысли, онъ былъ бы конечно выдающимся лицомъ во всякое время, во всякой странѣ. У насъ же онъ жилъ въ такую эпоху, когда такіе люди, какъ онъ, были особенно нужны, и вышелъ на арену общественной дѣятельности съ такой подготовкой, которой едва-ли обладалъ кто-нибудь другой изъ его современниковъ. Заслуги его въ крестьянскомъ дѣлѣ выдаются особенно, при чемъ замѣчательно, что будучи сознательнымъ и глубоко убѣжденнымъ консерваторомъ, онъ дѣйствовалъ преимущественно въ духѣ либеральномъ и всю свою жизнь боролся съ затхлыми консерваторами и охранителями, терпя за независимость своего образа дѣйствій неоднократно непріятности, которыя обыкновенно составляютъ удѣлъ вовсе не консерваторовъ, а скорѣе политическихъ радикаловъ.

Впрочемъ, что касается политическихъ взглядовъ Самарина, то необходимо пояснить, что, при всей цѣльности своего міровоззрѣнія, Самаринъ въ сущности никогда не отвергалъ безусловно идеаловъ своихъ политическихъ противниковъ—либераловъ; онъ только считалъ, что идеалы эти не примѣнимы были къ Россіи въ то время, когда онъ дѣйствовалъ. Онъ обрушивался съ силой не на либеральныя идеи, а главнымъ образомъ на либеральничанье, притомъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда за него прятались сторонники эксплоатаціи себѣ подобныхъ. Если взять во вниманіе дѣятельность Самарина и заслуги его, какъ участника освобожденія крестьянъ въ Россіи, какъ убѣжденнаго сторонника и поборника реформъ Александра II, какъ искренняго защитника свободы печати и вѣроисповѣданій, то память его должна быть особенно дорога именно «либераламъ», а отнюдь не консерваторамъ.

Константинъ Дмитріевичъ КАВЕЛИНЪ.

Л. З. Слонимскаго.

КАВЕЛИНЪ, Константинъ Дмитріевичъ (род. 4 ноября 1818 г. и умеръ 3 мая 1885 г.), былъ главнымъ теоретикомъ крестьянской реформы и лучшимъ истолкователемъ ея общихъ основъ; онъ дѣятельно способствовалъ подготовкѣ и обработкѣ ея первоначальнаго плана въ тяжелый переходный періодъ пятидесятыхъ годовъ, ясно и убѣдительно доказывалъ безусловную необходимость освобожденія крестьянъ съ землею, при помощи выкупной операціи, и отстаивалъ великое значеніе крестьянской земельной общины для всей будущности Россіи. До конца жизни онъ оставался горячимъ проповѣдникомъ и защитникомъ идеи «мужицкаго царства», какъ характеристической черты русскаго народно-государственнаго быта.

Родившись въ Петербургѣ, въ небогатой чиновно-помѣщичьей семьѣ, Кавелинъ выросъ и получилъ воспитаніе въ Москвѣ, гдѣ домашнимъ учителемъ его былъ, между прочимъ, В. Г. Бѣлинскій; съ 1835 года онъ проходилъ курсъ юридическаго факультета московскаго университета, и въ эти студенческіе годы онъ наиболѣе сблизился съ двумя братьями Кирѣевскими и Д. А. Валуевымъ, которые ввели его въ кругъ тогдашнихъ славянофиловъ. Позднѣе онъ близко сошелся съ Грановскимъ, въ 1842—1843 годахъ жилъ въ Петербургѣ, постоянно поддерживая дружескія отношенія съ Бѣлинскимъ, затѣмъ переѣхалъ въ Москву и послѣ защиты магистерской диссертаціи въ февралѣ 1844 года получилъ тамъ мѣсто адъюнкта при каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства. Профессорство его въ московскомъ университетѣ, съ 1844 по 1848 годъ, совпало съ тѣмъ блестящимъ подъемомъ умственнаго и нравственнаго движенія въ передовой части русскаго общества и литературы, который характеризуетъ сороковые годы. Сохраняя прежнія связи съ славянофилами, Кавелинъ во многомъ не раздѣлялъ ихъ воззрѣній и чувствовалъ себя болѣе солидарнымъ съ кружкомъ Грановскаго и Герцена; къ послѣднему онъ привязался всей душой и находился съ нимъ въ тѣсномъ общеніи до его отъѣзда заграницу въ концѣ 1847 года. Къ тому времени окончательно установилось общее міросозерцаніе Кавелина, гармонически соединившее въ себѣ лучшіе элементы славянофильства и западничества. Въ своихъ университетскихъ лекціяхъ онъ излагалъ исторію русскаго права какъ существенную часть общей исторіи русскаго народа и государства, а всю русскую исторію разсматривалъ съ широкой точки зрѣнія общечеловѣческаго историческаго развитія. Въ ходѣ нашей исторіи онъ усматривалъ послѣдовательную смѣну трехъ началъ,—родового, вотчиннаго и государственнаго: отсутствовавшее у насъ начало личности выработалось и стало проявлять себя, въ качествѣ живой творческой силы, только съ XVIII вѣка, съ эпохи преобразованій Петра Великаго. Сжатое изложеніе этой теоріи въ первой книжкѣ «Современника» за 1847 годъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», послужило предметомъ перваго крупнаго разлада съ славянофилами. Въ 1848 году, вслѣдствіе частнаго семейнаго столкновенія съ старымъ своимъ профессоромъ и потомъ сослуживцемъ, Никитою Ивановичемъ Крыловымъ (оба были женаты на двухъ сестрахъ Коршъ), Кавелинъ долженъ былъ оставить службу въ московскомъ университетѣ и переселился уже навсегда въ Петербургъ. Здѣсь онъ сразу попадаетъ въ центръ движенія, предвѣщавшаго эру крупныхъ преобразованій; онъ сближается съ выдающимися сторонниками реформъ въ средѣ администраціи—съ братьями Дмитріемъ и Николаемъ Милютиными, К. К. Гротомъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, В. А. Арцимовичемъ, Г. Г. Даниловичемъ, и черезъ нихъ получаетъ доступъ въ общество великой княгини Елены Павловны, принимавшей близкое участіе въ судьбѣ крестьянскаго вопроса.

Въ 1853 году, послѣ смерти своей матери, Кавелинъ становится самостоятельнымъ помѣщикомъ, владѣльцемъ крестьянскихъ душъ въ Самарской губерніи, и съ тѣхъ поръ онъ всецѣло погружается въ сложные практическіе и теоретическіе интересы, связанные съ дѣломъ освобожденія крестьянъ. Въ составленной имъ подробной запискѣ, окончательная редакція которой относится къ началу 1855 года, онъ подвергъ исчерпывающей критикѣ ненормальныя и опасныя для Россіи стороны крѣпостного права и предложилъ точную, ясно мотивированную программу необходимыхъ законодательныхъ мѣръ. Рядомъ съ частными, помѣщичьими крѣпостными существовали еще различныя категоріи крѣпостныхъ государственныхъ или правительственныхъ,—крестьяне удѣльные и дворцовые, приписанные къ разнымъ вѣдомствамъ, фабрикамъ и заводамъ, военные поселяне, рекруты и солдатскія дѣти, кантонисты; освобожденіе этихъ разрядовъ людей предполагало обширныя перемѣны не только въ положеніи и бытѣ крестьянъ разныхъ наименованій, но и въ области государственнаго управленія и законодательства. Для упраздненія государственнаго крѣпостного права нужно прежде всего, по мнѣнію Кавелина, отречься отъ разорительной системы казеннаго промышленнаго хозяйства, поддерживаемой и защищаемой предъ правительствомъ «цѣлыми легіонами чиновниковъ», которые находятъ, конечно, свои выгоды въ управленіи многочисленными казенными предпріятіями. Во первыхъ, всѣ промышленныя правительственныя заведенія, фабрики, заводы, мануфактуры, мастерскія всякаго рода, слѣдуетъ передать въ частныя руки путемъ продажи или аренды, а приписаннымъ къ нимъ мастеровымъ и рабочимъ предоставить избрать родъ жизни по своему усмотрѣнію; затѣмъ, во-вторыхъ, нужно всѣхъ крестьянъ, приписанныхъ къ какимъ-бы то ни было вѣдомствамъ, подчинить одному управленію и закону съ свободнымъ сельскимъ населеніемъ имперіи вообще, уволивъ отъ всѣхъ

Лит. И. Кадушина С.П.Б.

К. Кавелин.

(1862г)

особенныхъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей, которыми они обложены въ пользу своихъ вѣдомствъ; въ третьихъ, званіе кантонистовъ совершенно упразднить, предоставивъ солдатскимъ дѣтямъ право оставаться въ томъ званіи, къ какому принадлежали ихъ отцы до поступленія въ рекруты, или же приписаться къ другому званію на общемъ основаніи; въ четвертыхъ, ввести всеобщую воинскую повинность, обязательную для всѣхъ сословій безъ исключенія, уволивъ отъ этой обязанности только негодныхъ къ военной службѣ по причинамъ физическимъ, также учащихся и готовящихся къ общеполезнымъ научнымъ или практическимъ занятіямъ,—причемъ безусловно запретить употребленіе рекрутъ и солдатъ на постороннія работы, не относящіяся прямо къ военному ремеслу, а должности деньщиковъ, сторожей, разсыльныхъ, писарей, мастеровыхъ, фельдшеровъ и т. п. замѣщать не иначе какъ по вольному найму. Противъ этихъ нововведеній, настоятельно требуемыхъ интересами государства и народа, возставали бы только отдѣльныя вѣдомства съ ихъ канцеляріями и чиновниками; но въ защиту помѣщичьяго крѣпостного права при малѣйшихъ на него посягательствахъ неизмѣнно выступало господствующее въ имперіи дворянское сословіе, подъ предлогомъ охраны самыхъ основъ государственнаго строя и порядка. Кавелинъ въ своей запискѣ объясняетъ, что помѣщичье крѣпостное право не только не служитъ опорою государства, но приводитъ его къ разстройству и безсилію, угрожая ему великими опасностями въ политическомъ отношеніи; оно есть неизсякаемый источникъ «безнравственности, невѣжества, праздности, тунеядства и всѣхъ проистекающихъ отсюда пороковъ и даже преступленій». Охранители часто повторяли старое изреченіе, что «помѣщики суть лучшіе полиціймейстеры, которые притомъ ничего не стоятъ правительству». Но, спрашиваетъ Кавелинъ, «кто же видалъ, чтобы въ благоустроенномъ государствѣ полиція имѣла у себя почти въ безусловномъ подданствѣ подвѣдомственныхъ ей людей? Притомъ казнѣ эти такъ называемые полиціймейстеры обходятся конечно дешево, но государству—очень дорого». Правительство давно сознавало весь вредъ крѣпостного права и пыталось смягчить его или постепенно подготовить его упраздненіе, но въ то же время запрещало касаться этого вопроса въ печати и обсуждать его въ дворянскихъ совѣщаніяхъ, какъ будто надѣясь произвести реформу секретно; между тѣмъ только откровенныя и послѣдовательныя дѣйствія, основанныя на предварительномъ всестороннемъ обсужденіи, могутъ привести къ желанной цѣли. По плану Кавелина, помѣщичьихъ крѣпостныхъ необходимо освободить вполнѣ, совершенно, изъ-подъ зависимости отъ ихъ господъ,—освободить «не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непремѣнно съ землею», и не иначе какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ. Количество земли, подлежащей выкупу, должно опредѣляться размѣрами дѣйствительнаго владѣнія и пользованія крестьянъ; для оцѣнки выкупаемыхъ земель и крѣпостныхъ учреждаются по уѣздамъ оцѣночныя коммиссіи, составленныя на половину по выбору изъ мѣстныхъ владѣльцевъ и на половину по назначенію правительства; въ случаѣ несогласія заинтересованныхъ лицъ съ приговоромъ коммиссіи дѣло переносится на ревизію въ губернскую оцѣночную коммиссію, составленную подобнымъ же образомъ, а установленіе единства и системы въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ коммиссій достигалось бы существованіемъ особой центральной коммиссіи въ столицѣ. Финансовая операція по выкупу крѣпостныхъ имѣній могла бы быть возложена на спеціально учрежденный для того банкъ, который выплачивалъ бы владѣльцамъ выкупныя суммы сполна особыми билетами, равными кредитнымъ; эти выдачи возмѣщались бы потомъ ежегодными взносами крестьянъ въ теченіе 37-лѣтняго или болѣе продолжительнаго срока. По совершенномъ погашеніи бывшими крѣпостными выплаченнаго за нихъ помѣщикамъ выкупного капитала, владѣемая ими выкупленная земля обращается въ полную ихъ собственность. Предвидя возраженія относительно финансовой неосуществимости одновременнаго выкупа болѣе двадцати милліоновъ душъ съ ихъ земельнымъ надѣломъ, Кавелинъ предлагаетъ начать съ какого нибудь опредѣленнаго района, напримѣръ съ западныхъ губерній, гдѣ можно бы провести реформу въ видѣ опыта, для лучшей провѣрки ея основаній и техническихъ условій; вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ косвенныхъ мѣръ поощрялись бы добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крѣпостными объ отпускѣ послѣднихъ на волю, послѣ чего было бы уже легко приступить къ упраздненію крѣпостного права на всемъ пространствѣ имперіи.

Въ дополнительной запискѣ, вызванной критическими замѣчаніями на его проектъ и написанной въ томъ же 1855 году, Кавелинъ нѣсколько измѣняетъ свой планъ выкупной операціи: вмѣсто банковыхъ билетовъ, обиліе которыхъ подвергло бы опасности все наше денежное обращеніе, предлагается выпускъ особыхъ процентныхъ бумагъ, въ видѣ безсрочнаго займа; эти облигаціи, свободно продаваемыя въ Россіи и заграницею, доставили бы тѣ суммы, какія нужны для уплаты владѣльцамъ, безъ ущерба для существующей денежной системы. Опровергая затѣмъ указанія на невозможность колебать положеніе дворянства, какъ высшаго образованнаго класса и единственнаго обязательнаго посредника между верховною властью и народомъ, Кавелинъ напоминаетъ, что, наоборотъ, государство не можетъ довѣриться дворянству именно въ виду ненормальнаго владѣльческаго отношенія его къ народной массѣ. По всѣмъ историческимъ традиціямъ русскіе самодержцы признавали своимъ долгомъ строго, даже сурово сдерживать высшее сословіе, когда оно чрезмѣрно налегало на простой народъ. Пока существуетъ крѣпостное право, правительство измѣнило бы священнѣйшимъ своимъ обязанностямъ, своему прошедшему, своимъ преданіямъ, еслибы ограничило чиновниковъ дворянствомъ и тѣмъ отняло у себя, хоть на время, всякіе способы ограждать низшія сословія отъ произвола высшихъ; оттого и не ослабляется зло односторонняго бюрократизма въ мѣстномъ и центральномъ управленіи. «Только благодаря тому, что у нашей верховной власти вѣсы еще не выпали изъ рукъ, насъ не постигла судьба Польши».

Обѣ записки Кавелина ходили по рукамъ и имѣли необыкновенный успѣхъ въ значительной части общества; въ нихъ давалась сторонникамъ освобожденія точная практическая программа, убѣдительно и ясно изложенная, и эта программа, въ существенныхъ своихъ началахъ, была почти цѣликомъ усвоена тѣми дѣятелями, которымъ суждено было провести реформу на дѣлѣ. Черезъ посредство великой княгини Елены Павловны и ея фрейлины, баронессы Раденъ, проектъ Кавелина проникъ въ высшія оффиціальныя сферы; его читалъ и одобрилъ императоръ Александръ II. Въ 1857 году, по предложенію великаго князя Константина Николаевича, состоявшаго во главѣ «секретнаго комитета» по крестьянскому дѣлу, Кавелинъ представилъ черезъ А. В. Головнина новую записку, въ которой совѣтуетъ немедленно уничтожить элементъ личнаго рабства въ крѣпостныхъ отношеніяхъ и затѣмъ постепенно упразднить все крѣпостное право при помощи ряда переходныхъ мѣръ; позднѣе, въ томъ же 1857 году, онъ впервые подалъ мысль объ устройствѣ особыхъ коммиссій для спеціальнаго обсужденія крестьянскаго во-

проса съ различныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія, причемъ предложилъ также списокъ наиболѣе свѣдущихъ лицъ, искренно убѣжденныхъ въ необходимости упраздненія крѣпостного права; въ числѣ этихъ лицъ, которыхъ надлежало бы привлечь въ составъ означенныхъ коммиссій, поименованы: Н. А. Милютинъ, А. В. Головнинъ, Заблоцкій-Десятовскій, Рейтернъ, Абаза, Евг. Ламанскій, В. П. Безобразовъ, Я. Соловьевъ, И. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, А. И. Кошелевъ, кн. В. А. Черкасскій и др. Такимъ образомъ Кавелинъ не только первый высказалъ идею объ учрежденіи редакціонныхъ коммиссій, но отчасти намѣтилъ и самый ихъ составъ.

1857-ый годъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ жизни и дѣятельности Кавелина, какъ и въ судьбѣ крестьянскаго дѣла; въ то же время это былъ годъ наиболѣе широкихъ и свѣтлыхъ ожиданій въ области общественнаго и политическаго переустройства Россіи. Лично для Кавелина это былъ періодъ наибольшаго умственнаго и нравственнаго возбужденія: ему почти одновременно открылись перспективы практическаго участія въ крестьянской реформѣ, возможной политической роли въ будущемъ и возстановленія прерванной профессорской дѣятельности. Въ 1857 году, приглашенный къ работѣ по составленію «положенія» объ освобожденіи крестьянъ въ полтавскомъ имѣніи великой княгини Елены Павловны, «Карлово», Кавелинъ былъ лѣтомъ вызванъ великою княгинею въ Вильдбадъ для совѣщанія по этому поводу; тогда же, по рекомендаціи великой княгини, ему было предложено преподавать правовѣдѣніе цесаревичу Николаю Александровичу, несмотря на интриги и протесты придворныхъ кружковъ, выставлявшихъ Кавелина отчаяннымъ либераломъ. Самъ государь согласился на его назначеніе совершенно сознательно и выразился при этомъ: «*Я знаю, что объ немъ говорятъ дурно; но знаю, почему такъ объ немъ говорятъ*, и вслѣдствіе этого не придаю этимъ разсказамъ никакого значенія». Изъ Вильдбада Кавелинъ поѣхалъ въ Дармштадтъ—представиться императрицѣ Маріи Александровнѣ, согласно ея желанію, и дважды имѣлъ съ ея величествомъ интересныя и весьма откровенныя бесѣды, возбудившія въ немъ мечту о предстоящей ему, быть можетъ, «политической дѣятельности». Посредничество тогдашняго шефа жандармовъ, кн. В. А. Долгорукова, въ этихъ придворныхъ сношеніяхъ и визитахъ Кавелина должно было убѣдить его въ шаткости и безпочвенности подобныхъ мечтаній. Кн. В. Долгоруковъ не скрывалъ своей ненависти къ «краснымъ» литераторамъ и «агитаторамъ», подкапывающимся подъ крѣпостное право; а власть и вліяніе принадлежали еще такимъ представителямъ придворной аристократіи, какъ кн. Долгоруковъ и его единомышленники. Съ ихъ точки зрѣнія, разговоры высшихъ лицъ съ господами, подобными Кавелину, были дѣломъ *временнаго или случайнаго каприза, которому не слѣдуетъ придавать большого значенія*. Кавелинъ смотрѣлъ на дѣло иначе и съ бодрою энергіею возвратился въ Петербургъ, гдѣ совѣтъ университета выбралъ его профессоромъ по каѳедрѣ русскаго гражданскаго права.

Въ концѣ того же 1857 года появились извѣстные рескрипты объ организаціи губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по улучшенію быта крестьянъ, и дѣло крестьянской реформы уже получило оффиціальный ходъ; тѣмъ не менѣе высокопоставленные противники задуманнаго преобразованія по прежнему отстаивали неприкосновенность крѣпостного права и сурово преслѣдовали за его порицаніе и критику. Кавелинъ вскорѣ испыталъ на себѣ превратность и ненадежность личныхъ вліяній и симпатій въ томъ обществѣ, гдѣ онъ думалъ достигнуть многаго своею «огромною любовью къ родинѣ», своими обширными знаніями, талантами и искренностью. Не долго пробылъ Кавелинъ въ почетной роли преподавателя при наслѣдникѣ престола; онъ съумѣлъ пріобрѣсть глубокое уваженіе и привязанность своего царственнаго ученика, но этимъ еще болѣе усилилъ злобу своихъ вліятельныхъ враговъ, которые не замедлили очернить его предъ государемъ и правительствомъ. Въ апрѣльской книгѣ «Современника» за 1858 годъ, въ статьѣ о «новыхъ условіяхъ сельскаго быта», было напечатано Н. Г. Чернышевскимъ извлеченіе изъ записки Кавелина объ освобожденіи крестьянъ, безъ вѣдома и согласія автора, такъ какъ эта записка имѣла отчасти характеръ документа, извѣстнаго, въ общихъ чертахъ, не только столичной, но и провинціальной публикѣ. Содержаніе статьи было признано вреднымъ и несогласнымъ съ видами правительства, хотя вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ уже оффиціально поставленъ государственною властью, и Кавелинъ, заподозрѣнный въ оппозиціонныхъ замыслахъ и сношеніяхъ, устраненъ отъ должности преподавателя наслѣдника на основаніи секретнаго дознанія или слѣдствія, произведеннаго княземъ Долгоруковымъ. Появленіе въ печати отдѣльныхъ мѣстъ записки, выдвинувшей Кавелина и одобренной самимъ государемъ, послужило поводомъ къ опалѣ, нанесшей ударъ всѣмъ лучшимъ чувствамъ, стремленіямъ и надеждамъ Кавелина. Записка 1855 года, какъ выражался онъ въ концѣ своей жизни, «опредѣлила его жизнь и судьбу», и неожиданныя послѣдствія *напечатанія* отрывковъ изъ нея въ журналѣ наглядно показали, какъ сомнительна еще была судьба крестьянскаго дѣла за годъ до учрежденія редакціонныхъ коммиссій. «Придворная гниль на меня разсвирѣпѣла,—вспоминалъ Кавелинъ въ апрѣлѣ 1885 года, незадолго до кончины,—и меня выдали ей головою. Послѣ со мною не разъ заигрывали, но я не дался въ ловушку и остался въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находился, не поступившись ни на іоту. Они могли раздавить мою служебную карьеру, но унизить *мою личную честь я имъ не далъ*». Наиболѣе обиднымъ для Кавелина было то обстоятельство, что его выставили въ ложномъ свѣтѣ передъ императоромъ Александромъ II и что государь такъ легко повѣрилъ доносителямъ, ничтожность которыхъ была всѣмъ хорошо извѣстна. Кавелину предложили при отставкѣ пенсію и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но онъ отрекся отъ того и другого и не соглашался съ тѣхъ поръ принимать какія-бы то ни было служебныя награды и отличія, хотя продолжалъ служить въ разныхъ вѣдомствахъ до самой своей смерти. Онъ былъ профессоромъ петербургскаго университета до конца 1861 года, когда разыгрался университетскій кризисъ подъ вліяніемъ неудачныхъ мѣропріятій высшаго учебнаго начальства и вызванныхъ ими студенческихъ волненій; Кавелинъ рѣшился высказать правду о причинахъ безпорядковъ въ особой запискѣ, которая вскорѣ стала извѣстна въ правительственныхъ кругахъ и была доведена до свѣдѣнія государя. Эта «правда», сохранившая всю свою силу и для настоящаго времени, имѣла между прочимъ тотъ результатъ, что Кавелинъ долженъ былъ разстаться съ университетомъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими профессорами, раздѣлявшими его образъ мыслей. Только шестнадцать лѣтъ спустя онъ вновь получилъ доступъ къ профессурѣ, но уже въ другомъ, болѣе либеральномъ вѣдомствѣ, военномъ: съ 1878 года онъ читалъ лекціи гражданскаго права въ военно-юридической академіи.

Въ тѣсной связи съ приведенными выше воззрѣніями Кавелина по крестьянскому вопросу находится взглядъ его на сельскую общину, какъ на вѣрнѣйшую гарантію проч-

наго земельнаго обезпеченія народной массы. Въ замѣчательной статьѣ, напечатанной имъ въ 1859 году въ «Атенеѣ», онъ впервые изложилъ тѣ здравыя мысли объ общинномъ землевладѣніи, которыя неоднократно развивались имъ въ позднѣйшіе годы и которыя служатъ наилучшимъ опроверженіемъ повторяемыхъ понынѣ шаблонныхъ нападокъ на общину. Кавелинъ, вслѣдъ за другими знатоками нашей земельной общины— Самаринымъ и Кошелевымъ, различалъ въ ней временные фактическіе порядки, подлежащіе измѣненію или отмѣнѣ, и самую сущность, заключающуюся въ принадлежности земли цѣлой крестьянской общинѣ, а не отдѣльнымъ ея членамъ; этотъ мірской принципъ землевладѣнія, при которомъ земля изъята изъ круга предметовъ купли-продажи, долженъ существовать рядомъ съ правомъ личной поземельной собственности, необходимой для болѣе предпріимчивыхъ и энергическихъ элементовъ населенія. «Гдѣ только личная собственность господствуетъ исключительно, тамъ рано или поздно непремѣнно наступаетъ полная соціальная анархія и бѣдствіе народныхъ массъ, страшные общественные недуги, противъ которыхъ доселѣ оставались безсильными всѣ средства,—недуги, которые развиваются неудержимо, питаясь и поддерживаясь сами собою». Мелкіе собственники не могутъ держаться и постепенно переходятъ въ работниковъ; землю скупаютъ капиталисты и перепродаютъ съ барышомъ; сельское населеніе мало-по-малу превращается въ бездомную массу батраковъ и пролетаріевъ, опасныхъ для государства. «Личная собственность, какъ и личное начало, есть начало движенія, прогресса, развитія; но оно становится началомъ гибели и разрушенія, разъѣдаетъ общественный организмъ, когда, въ крайнихъ своихъ послѣдствіяхъ, не будетъ умѣряемо и уравновѣшиваемо другимъ организующимъ началомъ общиннаго землевладѣнія». Община служитъ надежнымъ убѣжищемъ для людей неимущихъ, лишенныхъ иниціативы и энергіи; «въ этомъ затишьѣ будутъ выростать, посреди прочнаго семейнаго быта, живительнаго труда, подъ соломенною, но все же своею крышею, питаемыя хоть чернымъ и черствымъ, но все же какимъ-нибудь и притомъ своимъ кускомъ хлѣба, здоровыя, свободныя земледѣльческія и сельско-промышленныя поколѣнія; отсюда будутъ выдѣляться элементы, способные не потеряться въ водоворотѣ и случайностяхъ промышленной игры, уступая мѣсто тѣмъ, которые безъ такого пристанища были бы осуждены на безвыходное горе, отчаяніе и преступленія. Общинное владѣніе предназначено быть великимъ хранилищемъ народныхъ силъ, изъ котораго онѣ будутъ безпрерывно бить живой струей и въ которомъ будутъ безпрестанно обновляться для новой плодотворной дѣятельности». Современемъ прекратятся передѣлы мірской земли; черезполосицы и другія неудобства будутъ устранены, а мірское землевладѣніе останется «однимъ изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ элементовъ въ теперешнемъ и будущемъ устройствѣ земледѣльческаго класса въ Россіи». Кавелинъ кончаетъ свою статью краснорѣчивымъ призывомъ: «Дорожите, какъ зеницею ока, этимъ неразвитымъ еще, но драгоцѣннѣйшимъ залогомъ правильной соціальной организаціи. Беритесь за него съ крайнею осторожностью и не спѣшите преобразовать, пока не изучите всѣ его стороны, не вникнете глубоко въ его сокровенный смыслъ. Если гдѣ мѣстами смыслъ народный ослабѣлъ и не дорожитъ болѣе этою своею святыней и вѣрнымъ оплотомъ противъ будущихъ бѣдъ, поддержите его, закрѣпите закономъ на вѣчныя времена. Мало-по-малу оно перейдетъ въ личную пожизненную поземельную аренду, но храни насъ Боже, чтобы оно перешло въ личную собственность».

Эти слова Кавелина получили какъ бы пророческое значеніе: прошло почти сорокъ пять лѣтъ, и не смотря на сильное предубѣжденіе многихъ правительственныхъ дѣятелей и вліятельной части общества противъ поземельной общины, законодательство продолжаетъ ее поддерживать, и передовые представители «интеллигенціи» дѣйствительно дорожатъ ею, какъ зѣницею ока. Кавелинъ смотрѣлъ на общину нѣсколько иначе, чѣмъ другіе принципіальные ея защитники. «Я противъ индивидуальной личной собственности, какъ исключительной формы землевладѣнія,—писалъ онъ Герцену въ 1862 году;—я не противъ ея принципа, но рядомъ съ нею желаю общиннаго землевладѣнія, какъ ея корректива, какъ противовѣса противъ конкурренціи, которую она производитъ. Отсутствіе частной собственности, отмѣна ея, — есть величайшая нелѣпость, вѣрнѣйшій путь къ китаизму съ пожертвованіемъ начала индивидуальности и свободы. Да этого и сдѣлать невозможно. У насъ массы народа рвутся не къ общинному землевладѣнію, а къ личной собственности. Ту и другую форму нужно сохранить рядомъ, потому что онѣ дополняютъ одна другую». Болѣе подробно и столь же настойчиво высказывается Кавелинъ въ пользу общины въ 1876 году, въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Недѣлѣ». Разобравъ всѣ возраженія, приводимыя до сихъ поръ противъ общиннаго землевладѣнія, онъ приходитъ къ выводу, что ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ критики. «Самыя, повидимому, серьезныя—основаны на недоразумѣніи и приписываютъ общинному владѣнію то, что вытекаетъ совсѣмъ изъ другихъ причинъ; незнаніе же и непониманіе предмета и нашего крестьянскаго быта, неумѣнье серьезно вдумываться, привычка къ рутиннымъ заключеніямъ и разсужденіямъ по готовымъ шаблонамъ довершаютъ путаницу понятій». Въ книгѣ «Крестьянскій вопросъ», вышедшей въ 1881 году, авторъ даетъ точную практическую форму тѣмъ пожеланіямъ относительно общины, которыя выражены имъ еще въ 1859 году; онъ предлагаетъ для прочнаго устройства быта земледѣльческаго населенія «признать земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ, предоставивъ членамъ обществъ лишь право наслѣдственнаго владѣнія и пользованія этою землею, безъ права ее закладывать или какимъ-либо образомъ отчуждать на правахъ собственности»,—что̀ отчасти и осуществилось впослѣдствіи, съ изданіемъ законовъ о неотчуждаемости надѣльныхъ крестьянскихъ земель и объ ограниченіи мірскихъ передѣловъ. Идеи Кавелина объ общинномъ землевладѣніи имѣли громадное, можно сказать—руководящее вліяніе на умы всѣхъ интересующихся судьбами нашего крестьянства, хотя отдѣльные взгляды и предположенія его относительно поземельной собственности оспаривались и отвергались не безъ основанія.

Въ цѣнномъ и глубоко поучительномъ изслѣдованіи «о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ» Кавелинъ обращаетъ вниманіе на тотъ стихійный, элементарный фактъ, что крестьянство составляетъ у насъ подавляющее большинство населенія, что оно кладетъ свою печать на весь строй и бытъ нашего государства, и слѣдовательно должно служить предметомъ главнѣйшихъ нашихъ заботъ и національныхъ интересовъ, совершенно независимо отъ того, отвѣчаетъ ли оно нашимъ личнымъ симпатіямъ или нѣтъ. Центръ нашей національной жизни—въ крестьянствѣ, и потому крестьянскій вопросъ занимаетъ первое, центральное мѣсто въ ряду нашихъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ. «Не демократическій принципъ, которому у насъ нѣтъ мѣста, какъ и ари-

стократическому, а русскій національный интересъ, польза родины и государства, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, заставляютъ обратить всѣ помыслы, всѣ средства и усилія прежде всего на устройство, обезпеченіе и поднятіе у насъ крестьянства, такъ какъ отъ его матеріальнаго довольства, умственнаго развитія и нравственнаго состоянія больше всего зависитъ настоящее положеніе и будущія судьбы русскаго государства и русскаго народа. Бѣдны они,—и намъ никакъ не побогатѣть; живутъ они въ довольствѣ,—оно распространяется и на насъ. Чтобы улучшить наше общее положеніе, теперь крайне незавидное, надо работать внизу надъ положеніемъ народныхъ массъ. Безъ его улучшенія, все, что мы ни сдѣлаемъ, будетъ построено на пескѣ; первый вѣтеръ снесетъ какъ карточные домики все, надъ чѣмъ мы трудились, сколько бы живыхъ силъ, умѣнья, таланта и самоотверженія мы ни положили въ нашъ трудъ». Книга Кавелина о крестьянскомъ вопросѣ, по значенію собраннаго въ ней матеріала и важности излагаемыхъ въ ней мыслей, должна была бы служить настольною книгою для серьезныхъ правительственныхъ дѣятелей и журналистовъ, разсуждающихъ о задачахъ нашей внутренней политики по отношенію къ крестьянству и земледѣлію.

Ходъ крестьянскаго дѣла послѣ великой реформы не соотвѣтствовалъ восторженнымъ ожиданіямъ ея участниковъ, и горькое чувство разочарованія не могло не коснуться и Кавелина. «Едва успѣли Положенія 19 февраля стать закономъ,—говорилъ онъ на юбилейномъ обѣдѣ въ день двадцатой годовщины отмѣны крѣпостного права,—какъ духъ ихъ отлетѣлъ, и осталась одна буква; но и самая буква ихъ, гдѣ только было возможно, объяснялась въ ущербъ, а не въ пользу милліоновъ новыхъ русскихъ гражданъ; административная практика не стѣснялась и буквой, чтобы помѣшать имъ воспользоваться ихъ законнѣйшими правами. Учрежденія, созданныя въ 1861 году,—подъ давленіемъ самыхъ неблагопріятныхъ условій, зачахли и замерли; существенный ихъ смыслъ искаженъ. Постановленія и мѣропріятія, которыя хоть сколько нибудь ограждали и обезпечивали матеріальный бытъ крестьянъ, исчезли и не были замѣнены ничѣмъ соотвѣтствующимъ. Юридическая ихъ зависимость и административная надъ ними опека замѣнились столько-же безсердечнымъ, но еще гораздо худшимъ экономическимъ гнетомъ. О сближеніи интересовъ владѣльцевъ и крестьянъ нѣтъ и помину; они разъединились больше, чѣмъ когда-либо, и взаимныя ихъ отношенія замѣтно обостряются». Но предаваться разочарованію и унынію было несвойственно Кавелину, и въ тотъ-же день, 19 февраля 1881 года, онъ въ особой газетной статьѣ взываетъ къ доброй и свѣтлой вѣрѣ въ будущее: актъ освобожденія крестьянъ съ землею представляется ему «прологомъ къ новому періоду всемірной исторіи, еще скрытому отъ пытливаго глаза современныхъ людей». «Мы можемъ отнынѣ... съ гордостью сказать, что первые отперли дверь въ грядущее и уже занесли туда ногу. Въ этомъ грядущемъ наши историческія судьбы уже опредѣлились безповоротно и окончательно тѣмъ, что явленіе такого всемірнаго значенія впервые совершилось у насъ, и именно въ тотъ моментъ, когда Россія только что вышла изъ патріархальныхъ пеленъ, чтобы вступить въ условія гражданскаго существованія. Теперь она уже стала на рубежѣ новаго міра съ задатками на роль и значеніе, какихъ ей не сулилъ, въ своихъ самыхъ пламенныхъ патріотическихъ мечтахъ, величайшій изъ русскихъ людей, самъ Петръ, умѣвшій провидѣть впередъ на цѣлые вѣка. При этихъ мысляхъ сильнѣе бьется русское сердце, растутъ силы, родится вѣра, удвоивается готовность бодро служить родинѣ всѣмъ своимъ существомъ...» Таковъ былъ Кавелинъ, оптимистъ по натурѣ и убѣжденіямъ, неизмѣнно вѣрующій въ наступленіе великаго будущаго послѣ неудачнаго прошлаго и неутѣшительнаго настоящаго. Твердая вѣра въ великое призваніе русскаго народа и государства основывалась у него именно на тѣхъ особенностяхъ нашей исторіи и жизни, которыя онъ, полушутя, полусерьезно, обозначалъ общимъ понятіемъ «мужицкаго царства».

Считая крестьянство фундаментомъ всего государственнаго строя Россіи, Кавелинъ отвергалъ возможность введенія у насъ политическихъ учрежденій по западно-европейскому образцу. Народныя массы, темныя и бѣдныя, лишь недавно вышедшія изъ рабства, не могли бы служить основою для представительнаго правленія, а исключительно «дворянская конституція» по существу немыслима. Эту мысль онъ впервые развилъ въ брошюрѣ, напечатанной въ 1862 году подъ заглавіемъ: «Дворянство и освобожденіе крестьянъ». Дворянское сословіе не можетъ ставить себѣ политическія задачи, такъ какъ оно матеріально разстроено, по отношенію къ прочимъ классамъ стоитъ изолированно или враждебно, не представляетъ ничьихъ интересовъ, кромѣ своихъ собственныхъ, и не пользуется даже своими сословными правами и участіемъ въ мѣстномъ управленіи; поэтому мысль о конституціи есть «праздная мечта», отголосокъ раздраженія и страсти. Дворянство должно заняться положительною работою въ провинціи, чтобы сдѣлать мѣстную жизнь не только сносною, но и удобною и пріятною; а безплодныя мечтанія надо бросить. Рѣшимость высказать взглядъ, столь рѣзко противорѣчащій завѣтнымъ мечтаніямъ передовыхъ прогрессистовъ, дорого обошлась Кавелину: изъ-за этого порвались его близкія отношенія къ Герцену, и этотъ разрывъ былъ для Кавелина «однимъ изъ самыхъ тяжкихъ событій» въ его жизни.

Дружба съ Герценомъ или вѣрнѣе преклоненіе предъ нимъ занимаетъ крупное мѣсто въ личной біографіи Кавелина. «Двѣнадцать лѣтъ мы съ тобою не видались, Герценъ,—пишетъ онъ ему въ 1859 году,—а ты съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ играли самую большую роль въ моей жизни; вами я воспитался; мнѣ кажется, я могъ бы ощупать въ себѣ тѣ струны, которыя наложены каждымъ изъ васъ. Теперь ты у меня одинъ остался, и всю любовь, къ какой я только способенъ, я сосредоточилъ на тебѣ,—не ту любовь, которою мы любимъ великихъ и знаменитыхъ людей, а любовь личную, обнимающую всего человѣка, какъ онъ есть, со всѣми его сторонами. Что къ этой любви примѣшивается и благоговѣніе—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я не могу любить тебя какъ совершенно равнаго, потому что преклоняюсь предъ тобою и вижу въ тебѣ великаго человѣка» Герценъ отнесся крайне сурово къ идеямъ Кавелина о «безплодныхъ мечтахъ» и практическихъ задачахъ дворянства; онъ заподозрилъ въ этомъ какой-то поворотъ въ духѣ политическаго оппортунизма. «Ты ставишь вопросъ очень просто,—отвѣчаетъ Кавелинъ на его письмо въ маѣ 1862 года:—мнѣ остается выборъ между тобою или моими мнѣніями. Середины нѣтъ. Послѣ Грановскаго я никого такъ не любилъ, какъ тебя; да и при Грановскомъ я тебя любилъ не меньше его. За мнѣнія свои я отдалъ всего себя, и отдаю всего теперь, хотя врагамъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ прежде. Горько мнѣ разставаться съ тобою, но дѣлать нечего. Какъ я писалъ, такъ я и думаю, больше чѣмъ когда нибудь». И въ теченіе многихъ лѣтъ, въ цѣломъ рядѣ содержательныхъ и интересныхъ брошюръ и записокъ, вошедшихъ въ полное собраніе сочиненій Кавелина (изд. 1898 г.),

проводится тотъ-же взглядъ о невозможности и нежелательности у насъ конституціи въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно доказывается необходимость широкихъ общественныхъ реформъ, какъ единственнаго способа живого, довѣрчиваго общенія между властью и народомъ.

Не надо забывать, что кромѣ Бѣлинскаго, Грановскаго и Герцена, на міросозерцаніе Кавелина вліяли и славянофилы— Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскіе; эти разнородные элементы переработались и слились въ гармоническое цѣлое въ живой личности Кавелина, необыкновенно искренняго, неутомимо дѣйствующаго идеалиста, для котораго всѣ неурядицы и бѣдствія общественной и государственной жизни объясняются лишь недоразумѣніями: стоитъ только разъяснить ихъ властвующимъ лицамъ и обществу, и жизнь пойдетъ по другому, правильному, разумному пути. И всю жизнь Кавелинъ неустанно, съ бодрой вѣрой, воевалъ съ недоразумѣніями въ разныхъ областяхъ практической и научной дѣятельности, надѣясь ускорить такимъ образомъ неминуемое торжество правды. Его жажда полезной общественной работы не находила удовлетворенія, но его труды останутся долговѣчнымъ памятникомъ одного изъ благороднѣйшихъ умовъ и характеровъ, выдвинутыхъ русскою жизнью въ истекшемъ столѣтіи.

Александръ Ивановичъ ГЕРЦЕНЪ.

А. К. Бороздина.

ОМНО и однообразно шло для меня время въ странномъ аббатствѣ родительскаго дома. Не было мнѣ ни поощреній, ни разсѣяній, отецъ мой былъ почти всегда мною недоволенъ, онъ баловалъ меня только лѣтъ до десяти; товарищей не было, учителя приходили и уходили, и я украдкой убѣгалъ, провожая ихъ на дворъ, поиграть съ дворовыми мальчиками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большимъ почернѣлымъ комнатамъ съ закрытыми окнами днемъ, едва освѣщенными вечеромъ, ничего не дѣлая или читая всякую всячину. Передняя и дѣвичья составляли единственное живое удовольствіе, которое у меня оставалось. Тутъ мнѣ было совершенное раздолье, я бралъ партію однихъ противъ другихъ, судилъ и рядилъ вмѣстѣ съ моими пріятелями ихъ дѣла, зналъ всѣ ихъ секреты и никогда не проболтался въ гостиной о тайнахъ передней».

Такъ представляетъ А. И. Герценъ возникновеніе своихъ симпатій къ крѣпостному, дворовому люду. Одинокій, рано развившійся и потому больнѣе чувствовавшій свое одиночество въ суровой домашней обстановкѣ, ребенокъ привязался къ крѣпостнымъ людямъ чисто инстинктивно, встрѣчая съ ихъ стороны нѣжность и ласку, которыхъ требовала его дѣтская природа. Въ нихъ онъ сразу привыкъ видѣть людей, научился ихъ цѣнить, входить въ ихъ интересы, понимать ихъ радость и горе. Ни отецъ Герцена, ни дядя-сенаторъ не были жестокими господами, они «не тѣснили физически» своихъ дворовыхъ, тѣмъ не менѣе для ребенка не проходили безслѣдно проявленія помѣщичьей власти въ отношеніи тѣхъ людей, къ которымъ у него развилось чувство привязанности и симпатіи. «Тѣлесныя наказанія, разсказываетъ онъ, были почти неизвѣстны въ нашемъ домѣ и два-три случая, въ которые Сенаторъ и мой отецъ прибѣгали къ гнусному средству «частнаго дома», были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того они были вызываемы значительными проступками. Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты, наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей; безъ роду, безъ племени они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели двадцать лѣтъ тянуть лямку. На меня сильно дѣйствовали эти страшныя сцены. .. являлись два полицейскіе солдата по зову помѣщика, они воровски, невзначай, въ расплохъ брали назначеннаго человѣка; староста обыкновенно тутъ объявлялъ, что баринъ съ вечера приказалъ отправить его въ присутствіе, и человѣкъ сквозь слезы куражился, женщины плакали, всѣ давали подарки, и я отдавалъ все, что могъ, т.-е. какой-нибудь двугривенный, шейный платокъ. Помню я еще, какъ какому-то старостѣ за то, что онъ истратилъ собранный оброкъ, отецъ мой велѣлъ обрить бороду. Я ничего не понималъ въ этомъ наказаніи, но меня поразилъ видъ старика лѣтъ шестидесяти; онъ плакалъ навзрыдъ, кланялся въ землю и просилъ наложить на него, сверхъ оброка, сто цѣлковыхъ штрафу, но помиловать отъ безчестья». Врѣзались въ память мальчика два эпизода, особенно ярко представлявшіе ненормальность крѣпостныхъ отношеній: гибель отъ пьянства отличнаго, трудолюбиваго повара, котораго Сенаторъ ни за что не пожелалъ отпустить на волю, и самоубійство несчастнаго молодого врача изъ крѣпостныхъ, Толочанова. Поневолѣ приходилось задумываться надъ подобными фактами, и, какъ впослѣдствіи вспоминалъ Герценъ, на него передняя не сдѣлала никакого дѣйствительно дурного вліянія. «Напротивъ, она съ раннихъ лѣтъ развила во мнѣ непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу. Бывало, когда я еще былъ ребенкомъ, Вѣра Артамоновна (няня), желая меня сильно обидѣть за какую-нибудь шалость, говорила мнѣ: «Дайте срокъ, выростете, такой же баринъ будете, какъ другіе». Меня это ужасно оскорбляло».

Усвоивъ себѣ подобное настроеніе въ раннихъ дѣтскихъ лѣтахъ, Герценъ не только не измѣняетъ ему впослѣдствіи, но даже, подъ вліяніемъ гнетущей обстановки той эпохи, еще болѣе въ немъ утверждается: настроеніе становится глубокимъ убѣжденіемъ, отражающимся во всей будущей литературной дѣятельности Герцена; онъ, можно сказать, такъ же, какъ и Тургеневъ, но значительно ранѣе его, даетъ Аннибаловскую клятву бороться противъ наиболѣе яркаго зла тогдашней русской жизни, противъ крѣпостного права. Уже въ 1846 г. пишется повѣсть «Сорока-Воровка», въ которой прекрасно представлена одна изъ пагубныхъ сторонъ безправнаго положенія крестьянина, тотъ контрастъ между состояніемъ раба и сознаніемъ собственнаго

достоинства, который естественно возникалъ для каждаго крѣпостного, образованіемъ поставленнаго выше своей среды. Тема эта затрагивалась и раньше другими писателями, но въ повѣсти Герцена являлось въ высшей степени драматическое освѣщеніе вопроса, такъ что повѣсть должна была обращать на себя общее вниманіе: молодая, рѣдко талантливая актриса изъ крѣпостныхъ гибнетъ потому, что остается равнодушной къ ухаживаніямъ деспота-барина, и невольно въ читателѣ возбуждается состраданіе къ загубленной жизни человѣка, которому при другихъ условіяхъ открылась бы блестящая артистическая карьера, невольно рождается горькое раздумье по поводу ненормальнаго положенія, приводящаго къ такимъ трагическимъ послѣдстіямъ.

Покинувъ отечество и начавши открыто обличать разныя неустройства тогдашней русской жизни, Герценъ очень скоро обратился снова къ тому же крестьянскому вопросу. Въ 1853 г. онъ печатаетъ «отрывокъ изъ былого и думъ» подъ заглавіемъ «Крещеная собственность». Характеризуя различіе города и села на Западѣ, Герценъ замѣчаетъ: «Мы, совсѣмъ напротивъ, государство сельское, наши города—большія деревни, тотъ же народъ живетъ въ селахъ и городахъ; разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими нѣмцами. У насъ пѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ, ни раздробленія полей въ частную собственность, ни сельскаго пролетаріата; крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ, онъ вѣчно на міру и съ міромъ, коммунизмъ его общиннаго устройства, его деревенское самоуправленіе дѣлаютъ его сообщительнымъ и развязнымъ. При всемъ томъ, половина нашего сельскаго населенія гораздо несчастнѣе западнаго, мы встрѣчаемъ въ деревняхъ людей сумрачныхъ, печальныхъ, людей, которые тяжело и невесело пьютъ зеленое вино, у которыхъ подавленъ разгульный славянскій нравъ, на ихъ сердцѣ очевидно лежитъ тяжкое горе. Это горе, это несчастіе—крѣпостное право. Сельскій пролетарій и крѣпостной мужикъ—два страшныхъ обличителя двухъ страшныхъ неправдъ нашего времени...». Затѣмъ представивъ въ краткомъ очеркѣ процессъ установленія крѣпостного права въ Россіи, Герценъ доказываетъ, что правительство можетъ «безъ сильнаго и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею». Иного освобожденія, какъ съ землей и съ сохраненіемъ общиннаго устройства, и быть не должно, такъ какъ освобожденіе безъ земли поведетъ къ созданію колоссальнаго сельскаго пролетаріата и къ установленію такихъ же ужасныхъ отношеній, какія существуютъ въ Ирландіи. «Русскіе, говорящіе легко о разрушеніи сельской общины, замѣчаетъ Герценъ, никогда не думали, что же станется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится». Безсмысленно разрушать общину «въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству». Община способна къ развитію, какъ это обнаруживается въ артеляхъ и въ казачествѣ, а потому нечего бояться, чтобы она не поглотила личности и не оказалась несовмѣстной съ развитіемъ индивидуума: община въ самой себѣ найдетъ средства къ устраненію этого недостатка. «Міръ западный, говоритъ Герценъ, утратилъ свое общинное устройство; хлѣбопашцы и несобственники были принесены на жертву развитія меньшинства; за то развитіе дворянства и горожанъ было велико и богато. Оно имѣло рыцарство съ его высокимъ понятіемъ независимой личности и среднее состояніе съ его непреклонной идеей права, оно имѣло искусство и литературу, науку и промышленность, наконецъ реформацію и революцію. Одна Россія, эта падчерица, эта Сандрильона между народами европейскими не имѣла никакой доли въ пріобрѣтеніяхъ и побѣдахъ своихъ сосѣдей. Народъ русскій такъ же мало былъ способенъ къ торжественному западному развитію трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ къ крестовымъ походамъ, какъ къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ, какъ къ римскому праву и германскому формализму. Народъ русскій ничего не пріобрѣлъ со временъ Владиміра и кіевскаго періода, — онъ сохранилъ только свою незамѣтную, скромную общину, т. е. владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братскій раздѣлъ полей по числу работниковъ и собственное мірское управленіе своими дѣлами. Вотъ и все приданое Сандрильоны, зачѣмъ же отнимать послѣднее...».

Такъ устанавливается программа разрѣшенія крестьянскаго вопроса, выражаемая въ краткой формулѣ: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ сохраненіемъ общины. Эта программа развивается въ подробностяхъ и примѣняется къ практическимъ соображеніямъ въ дальнѣйшихъ статьяхъ и изданіяхъ Герцена. Вопросъ крестьянскій есть центральный вопросъ и въ «Полярной Звѣздѣ» и въ «Голосахъ изъ Россіи», и онъ же становится на первый планъ и въ «Колоколѣ». Въ программѣ «Колокола», въ его первомъ номерѣ (1857 г.) указаны три задачи, поставленныя редакціей: 1) освобожденіе слова—отъ цензуры, 2) освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ и 3) освобожденіе податного состоянія—отъ побоевъ, т. е. отъ тѣлесныхъ наказаній. Уже въ слѣдующемъ № по поводу словъ императора Александра II къ московскому дворянству «лучше, чтобы эти перемѣны сдѣлались сверху—нежели снизу»,—Герценъ писалъ: «Мы не только наканунѣ переворота, но мы вошли въ него. Необходимость и общественное мнѣніе увлекли правительство въ новую фазу развитія, перемѣнъ, прогресса. Общество и правительство натолкнулись на вопросы, которые вдругъ получили права гражданства, стали неотлагаемы». Однако тотъ переворотъ, о которомъ сказано въ началѣ статьи, совсѣмъ не долженъ быть революціей, и нѣтъ нужды обращаться къ кровавымъ потрясеніямъ. «Имѣя власть въ рукахъ и опираясь съ одной стороны на народъ, съ другой—на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство могло бы сдѣлать чудеса, безъ малѣйшей опасности для себя. Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣетъ ни одинъ монархъ въ Европѣ».

«Великія событія», въ которыхъ выражался мирный переворотъ въ русской жизни, слѣдовали быстро одно за другимъ, такъ что уже черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ первыхъ статей, «Колоколъ» на 1858 г. начинался заголовкомъ «Освобожденіе крестьянъ» и статьей Н. П. Огарева съ «привѣтствіемъ» императору Александру II «за начало освобожденія крѣпостного состоянія». Уже были обнародованы знаменитые рескрипты виленскому и с.-петербургскому генералъ-губернаторамъ, рескрипты, которыми началась достопамятная реформа, и Огаревъ выражалъ убѣжденіе, что государь «не равнодушно приметъ горячее привѣтствіе свободныхъ людей русскихъ—царю, уничтожающему рабство». Еще ярче высказано сочувствіе начинавшейся реформѣ въ знаменитой статьѣ Герцена въ № «Колокола» отъ 15 февраля 1858 г. «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!—восклицалъ Герценъ.—«И намъ легко это сказать потому, что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшано ни самолюбіе, ни личность. Мы боролись изъ дѣла; кто его сдѣлалъ, тому и честь... Съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ его хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось... Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ

исторіи; если бы его царствованіе завтра окончилось, еслибъ онъ палъ подъ ударами какихъ нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ—все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ... Что касается до насъ—нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ, что освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ живой голосъ, и какъ бы нашъ колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ, что мы убѣждены, что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію—но также сильно любятъ и свободу, которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждутъ, ничего не просятъ. Но ничего не прося, они желали бы, чтобъ Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость—но не враговъ! Они потому этого хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе освободителя крестьянъ! Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Съ этого времени въ каждомъ номерѣ «Колокола» мы находимъ статьи по крестьянскому вопросу: частью это сообщенія изъ Россіи о ходѣ реформы, о дѣйствіяхъ помѣщиковъ, частью критическія обозрѣнія Огарева, посвященныя работамъ редакціонныхъ коммиссій и главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, частью передовыя статьи самого Герцена. По объему гораздо болѣе мѣста занимаютъ статьи Огарева, въ нихъ разсматривается дѣло въ мельчайшихъ подробностяхъ, но въ статьяхъ Герцена мы видимъ главныя начала, которыми руководится редакція «Колокола»: они-то и составляютъ основаніе для всѣхъ пространныхъ и обстоятельныхъ разсужденій Огарева и другихъ единомышленниковъ Герцена. Вопросъ разрѣшался въ подробностяхъ по той же программѣ, которая въ общемъ намѣчена была Герценомъ въ очеркѣ «Крещеная собственность», т. е. Герценъ продолжалъ настаивать на земельномъ надѣлѣ для крестьянъ и на сохраненіи сельской общины. Но рядомъ возникали нѣкоторые новые вопросы, которыхъ ранѣе при чисто теоретическомъ обсужденіи нельзя было предвидѣть и которые выдвигались самой жизнью, были подняты и въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Это были вопросы о размѣрѣ надѣла, о размѣрѣ и способахъ выкупа, о такъ называемомъ срочно-обязанномъ состояніи, о переходномъ періодѣ отъ крѣпостного права къ свободѣ крестьянъ, объ опредѣленіи отношеній освобождаемыхъ крестьянъ къ ихъ прежнимъ помѣщикамъ, къ государству. Всѣ эти частности, при ближайшемъ обсужденіи, представлялись далеко не маловажными: сильная, хотя и глухая оппозиція освободительнымъ стремленіямъ императора Александра II обнаруживалась во всемъ помѣстномъ дворянствѣ, въ которомъ только незначительное меньшинство искренно и безкорыстно готово было отказаться отъ своихъ привилегій; то же противодѣйствіе реформа встрѣчала и среди ближайшихъ сотрудниковъ государя, выставлявшихъ ее то какъ вопіющее нарушеніе собственности помѣщиковъ, то какъ подготовку къ кровавому бунту. Все это не могло не отражаться на самомъ ходѣ предпринятаго великаго дѣла, то замедляя его, то давая ему направленіе нежелательное и даже несогласное съ волею государя. Защитникамъ освобожденія казалось, что и самъ государь колеблется въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи, и это вело къ горькимъ сѣтованіямъ съ ихъ стороны. Съ подобными сѣтованіями мы встрѣчаемся и въ «Колоколѣ», но слѣдуетъ сказать, что они сравнительно рѣдки, и напротивъ, Герценъ чаще всего высказываетъ увѣренность, что Государь не измѣнитъ разъ высказанныхъ намѣреній, что освобожденіе произойдетъ именно въ той формѣ, какая представляется наиболѣе желательной, причемъ размѣръ надѣла не будетъ до крайности урѣзанъ и выкупъ произойдетъ какъ можно легче для крестьянъ. Это сочувствіе ярко высказалось и въ той статьѣ, которая посвящена послѣднему моменту въ исторіи работъ по упраздненію крѣпостного права, манифесту 19 февраля 1861 г. «Александръ II, восклицалъ Герценъ, сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ—и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ освободителя!»

Однако манифестомъ дѣло еще не было закончено, предстояло привести въ исполненіе Высочайшую волю, и въ этомъ періодѣ крестьянскаго дѣла обнаружились съ одной стороны недостатки «Положенія», а съ другой — неумѣлость мѣстныхъ властей. Извѣстны печальные эпизоды, сопровождавшіе введеніе реформы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи... Эти факты не могли не возбуждать горькаго чувства, и Герценъ не разъ останавливался на нихъ... Однако главная цѣль, которую онъ выставлялъ въ «Колоколѣ», была достигнута, сдѣланъ былъ первый, самый важный шагъ, слѣдовало ждать и дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же направленіи...

Присматриваясь къ настроенію русской интеллигенціи того времени, легко замѣтить, что желанія Герцена, конечно, не были чѣмъ либо исключительнымъ. Если оставить въ сторонѣ (правда, очень значительную и энергичную въ своемъ противодѣйствіи реформѣ) партію крѣпостниковъ, то окажется, что Герценъ и Огаревъ были выразителями того стремленія, которымъ было одушевлено все образованное русское общество: и славянофилы, и тѣ западники, которые сгруппировались въ редакціи «Современника», пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ на всю читающую Россію, и даже «Русскій Вѣстникъ» того времени, всѣ вслѣдъ за правительствомъ шли къ упраздненію крѣпостного права. Выражать это стремленіе въ совершенно свободныхъ формахъ, не стѣсняясь цензурными условіями, выпало на долю Герцена, и это счастливое обстоятельство, въ соединеніи съ громаднымъ литературнымъ талантомъ нашего публициста, придавало его слову необычайную силу. «Колоколъ» оказался въ положеніи необычайномъ: запрещенный журналъ эмигранта, объявленнаго государственнымъ преступникомъ, былъ выписанъ для руководства членовъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу. Правительство такимъ образомъ само признавало значеніе этого заграничнаго органа русской мысли; что же касается общественныхъ круговъ, то въ нихъ вліяніе «Колокола» было безпримѣрно: Герценъ повсюду имѣлъ въ Россіи корреспондентовъ, обличавшихъ крѣпостническія тенденціи; обличаемые считали необходимымъ оправдываться, иногда даже рискуя своимъ служебнымъ положеніемъ. Важнѣе всего однако, что призывъ «Vivos voco», бывшій девизомъ «Колокола», увлекъ за собой огромное большинство выступавшаго на общественную арену интеллигентнаго молодого поколѣнія.

Николай Алексѣевичъ НЕКРАСОВЪ.

К. К. Арсеньева.

ОДНОВРЕМЕННО съ Григоровичемъ, раньше Тургенева ноту негодующей скорби, вызываемой крѣпостнымъ правомъ, внесъ въ нашу изящную литературу Некрасовъ. И это понятно: ближе, чѣмъ его сверстники, онъ присмотрѣлся къ тому, что дѣлалось тогда въ крѣпостной деревнѣ. Много тяжелаго и отвратительнаго видѣлъ, въ своемъ Спасскомъ, и Тургеневъ, но обстановка богатаго, аристократическаго дома меньше придвигала къ подвластному населенію, чѣмъ усадьба помѣщика средней руки, облеченнаго, въ добавокъ, полицейскою властью. Протестъ противъ гнета тѣмъ раньше и тѣмъ сильнѣе долженъ былъ вспыхнуть въ сердцѣ Некрасова, что его жертвой, вмѣстѣ съ крестьянами и дворовыми, была его нѣжно любимая мать. Почти полвѣка спустя онъ съ горечью вспоминалъ, что она «не могла голодному дать хлѣба, не могла свободы дать рабу»; но его утѣшала мысль, что благодаря ей, «лишній разъ не сжало чувство страха души раба», лишній разъ «изъ трепета и праха онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ». Благодаря ей, юноша, «рано научившійся ненавидѣть», рано научился и любить—и его любовь къ забитому и униженному народу сдѣлалась источникомъ «необузданной вражды» къ крѣпостному гнету. Съ невеселымъ русскимъ пейзажемъ для него слилось представленіе о «суровой средѣ, гдѣ поколѣнія людей живутъ и гибнутъ безъ слѣда»—о той средѣ, судьба которой исчерпывается словами: «за крошку хлѣба капля пота». Все свидѣтельствуетъ о томъ, что неизгладимыя впечатлѣнія дѣтства и отрочества послужили основой для настроенія, которому Некрасовъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ. Его укрѣпила атмосфера сороковыхъ годовъ, углубило вліяніе «учителей», о которыхъ поэтъ такъ тепло говоритъ въ «Медвѣжьей охотѣ»; но начало ему было положено тамъ, «на Волгѣ», «въ сторонѣ отъ большихъ городовъ, посреди безконечныхъ луговъ».

Чрезвычайно характерно, что въ числѣ самыхъ раннихъ произведеній Некрасова—если не считать полу-ребяческихъ стихотвореній, вошедшихъ въ составъ сборника: «Мечты и Звуки»,—есть уже нѣсколько такихъ, которыя болѣе или менѣе прямо направлены противъ крѣпостного права. Въ 1846 г. имъ написаны (а отчасти и напечатаны): «Въ дорогѣ», «Псовая охота» и «Родина». Не даромъ первая изъ этихъ пьесъ возбудила восторгъ Бѣлинскаго, который именно за нее провозгласилъ Некрасова «истиннымъ поэтомъ». За неравнымъ бракомъ, мучительнымъ и для жены, и для мужа, виднѣется здѣсь призракъ той произвольной власти, въ силу которой человѣкъ могъ распоряжаться человѣкомъ какъ вещью. Жена ямщика, Груша—очевидно незаконная дочь своего бывшаго помѣщика; онъ воспиталъ ее вмѣстѣ съ своей семьей, вырвалъ ее изъ среды, къ которой она формально принадлежала, но оставилъ ее безправной рабой, беззащитной и безпомощной передъ новымъ владѣльцемъ. «Согрубила» ли она молодому барину, «али на просто тѣсно вмѣстѣ жить показалось въ дому»—какъ бы то ни было, она очутилась опять на селѣ: «знай-де мѣсто свое, ты мужичка!» Вскорѣ ее постигла обычная участь тогдашней крестьянки: ее выдали замужъ за того, кому была очередь жениться. На этой будничной, прозаической почвѣ завязывается настоящая драма, ярко просвѣчивающая сквозь наивный разсказъ ямщика. Онъ недоумѣваетъ, почему жена его худѣетъ, блѣднѣетъ, приближается къ гробу. «Видитъ Богъ», восклицаетъ онъ «не томилъ я ее безустанной работой... Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ, а, слышь, бить—такъ почти не бивалъ, развѣ только подъ пьяную руку». Въ будущемъ виднѣется, въ добавокъ, третья жертва помѣщичьяго самовластія—сынъ несчастной четы, котораго мать «учитъ грамотѣ, моетъ, стрижетъ, словно барченка каждый день чешетъ», не бьетъ и бить не даетъ... «да не долго пострѣла потѣшитъ». Позднѣйшіе критики (Ап. Григорьевъ, Эдельсонъ) спорили о томъ, выдержанъ ли здѣсь характеръ и тонъ мужицкой рѣчи. Бѣлинскаго едва ли интересовалъ этотъ вопросъ: для него важно было то, что Некрасовъ приподнялъ уголокъ завѣсы, за которой скрывались ужасы тогдашней русской дѣйствительности. Это удалось только благодаря поэтической формѣ: прямо заговорить объ одномъ изъ самыхъ вопіющихъ результатовъ помѣщичьей власти въ 1846-мъ году было немыслимо.

Еще безпощаднѣе приговоръ надъ крѣпостнымъ правомъ, заключающійся въ стихотвореніи: «Родина». Появиться въ печати оно могло только въ первомъ изданіи стихотвореній Некрасова, вышедшемъ въ 1856 г. (т. е. всетаки за нѣсколько лѣтъ до освобожденія крестьянъ), да и то подъ прикрытіемъ имени Ларры (испанскаго сатирика, которому, по той же причинѣ, Некрасовъ приписалъ нѣсколько другихъ своихъ произведеній); но уже вслѣдъ за написаніемъ оно ходило по рукамъ, и восхищенный имъ Бѣлинскій, выучивъ его наизусть, послалъ его своимъ московскимъ друзьямъ. Въ желѣзныхъ, по истинѣ, стихахъ, «облитыхъ горечью и злостью», изображена одна изъ многихъ помѣщичьихъ усадьбъ, гдѣ жизнь хозяина

Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства,
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ *)
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

---

*) Первоначально слово: рабовъ было замѣнено по цензурнымъ соображеніямъ словомъ: людей, а слова: «послѣднихъ барскихъ псовъ» - словами: «собакъ и лошадей».

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!..

Н. Некрасовъ

Элементъ личныхъ воспоминаній слышится и въ содержаніи пьесы, и въ ея патетическомъ тонѣ. Поэтъ не щадитъ и самого себя:

Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я...
Гдѣ отъ души моей, довременно растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный—

но именно въ его неумолимой строгости чувствуется вся глубина и полнота разрыва съ ненавистнымъ прошлымъ. «Родина»—это могильный памятникъ надъ крѣпостничествомъ, это заранѣе данный отвѣтъ на ретроспективную идеализацію, пытающуюся оживить еще заживо истлѣвшаго покойника.

Слабое, сравнительно, впечатлѣніе производитъ «Псовая охота», но и въ ней, за техническими деталями, виднѣются кое-какія некрасивыя черты крѣпостного быта. При звукахъ охотничьяго рога, въ который трубитъ помѣщикъ, вздрагиваютъ сонные Ваньки и Фильки, вздрагиваютъ «всѣ—до грудного мальчишки». У слугъ «хоть и худеньки подошвы, да въ сертукахъ за то желтыя прошвы; хоть съ толокна животы подвело, да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло». На жалобы пастуха, у котораго охотничьи собаки загрызли барашка, баринъ отвѣчаетъ приказаньемъ молчать и взмахами арапника... Прямѣе въ цѣль бьетъ одна строфа стихотворенія: «Нравственный человѣкъ», по поводу котораго Бѣлинскій воскликнулъ: «что за талантъ у Некрасова и что за топоръ этотъ талантъ!» Пропущенная цензурой и при первоначальномъ появленіи (въ «Современникѣ» 1847 г.), и въ первомъ изданіи стихотвореній, она не была дозволена къ печати во второмъ изданіи (1861-го года), хотя и совпавшемъ по времени съ манифестомъ 19-го февраля.

Крестьянина я отдалъ въ повара:
Онъ удался: хорошій поваръ—счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имѣлъ: любилъ читать и разсуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посѣкъ его, каналью.
Онъ взялъ да утопился: дурь нашла!

Въ этой пьесѣ поэту удалось, въ эпоху безмятежнаго процвѣтанія крѣпостного права, заклеймить не только одно изъ самыхъ гнусныхъ его проявленій, ужасныхъ именно потому, что они случались ежедневно и проходили незамѣченными,—но и весь комплексъ воззрѣній, выросшихъ на крѣпостной почвѣ и охватившихъ самыя различныя стороны жизни. Воспитанный крѣпостною моралью, «нравственный человѣкъ» попираетъ ногами не только достоинство своего раба, но и честь жены, счастье дочери, благосостояніе пріятеля—и съ своеобразной искренностью, еще худшей, чѣмъ лицемѣріе, продолжаетъ увѣрять другихъ и самого себя, что «никому не сдѣлалъ въ жизни зла». Нѣтъ ли и теперь, по прошествіи полувѣка, такихъ «нравственныхъ людей», и не коренится ли ихъ «строгая мораль» въ преданіяхъ давно минувшей эпохи?

Конецъ сороковыхъ годовъ и начало пятидесятыхъ не благопріятствовали даже сдержаннымъ указаніямъ на главное зло, отъ котораго страдала Россія. Только по миновеніи этой мрачной эпохи Некрасовъ могъ опять коснуться своей завѣтной темы. Въ 1856 г. появляются «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго», исключенные цензурой изъ слѣдующаго (второго) изданія стихотвореній Некрасова. Иронія, которою мастерски владѣетъ поэтъ, празднуетъ здѣсь такую же побѣду, какъ и въ «Нравственномъ человѣкѣ».

Подобно муравью трудолюбивъ мужикъ.
Ни грубости ихъ рукъ, ни лицамъ загорѣлымъ
Я больше не дивлюсь: я видѣть ихъ привыкъ
Въ работахъ полевыхъ чуть не по суткамъ цѣлымъ.
Не только мужики здѣсь преданы труду,
Но даже дѣти ихъ, беременныя бабы,
Всѣ терпятъ общую, по ихъ словамъ, страду
И грустно видѣть, какъ иныя блѣдны, слабы!
Я думаю, земель избытокъ и лѣсовъ
Способствуетъ къ труду всегдашней ихъ охотѣ,
Но должно бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество къ работѣ.
Не такова ли цѣль—въ нѣмецкихъ сертукахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?
Нагайки у иныхъ замѣтилъ я въ рукахъ...
Какъ быть! не вразумить ихъ средствами другими.
Натуры грубыя!..

«Дворянскій гоноръ» графа возмущаютъ разсказы о помѣщикахъ-лиходѣяхъ, объ управляющихъ-живодерахъ; онъ отказывается имъ вѣрить, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько они касаются «развитыхъ людей, которые глядятъ прилично на предметы». Его собственныя наблюденія—изъ окна кареты,—внушаютъ ему увѣренность, что «бытъ крестьянина отъ нищеты далекъ». Къ тому же заключенію ведетъ его и отвѣтъ его собственныхъ крестьянъ на вопросъ, заданный имъ съ балкона: «довольны всѣмъ!» «Бекаса подстрѣливъ въ наслѣдственныхъ болотахъ», онъ поѣхалъ дальше. «Я мало съ ними былъ»—такъ резюмируетъ онъ впечатлѣніе, которое произвели на него крестьяне,—«но видѣлъ, что мужикъ свободно ѣлъ и пилъ, плясалъ и пѣсни пѣлъ; а нѣмецъ-управитель казался между нихъ отецъ и покровитель».

Кромѣ пути, избраннаго графомъ Гаранскимъ — изученія крестьянъ съ высоты птичьяго полета,—для помѣщиковъ, не желавшихъ видѣть очевидное, существовалъ другой, еще вѣрнѣе приводившій къ душевному спокойствію: систематическій абсентеизмъ. Классическимъ его памятникомъ остается стихотвореніе: «Забытая деревня», написанное нѣсколько позже, чѣмъ «Отрывки изъ записокъ графа Гаранскаго», но появившееся въ печати въ томъ же 1856-мъ году. Въ удивительно сжатой и рельефной формѣ изображены здѣсь напрасныя ожиданія крестьянъ, изнемогающихъ подъ игомъ бурмистра и главнаго управителя. «Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ»—твердятъ они неустанно; но «барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ».

Наконецъ однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги;
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою коляску—и уѣхалъ въ Питеръ.

Рядомъ съ помѣщикомъ намѣренно близорукимъ и помѣщикомъ вѣчно отсутствующимъ стоитъ у Некрасова еще третій типъ, затронутый, впрочемъ, только мимоходомъ. У Решетилова («Самодовольныхъ болтуновъ», 1856) были хороши «начальные порывы», но долго не было возможности осуществить ихъ; его «благіе помыслы спали, какъ дремлютъ подо льдомъ упругимъ рѣчныя вольныя струи». Наконецъ онъ сталъ властелиномъ богатой вотчины. Въѣзжая въ нее, онъ «поблѣднѣлъ необычайно, и долго, долго думалъ онъ... Потомъ—вступилъ онъ во владѣнье; вопросъ отложенъ и забытъ». Таковъ, въ тѣ времена, нерѣдко бывалъ удѣлъ мечты, когда ей предстояло перейти въ дѣйствительность. Надежда на «благіе порывы» помѣщиковъ оказывалась, сплошь и рядомъ столь же тщетной, какъ и надежда на «пріѣздъ барина».

Какъ горячо Некрасовъ, именно въ это время, принималъ къ сердцу всю неправду и весь трагизмъ крѣпостного строя — это видно изъ небольшого стихотворенія «На родинѣ» (1855):

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
Родимыхъ нивъ—
Цвѣтутъ, ростутъ колосья наливные,
А я чуть живъ!
Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами *),
Нейдетъ мнѣ въ прокъ!

Въ необыкновенно глубокой, трогательной формѣ сочувствіе поэта къ народу выразилось въ поэмѣ: «Тишина» (1857).

Храмъ воздыханья, храмъ печали,
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ.

Войдя въ деревенскую церковь, поэтъ молитъ, чтобы его простилъ

«Богъ угнетенныхъ»,—Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ,

тѣхъ поколѣній, которыя «безъ наслажденія живутъ, безъ сожалѣнья умираютъ».

Параллель къ этой дивной страницѣ можно найти только въ томъ мѣстѣ «Пошехонской старины», гдѣ такъ ярко изображено значеніе вѣры и храма для порабощеннаго человѣка. «Пускай вериги рабства»,—восклицаетъ Салтыковъ,—«съ каждымъ часомъ все глубже и глубже впиваются въ его изможденное тѣло—онъ вѣритъ, что злосчастіе его не безсрочно.. Да, цѣпи рабства падутъ, явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма! Ежели не жизнь, то смерть совершитъ это чудо. Недаромъ у подножія храма, въ которомъ онъ молится, находится сельское кладбище, гдѣ сложили кости его отцы. И они молились тою же безсловной молитвой, и они вѣрили въ то же чудо. И чудо совершилось: пришла смерть и возвѣстила имъ свободу. Въ свою очередь она придетъ и къ нему, вѣрующему сыну вѣровавшихъ отцовъ, и, свободному, дастъ крылья, чтобы летѣть въ царство свободы, на встрѣчу свободнымъ отцамъ».

По мѣрѣ того, какъ приближается минута освобожденія, въ стихотвореніяхъ Некрасова начинаетъ появляться чуждая имъ прежде бодрая нота. Она звучитъ, напримѣръ, въ «Знахаркѣ» (1860 г.), въ словахъ старика Пантелея: «ты намъ тогда предскажи нашу долю, какъ отъ господъ отойдемъ мы на волю». Она слышится въ «Деревенскихъ новостяхъ», гдѣ собравшійся къ пріѣзду поэта народъ обращается къ нему съ вопросомъ: «ну, говори поскорѣй, что ты слыхалъ про свободу». Наконецъ, великое событіе совершилось; Некрасовъ празднуетъ его стихотвореніемъ «Свобода».

Родина мать! По равнинамъ твоимъ
Я не взиралъ еще съ чувствомъ такимъ!
Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:
Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ! Не узнаешь ты слезъ!
Съ дѣтства ничѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ...
Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.
Такъ! но распутать ихъ легче народу.
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!

*) Слово «рабами» долго замѣнялось въ печати точками, угадать значеніе которыхъ было, впрочемъ, нетрудно.

И эту надежду не могли уничтожить въ поэтѣ тяжелыя разочарованія, пережитыя Россіей послѣ 1861-го года. «О Русь»,— восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ стихотвореній,—«ты несчастна, я знаю; но все жъ, озирая мой пройденный путь, я къ лучшему шагъ замѣчаю». Возможность этого шага обусловливалась паденіемъ крѣпостного права.

Къ числу золъ, съ особенною силой тяготѣвшихъ, въ дореформенное время, надъ народной массой и неразрывно связанныхъ съ крѣпостнымъ строемъ, принадлежала рекрутская повинность, надолго, часто навсегда, вырывавшая человѣка изъ семьи, изъ родной обстановки и ставившая его въ условія, очень сходныя съ непрерывной пыткой. Возставать противъ нея было тогда столь же трудно, какъ и осуждать помѣщичью власть надъ крестьянами: и все таки Некрасовъ нашелъ возможнымъ ея коснуться—правда, слегка и осторожно,—въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній («Проводы», 1850). Въ «Тишинѣ» (1857) онъ говоритъ о дорожной пыли, прибитой «слезами рекрутскихъ женъ и матерей». Два года спустя, въ стихотвореніи: «О погодѣ» (1859), онъ слышитъ «истеричное рыданіе» бабъ у присутственнаго мѣста, гдѣ происходитъ сдача въ рекруты.

Сдали парня?.. Жалѣй не жалѣй,
Перемелется—дѣло привычное!
Злость-тоску мужики на лошадкахъ сорвутъ,
А слезами-то бабы подѣлятся!
По ведерочку слезъ на сестренокъ уйдетъ,
Споль-ведра молодухѣ достанется,
А старуха-то мать и безъ мѣры возьметъ—
И безъ мѣры возьметъ—что останется!

Ярко расцвѣченной, полной картиной служебныхъ порядковъ, созданныхъ крѣпостной эпохой, является, наконецъ, захватывающее душу стихотвореніе: «Орина, мать солдатская» (1863), напечатанное въ то время, когда эти порядки стояли еще довольно твердо и начинали измѣняться только въ частностяхъ. «Горя рѣченька бездонная»—этими заключительными словами поэмы исчерпывается и солдатская жизнь Иванушки, и участь его обездоленной матери.

Не одна только военная служба носила на себѣ, до и отчасти послѣ 1861-го года, отпечатокъ крѣпостного права. Его духъ виталъ всюду—и въ семьѣ, и въ судахъ, и въ администраціи, и даже въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, создавая такіе типы, какъ герой «Современной оды» (1845) или отецъ, упоминаемый въ «Колыбельной пѣсни», какъ «филантропъ» (1853), какъ «владѣлецъ роскошныхъ палатъ» въ «Размышленіяхъ у парадныго подъѣзда» (въ Россіи напечатанныхъ впервые въ третьемъ изданіи стихотвореній Некрасова, т. е. въ 1863-мъ году, но написанныхъ еще въ 1858-мъ году). Драгоцѣннѣйшимъ перломъ въ поэтическомъ наслѣдствѣ Некрасова является знаменитое обращеніе къ «родной землѣ», которымъ заканчивается послѣдняя пьеса. Поэта упрекали за него въ преувеличеніи, въ избыткѣ пессимизма; но если принять во вниманіе, какъ многое здѣсь до сихъ поръ не перестало быть правдой, то приходится признать, что къ до-реформенной Россіи оно было примѣнимо всецѣло.

Но какъ бы велико ни было уныніе, по временамъ овладѣвавшее поэтомъ, на вопросъ, проснется ли народъ, онъ и въ 1858-мъ году не далъ бы безусловно отрицательнаго отвѣта. Что онъ думалъ объ этомъ позже, на склонѣ жизни—видно изъ пѣсни Гриши («Кому на Руси жить хорошо»):

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты—и безсильная
Матушка Русь!
Въ рабствѣ спасенное

Сердце свободное,
Золото, золото
Сердце народное!...

Остановимся, въ заключеніе, на «Отрывкѣ», написанномъ въ 1858-мъ году и несомнѣнно внушенномъ, больше всего, зрѣлищемъ господствовавшаго тогда во всей неприкосновенности крѣпостного права.

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ и Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи.

Это стихотвореніе знаменательно какъ одинъ изъ самыхъ раннихъ намековъ на идею, которой суждено было сыграть столь видную роль въ литературѣ и жизни шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ: идею долга, лежащаго на обществѣ по отношенію къ народу. Некрасовъ является здѣсь какъ бы предшественникомъ «кающихся дворянъ», выступившихъ на сцену нѣсколько позднѣе. И это совершенно естественно: тотъ, кому было такъ ненавистно угнетеніе крестьянъ, кто такъ живо чувствовалъ вѣковую вину рабовладѣльцевъ, тотъ не могъ не сознавать, что для искупленія вины недостаточно было простого прекращенія гнета. Созданное досугомъ меньшинства должно было стать, мало-по-малу, достояніемъ массы; ея благу должны были служить расцвѣтшія, подъ покровомъ ея труда, искусства и науки; даже для мечтаній и страстей должна была открыться новая, болѣе широкая дорога. Раньше многихъ другихъ, при самыхъ первыхъ лучахъ павшаго на нее свѣта, эту дорогу увидѣлъ Некрасовъ. Чего онъ ожидалъ отъ нея—это показываетъ его «Пѣсня Еремушкѣ» (написанная въ 1858-мъ, напечатанная въ 1859-мъ году).

Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
Будь онъ проклятъ, растлѣвающій
Пошлый опытъ—умъ глупцовъ!
Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно.
Будь счастливѣй! Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!
Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.
Съ ними ты рожденъ природою —
Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, равенствомъ, свободою
Называются они.
Возлюби ихъ! на служеніе
Имъ отдайся до конца!
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца.

Таково было настроеніе Некрасова, когда занималась заря освобожденія. Ему казалось, что трудное время захватило его и его сверстниковъ «неготовыми къ трудной борьбѣ»,—но онъ бодро смотрѣлъ впередъ, полный надежды на поколѣніе, вступавшее въ жизнь при болѣе счастливыхъ условіяхъ. Медленнѣе, однако, чѣмъ онъ думалъ, движутся событія, и его напутствіе Еремушкѣ до сихъ поръ не потеряло своей силы.

Дмитрій Васильевичъ ГРИГОРОВИЧЪ.

С. А. Венгерова.

Начало сороковыхъ годовъ знаменуется у насъ необыкновеннымъ пробужденіемъ общественнаго чувства. Тѣ же самые «люди сороковыхъ годовъ», которые прежде, въ тридцатыхъ годахъ, только и думали, что объ абсолютахъ, о «святынѣ искусства», о «вѣчной красотѣ» и тому подобныхъ тонкостяхъ, теперь до мозга костей проникаются «политикой», думами и размышленіями о томъ, справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, правильны или неправильны наши космогоническія представленія, нормальны или ненормальны наши семейныя отношенія и т. д.

Сообразно съ этимъ поворотомъ, рѣшительно вся молодая литература изъ фазиса эстетическаго переходитъ въ фазисъ общественно-политическій

Все, что появилось въ срединѣ и концѣ сороковыхъ годовъ свѣжаго, убѣжденнаго и талантливаго, все это примкнуло къ новому движенію.

Примкнулъ, во-первыхъ, Бѣлинскій со всѣмъ запасомъ своего страстнаго энтузіазма. Съ тою же восторженною энергіей, съ которою «неистовый Висаріонъ» когда то требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, онъ сталъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной тенденціи. Это же требованіе соотношенія жизни и искусства выставилъ на своемъ знамени даровитый юноша, такъ рано погибшій для русской литературы—Валеріанъ Майковъ. Ярко и опредѣленно примыкалъ къ духу времени третій даровитый теоретикъ сороковыхъ годовъ—Искандеръ-Герценъ.

Нужно припомнить силу вліянія Бѣлинскаго, неотразимое обаяніе ума Искандера и горячую убѣжденность Майкова, чтобы понять, до какой степени должны были подчиняться проповѣди новыхъ идей молодые таланты, чуткіе ко всему искреннему и убѣжденному. И дѣйствительно, какимъ-то совершенно стихійнымъ образомъ, всѣ молодые таланты, точно сговорившись и почти въ одинъ и тотъ же годъ (1847), предстали предъ изумленною публикою съ рядомъ превосходныхъ произведеній, въ

основѣ которыхъ лежали широкія общественныя тенденціи. Явился, какъ мы сейчасъ увидимъ, Григоровичъ, со своимъ искреннимъ сочувствіемъ къ мужицкому горю, явился Тургеневъ съ «Записками Охотника», въ которыхъ съ такою необыкновенною теплотою былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ, явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ вліяніемъ «мечты и звуки» и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ страданіямъ и психологіи народной души. Та же широкая общественная тенденція лежала въ основѣ двухъ талантливыхъ произведеній, задавшихся выясненіемъ семейныхъ отношеній—искандеровскаго «Кто виноватъ» и «Полиньки Саксъ» Дружинина. «Обыкновенная исторія» Гончарова, благодаря сухости авторскаго темперамента, является какъ бы проповѣдью карьеристской «дѣловитости», но по намѣреніямъ авторскимъ она должна была отразить собою «первое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ».

Не особенно «передового» образа мыслей былъ Писемскій, засѣвшій послѣ окончанія въ 1844 г. университетскаго курса въ провинцію и занявшійся тамъ исключительно личною жизнью. Мало его и въ университетѣ занимали «идеи вѣка», а тѣмъ болѣе въ провинціальной глуши. Но до такой степени эти «идеи вѣка» просто въ воздухѣ были разлиты, до такой степени ими была проникнута каждая журнальная статья и статейка, что не ушелъ отъ нихъ даже Писемскій, совершенно въ сторонѣ стоявшій отъ передового движенія. Въ первомъ своемъ произведеніи—превосходной «Боярщинѣ», онъ настолько рѣзко поставилъ вопросъ о свободѣ любви, что цензура 1847 года, пропустившая «Кто виноватъ» и «Полиньку Саксъ», не пропустила «Боярщины», которая такъ-таки только въ слѣдующее царствованіе и увидѣла свѣтъ. Столь-же рѣшительно примыкали къ новому теченію «Бѣдные люди» Достоевскаго и «Литературные дебюты» Салтыкова.

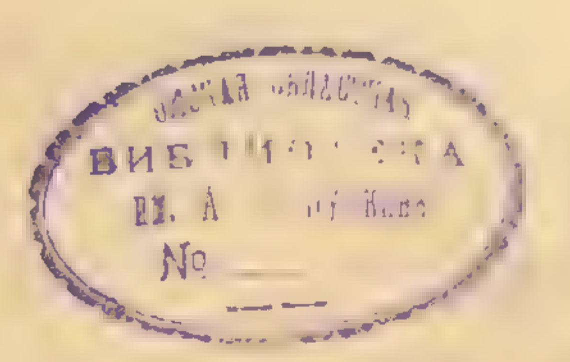
Нѣтъ надобности удлиннять нашъ перечень разными второстепенными произведеніями, повѣстями Дурова, Буткова, прозою Некрасова и т. д. О литературѣ того или другого періода судятъ по выдающимся представителямъ ея, а мы ихъ всѣхъ назвали, и все это показываетъ, что одна волна захватила лучшую и талантливѣйшую часть литературы, что въ одномъ и томъ же направленіи работали всѣ молодые умы. Яркое выраженіе этого направленія мы находимъ въ стихотвореніи Плещеева «Впередъ», которое для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе историческаго документа. Только что вступившій на литературное поприще 22-хъ лѣтній поэтъ съ буквальной точностью отразилъ въ своемъ стихотвореніи настроеніе молодой, нарождающейся литературы.

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья.
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.
Смѣлѣй, дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ.
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ
И поведемъ на битву рать.
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ.
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.
Внемлите жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ,
Впередъ, впередъ, и безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ.

Для современнаго читателя стихотвореніе это можетъ показаться собраніемъ общихъ мѣстъ. Но подставьте подъ туманныя выраженія стихотворенія выраженія болѣе точныя, подставьте увлеченіе тѣмъ «ученіемъ любви», которое къ намъ шло изъ Франціи, подставьте ненависть къ безобразіямъ тогдашняго строя общественной жизни, которою была проникнута вся молодая литература, а главное подставьте юношескій энтузіазмъ и молодую вѣру въ неизбѣжное наступленіе новыхъ, лучшихъ временъ и вы убѣдитесь, до какой степени горячій и искренній призывъ молодого поэта отразилъ въ себѣ міросозерцаніе всей молодой литературы, которая поэтому и заучивала съ восторгомъ стихотвореніе Плещеева.

Почетнѣйшее мѣсто въ ряду литературной молодежи занялъ Григоровичъ, не столько въ силу своего таланта, безусловно второстепеннаго, сколько въ силу того, что онъ первый заговорилъ о крѣпостномъ мужикѣ съ чувствомъ живѣйшей симпатіи.

Литературная дѣятельность Григоровича служитъ удивительно-яркою иллюстраціею того почти стихійнаго вліянія, которое оказываютъ на всякаго писателя основныя теченія эпохи формированія его духовно-нравственнаго существа. Если мы, въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ литературнымъ «Воспоминаніямъ» Григоровича, въ которыхъ онъ очень подробно вводитъ насъ въ душевную жизнь первой половины своей дѣятельности, мы не преминемъ убѣдиться, что трудно себѣ представить человѣка, менѣе подходящаго къ тому, чтобы стать отцомъ русской «мужицкой» беллетристики. Начать съ того, что полуфранцузъ не только по крови, но и потому, что дѣтство его прошло въ исключительномъ обществѣ француженки-матери и француженки-бабушки, Григоровичъ настолько неудовлетворительно владѣлъ русскимъ языкомъ, что даже долго говорилъ съ французскимъ акцентомъ. Когда двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду онъ началъ свою первую большую повѣсть «Деревню», ему страшно трудно было справиться съ самымъ процессомъ подбора подходящихъ словъ и выраженій. Не менѣе любопытнымъ фактомъ біографіи Григоровича является и то, что онъ въ сущности весьма мало зналъ деревню и народъ. Наиболѣе впечатлительную часть жизни—юность и отрочество—Григоровичъ провелъ въ Москвѣ и Петербургѣ, а наѣзды въ деревню были и очень рѣдки, и очень непродолжительны. Но самое главное—по всему складу своихъ вкусовъ и наклонностей Григоровичъ весьма мало подходилъ для роли выразителя той пламенной заботы о благѣ народа, которымъ характеризуется міросозерцаніе эпохи Бѣлинскаго. Изъ тѣхъ-же «Воспоминаній» видно, что всю жизнь онъ былъ типичнѣйшимъ «эстетикомъ», которому

только-бы и млѣть предъ «вѣчными» созданіями искусства, предъ «чистою» красотою» и т. д. Чтеніе его ограничивалось исключительно романами и повѣстями, не увлекался онъ, подобно большинству своихъ литературныхъ сверстниковъ, ни Гегелемъ, ни Фурье, ни французскимъ движеніемъ, подготовившимъ 1848 г., ни вообще какими-бы то ни было теоретическими вопросами. Но таково неотразимое дѣйствіе идей, составляющихъ сущность эпохи, что онѣ какъ-бы носятся въ воздухѣ и впитываются молодою душою почти инстинктивно. Достаточно было Григоровичу сойтись съ кружкомъ братьевъ Бекетовыхъ (химика и ботаника), гдѣ собиралось много хорошей молодежи, чтобы почувствовать, по собственному его выраженію, все «легкомысліе» своего прежняго умственнаго строя, когда его «общественные вопросы нисколько не занимали». Ему стало больно за свою «отсталость», его охватило неудержимое желаніе написать что-нибудь серьезное и онъ одно за другимъ пишетъ «Деревню» и «Антона Горемыку».

Этими двумя повѣстями опредѣляется положеніе Григоровича въ исторіи русской литературы. Значеніе первой изъ нихъ въ томъ, что здѣсь такъ называемая литературными старовѣрами того времени «натуральная школа» впервые направила свое творчество на изображеніе народа въ тѣсномъ смыслѣ слова. До того литературная молодежь довольствовалась возбужденіемъ симпатіи къ мелкому мѣщанству и бѣдному чиновничеству. Ниже она еще не опускалась. Въ «Деревнѣ»-же Григоровичъ вичъ не постѣснялся посвятить цѣлую повѣсть ежедневному быту самого что ни на есть сѣраго простонародья, не того припомаженнаго, говорящаго всегда шутками, да прибаутками простонародья, который фигурируетъ въ повѣстяхъ Даля, и не того «народа», который является въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканки», окутанный поэтической дымкой легендъ и повѣрій, а народа заправскаго во всей неприглядности его ежедневной обстановки. Жизненность, съ которою въ «Деревнѣ» обрисованъ народный бытъ, была такъ необычна для того времени, что славянофилы, любившіе народъ только въ проявленіяхъ его величавости, усмотрѣли въ повѣсти Григоровича униженіе народа.

Но если «Деревня» (1846) имѣетъ выдающееся значеніе какъ первая попытка новой русской литературы возбудить интересъ къ реальному народному быту, то еще несравненно большее значеніе имѣлъ «Антонъ Горемыка», гдѣ интересъ перешелъ въ самую горячую симпатію и гдѣ впервые въ русской беллетристикѣ рельефно обрисовано тягостное и безправное положеніе крѣпостного крестьянина. «По прочтеніи этой трогательной повѣсти», говоритъ Бѣлинскій, «въ голову читателя поневолѣ тѣснятся мысли грустныя и важныя». Сколько нибудь опредѣленнѣе великій критикъ и пламенный демократъ не могъ выразиться, но въ тѣ времена умѣли читать между строкъ и «важныя» мысли о крѣпостномъ правѣ дѣйствительно тѣснили голову всякаго читателя.

Осторожность, съ которою повѣсть написана, такъ велика, что позднѣйшему читателю даже мудрено понять, гдѣ тутъ собственно кроется «протестъ» противъ крѣпостничества. Вотъ напр. одно изъ самыхъ сильныхъ въ смыслѣ «протеста» мѣстъ. Рѣчь идетъ о притѣсненіяхъ управляющаго.

«Ну какъ остался онъ у насъ такъ-то старшимъ послѣ смерти барина, и пошелъ тяготить насъ всѣхъ... и такая-то жисть стала, что, кажись, бѣжалъ-бы лучше: при баринѣ было намъ такъ-то хорошо, знамо, попривыкли, а тутъ пошли побранки да побои, только и знаешь.. а какъ разлютуется... бѣда, бьетъ, колотитъ, бывало, и бабъ, и мужиковъ, обижательство всякое творитъ...

— Ну, а молодые-то господа?

— Молодые господа наши, сынъ да дочь, въ Питерѣ живутъ... мы ихъ николи и въ глаза-то не видали... вѣстимо, братцы, кабы они здѣсь жили или понавѣдывались, примѣрно, хошь на время, такъ ина была-бы причина... у насъ господа по отцу, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали, дай имъ Господь за то много лѣтъ здравствовать. Вотъ мой братъ былъ въ Питерѣ и говоритъ: господа важные. Да гдѣ-жъ имъ самимъ до всего доходить? вотчинъ у нихъ много, и то сказать, всѣхъ не объѣдешь; живутъ они въ Питенбурхѣ,—господа, они рады-бы, можетъ статься, особливо баринъ, въ чемъ помочь мужикамъ своимъ, да вишь отъ нихъ все шито да крыто; имъ сказываютъ: то хорошо, другое хорошо, знатно, молъ, жить вашимъ крестьянамъ, ну, и ладно, они тому и вѣрятъ, а господа хорошіе, грѣхъ сказать; кабы они видали, примѣрно, что мужики въ обидѣ живутъ отъ управляющаго да нужду всяческу терпятъ, такъ, вѣстимо, того-бы не попустили... Управляющему, знамо, какое до насъ дѣло? нешто мы его? дана ему власть надъ нами, и творитъ, что ему задумается; норовитъ, какъ-бы послѣднее оттянуть отъ мужичка... И добро-бы, братцы, человѣкъ какой былъ, самъ господинъ али какого дворянскаго роду, что-ли; все-бы, кажись, не такъ обидно терпѣть, а то вѣдь самъ такой-же сермяжникъ, ходитъ только въ барскомъ кафтанѣ да бороду брѣетъ... а господа души, вишь, въ немъ не чаютъ, они нашего мужицкаго дѣла не разумѣютъ, все сполняютъ, что ему только воволится...»

Тутъ, строго говоря, настоящій апоѳеозъ «родительскихъ» отношеній между помѣщикомъ и крестьянами. При однихъ господахъ мужику отлично жить. Господа по своему «дворянскому роду» мужика въ обиду не дадутъ.

Вся бѣда въ злыхъ управляющихъ—«сѣрмяжникахъ».

Непонятно также позднѣйшему читателю, зачѣмъ приплетена исторія о томъ, какъ конокрады украли у Антона его лошадь. Собственно это значительно ослабляетъ впечатлѣніе, потому что въ этой конечной катастрофѣ печальнаго житья-бытья Антона уже ни причемъ ни крѣпостное право, ни даже злой управляющій.

Но все это соображенія позднѣйшаго читателя. Для читателя 40-хъ годовъ было поразительно уже одно то, что авторъ такъ много и подробно говоритъ о злоключеніяхъ оголтѣлаго мужика, котораго до того никогда не пускали въ салоны «изящной словесности». Болѣе прямого протеста не могло быть по цензурнымъ условіямъ времени. Самъ то авторъ, правда, закончилъ повѣсть тѣмъ, что выведенные изъ терпѣнія крестьяне поджигаютъ домъ ненавистнаго управляющаго и его самого бросаютъ въ огонь. Но этотъ конецъ не могъ увидѣть свѣта, и, чтобы спасти повѣсть, просвѣщеннѣйшій изъ цензоровъ 40-хъ гг. Никитенко самъ его передѣлалъ. Совершенно несообразно съ общимъ складомъ характера Антона, онъ заставилъ его почти что пристать къ шайкѣ грабителей. И кончается повѣсть тѣмъ, что изловленные грабители, и въ ихъ числѣ злополучный Антонъ, каются предъ міромъ при отправленіи въ Сибирь.

Скомканный, неестественный и можно даже сказать нелѣпый конецъ «Антона-Горемыки» ни мало, однако же, не ослабилъ общаго впечатлѣнія повѣсти, которая произвела прямо потрясающее впечатлѣніе. Въ общемъ историческое значеніе

«Антона Горемыки» не меньшее, чѣмъ «Записокъ Охотника». Уступая имъ въ художественныхъ достоинствахъ, «Антонъ Горемыка» превосходитъ ихъ концентрированностью. «Записки Охотника» несравненно глубже захватили народную психологію, но «Антонъ Горемыка» яснѣе, нагляднѣе, непосредственнѣе обрисовалъ ужасъ того безправія, подъ нестерпимымъ гнетомъ котораго проходитъ печальнѣйшая жизнь крѣпостного раба. Въ этой-то концентрированности «Антона Горемыки», а главное въ томъ, что это было первое опредѣленно намѣченное слово русской передовой интеллигенціи въ пользу безправнаго народа и заключается тайна огромнаго вниманія современниковъ къ повѣсти. И въ силу этихъ-то привходящихъ обстоятельствъ, Григоровичъ въ «Деревнѣ» и «Антонѣ Горемыкѣ» достигъ кульминаціоннаго пункта своей литературной карьеры.

Талантъ, какъ мы уже сказали, по совокупности художественныхъ достоинствъ, второстепенный, Григоровичъ только потому создалъ эти двѣ перворазрядныя по своему историческому значенію вещи, что въ нихъ ему удалось уловить «моментъ» и заставить биться, согласно съ собственнымъ сердцемъ, сердца всего, что было въ русскомъ обществѣ хорошаго и честнаго. Но стоило пройти «моменту», стоило общественному сознанію вступить въ дальнѣйшій фазисъ своего поступательнаго движенія и Григоровичъ, ничуть не утративъ основныхъ свойствъ своего дарованія, уже не могъ идти въ первыхъ рядахъ. Всѣ остальныя, многочисленныя произведенія Григоровича изъ народной жизни написаны съ неослабѣвшею симпатіею къ народу, но уже не было надобности возбуждать эти симпатіи въ читателѣ. Сѣмена, брошенныя «Антономъ же Горемыкою», взошли пышнымъ цвѣтомъ и потому его «Рыбаки», «Переселенцы» и др. произведенія изъ народной жизни уже мало кого волновали. Языкъ въ нихъ, по прежнему, простъ и естественъ, прекрасныя описанія природы соотвѣтствуетъ дѣйствительности и передаютъ красоту среднерусскаго пейзажа, фабула интересна. Но уже теперь критика стала находить, что манера Григоровича страдаетъ искусственностью. За нимъ начинаетъ устанавливаться репутація слащаваго идеализатора, его упрекаютъ въ «пейзанствѣ», т. е. въ томъ, что россійскимъ незамысловатымъ мужичкамъ приданы слишкомъ изысканныя черты.

Въ наши дни Григоровичъ весь отошелъ въ исторію. Его почти не читаютъ, но имени его всегда суждено принадлежать къ числу самыхъ громкихъ литературныхъ именъ. Если возводить 19 февраля къ его литературному генезису, то слѣдуетъ отмѣтить, какъ реальный фактъ, что слезы, пролитыя надъ «Антономъ Горемыкой» играли въ исторіи великаго дѣла первенствующую роль. Этого достаточно, чтобы обезпечить безсмертіе чуткому выразителю одного изъ самыхъ благородныхъ моментовъ, когда либо пережитыхъ русскимъ общественнымъ сознаніемъ.

Иванъ Сергѣевичъ ТУРГЕНЕВЪ,

КАКЪ АВТОРЪ «ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА»

С. А. Венгерова.

ТРУДНО представить себѣ большую противоположность, чѣмъ общій духовный обликъ Тургенева и та среда, изъ которой непосредственно вышелъ будущій авторъ «Записокъ Охотника». Отецъ его—Сергѣй Николаевичъ, отставной полковникъ Елизаветградскаго кирасирскаго полка, былъ человѣкъ обаятельнѣйшей физической красоты, но ничтожный по своимъ качествамъ, нравственнымъ и умственнымъ. Сынъ не любилъ вспоминать о немъ, а въ тѣ рѣдкія минуты, когда говорилъ друзьямъ объ отцѣ, характеризовалъ его, какъ «великаго ловца предъ Господомъ». Женитьба этого бѣднаго, раззорившагося жуира на немолодой, некрасивой, но весьма богатой Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой была исключительно дѣломъ разсчета. Бракъ былъ не изъ особенно счастливыхъ и не сдерживалъ Сергѣя Николаевича. Онъ умеръ въ 1834 г., оставивъ трехъ сыновей—Николая, Ивана и скоро умершаго отъ эпилепсіи Сергѣя—въ полномъ распоряженіи матери, которая, впрочемъ, и до того была полновластною владыкою дома. Варвара Петровна по своему нравственному складу даже для того жестокаго времени была не совсѣмъ обычнымъ явленіемъ. Въ ней типично выразилось то опьяненіе властью, которое создавалось крѣпостнымъ правомъ. Весь родъ Лутовиновыхъ представлялъ собою отвратительную смѣсь страшной жестокости, корыстолюбія и сладострастія. Многимъ общій тонъ Тургеневскихъ «Трехъ портретовъ», въ которыхъ чуть чуть приподнята завѣса съ семейной хроники Лутовиновыхъ, кажется слишкомъ мрачнымъ и даже мелодраматичнымъ. А между тѣмъ, тутъ далеко еще не вся правда объ этихъ деспотахъ, измучившихъ своимъ тиранствомъ не только собственныхъ безотвѣтныхъ крестьянъ, но и людей постороннихъ, имѣвшихъ несчастіе какъ нибудь стать имъ поперекъ дороги. Кромѣ «Трехъ портретовъ», Тургеневъ изобразилъ одного изъ Лутовиновыхъ въ «Однодворцѣ Овсяниковѣ» въ лицѣ отвратительнаго насильника, который не только захватывалъ земли мелкихъ однодворцевъ, но, кромѣ того, звѣрски расправлялся со всякимъ, кто пробовалъ на него жаловаться. Унаслѣдовавъ отъ Лутовиновыхъ ихъ жестокость и деспотизмъ, Варвара Петровна была озлоблена и личною судьбою своею. Рано лишившись отца, она страдала и отъ собственной матери, изображенной внукомъ въ очеркѣ «Смерть» (старуха), и отъ буйнаго, пьянаго вотчима, который, когда она была маленькой, варварски билъ и истязалъ ее, а когда она подросла, сталъ преслѣдовать гнусными предложеніями. Пѣшкомъ, полуодѣтая, спаслась она отъ грязнаго старика къ дядѣ своему, И. И. Лутовинову, жившему въ селѣ Спасскомъ. Но и здѣсь ее ждало тяжелое и мрачное житье. Владѣлецъ Спасскаго былъ тотъ самый насильникъ, о которомъ разсказывается въ «Однодворцѣ Овсяниковѣ». Почти въ полномъ одиночествѣ, оскорбляемая и унижаемая, прожила Варвара

Ив. Тургенев

Петровна до 30 лѣтъ въ Спасскомъ, въ домѣ дяди, пока смерть не сдѣлала ее владѣлицею этого великолѣпнаго имѣнія и 5000 душъ. Получивъ богатство и власть, Варвара Петровна стала вымещать на подвластныхъ ей людяхъ все то озлобленіе, которое накопилось у нея въ годы несчастной молодости. Бракъ съ непривыкшимъ себя стѣснять красавцемъ-ловеласомъ подбавлялъ свѣжей горечи и въ результатѣ атмосфера родительскаго дома Тургенева была невыносимо тяжела и жестока. Всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о Варварѣ Петровнѣ, рисуютъ ее настоящимъ чудовищемъ; крѣпостныхъ своихъ она тиранила со всею силою Лутовиновской жестокости, за малѣйшую провинность били звѣрски и нещадно, за недостаточно низко отвѣшенный поклонъ разлучали членовъ семьи и ссылали въ Сибирь; столь же звѣрски преслѣдовали и безъ всякаго намека какой-бы то ни было вины, просто если кто-нибудь изъ дворовыхъ или крестьянъ начиналъ пользоваться любовью окружающихъ. Сквозь эту то среду «побоевъ и истязаній», какъ онъ ее опредѣлялъ впослѣдствіи, пронесъ Тургеневъ невредимо свою мягкую душу, въ которой именно зрѣлище неистовствъ помѣщичьей власти задолго до теоретическихъ воздѣйствій подготовило протестъ противъ ненормальности крѣпостного права. Жестокимъ «побоямъ и истязаніямъ» подвергался и онъ самъ, хотя считался любимымъ сыномъ матери. «Драли меня», разсказывалъ впослѣдствіи Тургеневъ «за всякіе пустяки чуть не каждый день» и неудивительно, что ребенокъ разъ уже совершенно приготовился бѣжать изъ дому. Умственное воспитаніе его шло подъ руководствомъ часто смѣняемыхъ французскихъ и нѣмецкихъ гувернеровъ. Ко всему русскому Варвара Петровна питала глубочайшее презрѣніе, члены семьи говорили между собою исключительно по-французски, дѣти даже молились по-французски. Многихъ изъ дворни научили объясняться по-нѣмецки и по французски. Характерно, что любовь къ русской литературѣ тайкомъ внушилъ Тургеневу одинъ изъ крѣпостныхъ камердинеровъ, изображенный имъ съ большою подробностью въ лицѣ Пунина въ разсказѣ «Пунинъ и Бабуринъ». Этотъ чудакъ любилъ только старинныхъ писателей—Ломоносова, Сумарокова, Кантеміра, и особенно Херасковскую «Россіаду». Декламировалъ онъ стихи съ напыщеннѣйшимъ паѳосомъ, но это-то и увлекало чрезвычайно мальчика.

Не останавливаясь на ходѣ образованія Тургенева, не касающемся непосредственно отношенія Тургенева къ крѣпостному праву, отмѣтимъ, что когда въ 1838 г., по окончаніи курса въ университетѣ, Тургеневъ рѣшилъ отправиться за границу, онъ туда поѣхалъ въ сопровожденіи дядьки—крѣпостного доктора Карташева. Это былъ человѣкъ даровитый и хорошій спеціалистъ, которому его владѣтельница безгранично довѣряла, но которому тѣмъ не менѣе, не смотря на настоятельнѣйшія просьбы сына, ни за что не соглашалась дать вольную: это лишило бы ее возможности быть увѣренной въ его преданности и усердіи, которое въ серьезныхъ болѣзняхъ членовъ семьи подогрѣвалось угрозою ссылки въ Сибирь.

Поселившись въ Берлинѣ, Тургеневъ со страстью отдается изученію гегелевской философіи, которую въ Берлинѣ преподавалъ молодой Вердеръ, не только хорошій спеціалистъ, но и даровитая, художественная натура. Около Вердера и вообще въ Берлинѣ сгруппировался въ эпоху берлинскаго пребыванія Тургенева цѣлый кружокъ даровитыхъ молодыхъ русскихъ—Грановскій, Фроловъ, Невѣровъ, Михаилъ Бакунинъ, Станкевичъ, которые тоже поѣхали въ Германію приложиться къ источнику настоящаго знанія. Всѣ они восторженно увлекались гегельянствомъ, которое наложило такую яркую печать на весь духовный складъ поколѣнія 40-хъ гг. Гегельянство было понято молодыми энтузіастами не просто какъ извѣстная система отвлеченнаго мышленія, а какъ новое евангеліе жизни. «Въ философіи», говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «мы искали всего, кромѣ чистаго мышленія». Извлекали изъ философіи не самое содержаніе, а широту умственнаго взгляда, желаніе примѣнять къ жизни масштабы высшаго духовнаго совершенства. Рядомъ съ научными занятіями, чрезвычайное впечатлѣніе произвелъ на молодого скиѳа весь вообще строй западно-европейской жизни. Какъ ни далека была метерниховская Германія отъ идеала свободнаго государства, она все-таки была безконечно выше того царства грубаго и жестокаго произвола, которое Тургеневъ оставилъ за собою. Азіатщина русской жизни становится теперь ему невыносимой и глубоко въ его душу внѣдряется убѣжденіе, что только усвоеніе основныхъ началъ общечеловѣческой культуры можетъ вывести Россію изъ того мрака, въ который она была погружена.

Уже тогда начинала слагаться въ душѣ Тургенева та «Аннибалова клятва» бороться съ крѣпостнымъ правомъ, къ которой мы еще вернемся. Но она не сразу приняла опредѣленныя очертанія, какъ и весь вообще духовный обликъ молодого писателя, который цѣлыхъ 5—6 лѣтъ не могъ все попасть на надлежащій путь, давшій полное развитіе его великимъ литературнымъ силамъ. Первые шаги Тургенева на литературномъ поприщѣ шли въ сторону, мало соотвѣтствовавшую его мягкому, женственному характеру. Онъ рисовалъ разныя проявленія байроническаго демонизма на русской почвѣ и получалась какая-то напряженность, столь чуждая истинной сущности его дарованія. Не нашла въ первыхъ произведеніяхъ Тургенева надлежащаго выраженія и самая важная сторона его таланта—его удивительная чуткость къ общественнымъ теченіямъ и умѣніе въ яркихъ художественныхъ воплощеніяхъ отражать «моменты» общественной психологіи.

А между тѣмъ переживалъ Тургеневъ общественный «моментъ» очень интенсивно. Вернувшись въ самомъ началѣ 1840-хъ гг. въ Россію, онъ очень сблизился съ Бѣлинскимъ, который весь теперь былъ охваченъ тѣмъ литературно-общественнымъ настроеніемъ, о которомъ мы говорили выше по поводу Григоровича. Шедшія къ намъ изъ Франціи утопическія или какъ ихъ тогда очень характерно называли «филантропическія» ученія захватили всю литературную молодежь. Какъ говорилъ Салтыковъ въ своей сатирѣ «За рубежемъ», вспоминая годы молодости: «Изъ Франціи, разумѣется не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Занда—лилась въ насъ вѣра въ человѣчество; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ».

И вотъ подъ вліяніемъ французскихъ идей, подъ вліяніемъ французскихъ соціальныхъ трактатовъ, каждый изъ молодыхъ «филантроповъ» старается по своему выразить переполнявшія ихъ альтруистическія чувствованія: Достоевскій привлеченіемъ симпатіи къ ничтожной по своему соціальному положенію личности Дѣвушкина («Бѣдные люди»); Григоровичъ—возбужденіемъ жалости къ Антону Горемыкѣ; Некрасовъ, Плещеевъ, Дуровъ—«низведеніемъ» поэзіи до воспѣванія любви какого-нибудь огородника и призывами къ добру, правдѣ и справедливости; разные мелкіе представители «натуральной школы»—Бутковъ и др.—описаніемъ петербургской нищеты и т. д.

Тургеневъ, вѣрный своему тонкому умѣнію подмѣчать нѣ-

жнѣйшія движенія человѣческой души, даетъ могущественный толчокъ освободительному настроенію тѣмъ, что ярко показываетъ, сколько высокой поэзіи и лучшихъ сторонъ человѣческой природы кроется въ душевной жизни безправнаго, задавленнаго дикимъ гнетомъ, крѣпостного мужика.

Не смотря на глубоко-сознательное отношеніе къ крѣпостному праву, Тургеневъ выступилъ на поприще литературно-освободительной дѣятельности почти случайно. Онъ переживалъ въ этотъ моментъ очень тягостный личный кризисъ. Дѣло въ томъ, что не особенно громкій, но все же несомнѣнный успѣхъ, выпавшій на долю Тургенева на первыхъ же порахъ его литературной дѣятельности, не удовлетворялъ его. Онъ въ душѣ своей носилъ задатки и сознаніе возможности для себя болѣе значительныхъ замысловъ. А такъ какъ то, что пока выливалось на бумагу, не соотвѣтствовало ихъ широтѣ, то неудивительно, если, въ связи съ неустройствомъ личной жизни, первыя литературныя произведенія создали въ немъ настроеніе, «что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія». Онъ «возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу».

Тѣмъ не менѣе, когда въ концѣ 1846 г. Некрасовъ и Панаевъ затѣяли издавать «Современникъ», то Тургеневъ отыскалъ у себя «пустячокъ», которому и самъ авторъ, и Панаевъ настолько мало придавали значенія, что онъ былъ помѣщенъ даже не въ отдѣлѣ беллетристики, а въ «Смѣси» первой книжки «Современника» за 1847 г. Чтобы сдѣлать публику еще снисходительнѣе, Панаевъ къ скромному и безъ того названію очерка—«Хорь и Калинычъ» прибавилъ еще одно заглавіе—«Изъ записокъ охотника». Это окончательно устраняло возможность предъявленія къ небольшому очерку какихъ бы то ни было большихъ требованій: что и ожидать отъ бѣглыхъ охотничьихъ впечатлѣній. Но публика оказалась болѣе чуткой, чѣмъ опытный литераторъ Панаевъ и самъ авторъ, который, какъ это часто бываетъ при созданіи великихъ произведеній, и приблизительно не сознавалъ, въ какой степени ему тутъ удалось ярко отразить не только собственное задушевнѣйшее настроеніе, но и нарождающееся настроеніе цѣлой эпохи. Очеркъ имѣлъ огромный успѣхъ, и, поощренный этимъ успѣхомъ «Хоря и Калиныча», Тургеневъ одинъ за другимъ пишетъ рядъ очерковъ, которые въ 1852 г. были изданы подъ общимъ заглавіемъ «Записки Охотника».

Книга сыграла первоклассную историческую роль. Помимо того, что есть прямыя свидѣтельства о сильномъ впечатлѣніи, которое «Записки Охотника» произвели на наслѣдника престола, будущаго освободителя крестьянъ, онѣ занимаютъ первое мѣсто въ ряду подготовительныхъ теченій эпохи реформъ по огромному впечатлѣнію, произведенному на всѣ вообще чуткія сферы правящихъ классовъ. «Запискамъ охотника» принадлежитъ такая же роль въ исторіи освобожденія крестьянъ, какъ въ исторіи освобожденія негровъ «Хижинѣ дяди Тома» Бичеръ-Стоу, но съ тою, конечно, разницею, что книга Тургенева несравненно выше въ художественномъ отношеніи.

Тѣмъ не менѣе обычное опредѣленіе «Записокъ Охотника», какъ «протеста» противъ крѣпостного права, крайне одностороннее и далеко не даетъ точнаго представленія объ ихъ основномъ содержаніи и основномъ тонѣ. Правда, самъ авторъ, объясняя въ своихъ воспоминаніяхъ (очень туманно въ его щадящемъ память матери изложеніи, но очень ясно для позднѣйшаго читателя, знающаго о тяжелой обстановкѣ материнскаго дома Тургенева), почему онъ въ самомъ началѣ 1847 г. уѣхалъ за границу, гдѣ написано большинство очерковъ «Записокъ Охотника», говоритъ: «я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя; врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва». Категоричность Тургенева, однако, относится только къ внутреннимъ мотивамъ, но никакъ не къ исполненію. Болѣзненно-придирчивая цензура 40-хъ годовъ не пропустила бы сколько нибудь яркій «протестъ», сколько нибудь яркую картину крѣпостныхъ безобразій. И дѣйствительно, непосредственно крѣпостное право затрагивается въ «Запискахъ Охотника» въ высшей степени осторожно и всегда косвенно. Этого, конечно, было достаточно, чтобы изощрившемуся въ чтеніи между строкъ читателю 40-хъ годовъ сообщалось основное настроеніе автора, но этого недостаточно въ художественномъ отношеніи. Нельзя изъ намековъ создать что нибудь художественно-сильное. Въ дѣйствительности «Записки Охотника»—«протестъ» совсѣмъ особаго рода, сильный не обличеніемъ, не ненавистью, а любовью, тѣмъ, что съ точки зрѣнія придирчивой реалистической критики можетъ быть даже названо подкрашиваніемъ дѣйствительности. «Записки Охотника» не столько реальныя картины народной жизни, сколько выраженіе нравственныхъ идеаловъ, воодушевлявшихъ лучшихъ людей 40-хъ годовъ; онѣ даютъ не подлинную народную жизнь, а пропущенную сквозь призму душевнаго склада человѣка изъ кружка Бѣлинскаго и Станкевича. Основная черта человѣка 40-хъ годовъ—это тонкость чувствъ, преклоненіе предъ красотой и вообще желаніе быть не отъ міра сего, возвыситься надъ «грязной дѣйствительностью». И что же? Значительная часть народныхъ типовъ «Записокъ Охотника» принадлежитъ къ людямъ такого покроя. Вотъ передъ нами романтикъ Калинычъ, котораго «грязная дѣйствительность», въ видѣ помѣщика Полутыкина, всего меньше можетъ настроить на возвышенный ладъ. Но тѣмъ не менѣе онъ оживаетъ только тогда, когда ему разсказываютъ о красотахъ природы, о водопадахъ и тому подобныхъ прелестяхъ. А Касьянъ съ Красивой Мечи? Глубокая поэзія разлита по всему неказистому существу его и чѣмъ то совершенно неземнымъ вѣетъ отъ его тихой души. Не менѣе глубокой щемящей поэзіи дано авторомъ въ удѣлъ Яшѣ изъ «Пѣвцовъ»—самаго задушевнаго очерка «Записокъ Охотника», въ которомъ всего ярче отразилась поэтическая натура самого Тургенева. Въ Яшу Тургеневъ вложилъ всего себя и потому онъ трогаетъ интеллигентнаго человѣка до глубины души; но потому также не удались опыты комитетовъ грамотности, издавшихъ «Пѣвцовъ» для народнаго чтенія. Въ «Пѣвцахъ» самымъ яркимъ образомъ сказалось преклоненіе человѣка 40-хъ гг. предъ искусствомъ, вѣра въ его неотразимое дѣйствіе. Когда Яша поетъ, не только у автора, присутствующаго при этомъ, закипаетъ на сердцѣ и подступаютъ къ глазамъ слезы, не только жена содержателя кабака, гдѣ происходитъ пѣніе, глухо рыдаетъ, но даже самъ плутъ кабатчикъ потупляется, а посѣтители—пожилые мужики,—кто отворачивается, чтобы скрыть волненіе, кто стоитъ въ оцѣпенѣніи, разинувъ ротъ, кто горько всхлипываетъ.

Но не только въ преклоненіи предъ красотой и искусствомъ заключается стремленіе человѣка сороковыхъ годовъ быть не

отъ міра сего. Рядомъ съ этимъ, крѣпко продолжаетъ держаться увлеченіе байронизмомъ. Демоническія натуры увлекаютъ не только провинціальныхъ барышень, но и Бѣлинскаго. Совершенно гармонируетъ съ увлеченіемъ мрачными фигурами байроновскихъ героевъ и другое увлеченіе—величавыми индѣйцами Купера, ихъ необыкновенною честностью, ихъ спокойствіемъ и, вообще ихъ «первобытными» будто бы добродѣтелями. Все это одно и то же стремленіе уйти отъ неказистой, скучной, тоскливой дѣйствительности. И вотъ подъ вліяніемъ такого стремленія, Тургеневъ и въ народѣ ищетъ идеалы этого разряда и, конечно, находитъ ихъ, потому что дѣйствительность необъятна, и въ ней есть все. Однодворецъ Овсянниковъ, богатый крестьянинъ Хорь, за котораго, впрочемъ, Тургенева въ сороковыхъ же годахъ обвиняли въ идеализаціи — величественно спокойны, идеально честны и своимъ «простымъ, но здравымъ умомъ» все великолѣпно понимаютъ; лѣсникъ же Бирюкъ поражаетъ васъ своимъ мрачнымъ, чисто байроновскимъ колоритомъ. Любопытно, что двѣ наиболѣе рѣзко очерченныя фигуры «Записокъ Охотника»,—Хорь и Овсянниковъ,—не только величественно спокойны, не только обладаютъ всѣми «первобытными» добродѣтелями, но они даже настолько кость отъ кости и плоть отъ плоти западниковъ сороковыхъ годовъ, что своимъ необразованнымъ умомъ доходятъ до признанія теорій западничества, хотя, казалось бы, имъ, по всему древне-русскому облику ихъ, скорѣе слѣдовало бы быть приверженцами старины и врагами «новшествъ». Разговаривая съ Хоремъ, Тургеневъ убѣдился, насколько жизненны были реформы Петра (главный тезисъ западничества). «Русскій человѣкъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо—то ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно».

Овсянниковъ, при всей своей древне-боярской величавости, признаетъ, что въ старину довольства точно больше было, а все же теперь лучше и дѣткамъ теперешнимъ еще лучше будетъ.

Что касается стремленія людей сороковыхъ годовъ искать забвенія въ мрачномъ демонизмѣ, то и въ этомъ отношеніи «Записки Охотника» отдали времени свою дань. Конечно, цѣликомъ, весь какъ онъ есть, лѣсникъ Бирюкъ не годится въ герои Байрона или Купера. Но тѣмъ не менѣе, отъ всей его высокой, мрачно-величественной фигуры, отъ неумолимой честности его, напоминающей пуританина Новой Англіи, отъ мрачной внутренности его избы, отъ потрясающей сцены съ проворовавшимся мужикомъ вѣетъ не тою тихою русскою печалью, которая покорно отдается своей участи, а чѣмъ-то грознымъ, строгимъ, роковымъ, чѣмъ-то «иностраннымъ». Окончаніе очерка, когда въ мрачномъ лѣсникѣ вдругъ такъ своеобразно проявляется теплое чувство, безспорно чисто-русское и прекрасно характеризуетъ именно русскаго мужика. Но въ общемъ очеркъ все-таки слишкомъ послѣдователенъ въ своей романтической мрачности, чтобы быть характернымъ для русской жизни...

Изъ женскихъ народныхъ типовъ «Записокъ Охотника» особеннаго вниманія заслуживаютъ Матрена изъ очерка «Каратаевъ», Марина изъ «Свиданія» и Лукерья изъ «Живыхъ Мощей» (послѣдній очеркъ своевременно залежался въ портфелѣ Тургенева и увидѣлъ свѣтъ четверть вѣка спустя въ благотворительномъ сборникѣ «Складчина», 1874 г., но онъ все равно годится въ данномъ случаѣ для характеристики цикла очерковъ, для котораго предназначался). Всѣ онѣ глубоко женственны, глубоко самоотверженны, глубоко нравственны и по высотѣ духовнаго склада превосходятъ даже героинь будущихъ повѣстей Тургенева, которыя ему создали репутацію идеализатора русской женщины. И если мы къ мужскимъ и женскимъ фигурамъ «Записокъ Охотника» прибавимъ удивительно симпатичныхъ, славныхъ ребятишекъ изъ «Бѣжина Луга», то получается цѣлая одноцвѣтная галлерея лицъ, относительно которыхъ никакъ нельзя сказать, что авторъ далъ тутъ народную жизнь во всей ея совокупности. Смѣшно, конечно, думать, что крѣпостные 40-хъ гг. никогда не пьянствовали, не пользовались при случаѣ тѣмъ, что плохо лежало, не били своихъ женъ и что вообще разные недостатки, составляющіе такую значительную часть человѣческой натуры, какимъ-то чудеснымъ образомъ миновали мужика. Съ поля народной жизни, на которомъ растутъ и крапива, и чертополохъ, и репей, авторъ сорвалъ только красивые и благоуханные цвѣты и сдѣлалъ изъ нихъ прекрасный букетъ.

И благоуханіе было еще тѣмъ сильнѣе, что представители правящаго класса, выведенные въ «Запискахъ Охотника», при всей вынужденной осторожности изображенія, поражаютъ своимъ нравственнымъ безобразіемъ. Вотъ передъ нами гвардейскій офицеръ въ отставкѣ Аркадій Павлычъ Пѣночкинъ («Бурмистръ»). Онъ устроилъ свой домъ совсѣмъ по-англійски; за столомъ у него все великолѣпно сервировано, и выдрессированные лакеи служатъ превосходно. Но вотъ одинъ изъ нихъ подалъ красное вино не подогрѣтымъ; изящный европеецъ нахмурился, сначала обратился съ вѣжливымъ укоромъ къ поблѣднѣвшему какъ смерть «любезному Ѳедору», затѣмъ, не стѣсняясь присутствіемъ посторонняго лица, позвонилъ. «Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплывшими глазами.—На счетъ Ѳедора... распорядиться, проговорилъ Аркадій Павлычъ вполголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ. — Слушаюсь, отвѣчалъ толстый и вышелъ.—Voila, mon cher, les désagréments de la campagne, весело замѣтилъ Аркадій Павлычъ». «Распорядиться»—значитъ, конечно, что «любезнаго Ѳедора» не на животъ, а на смерть отодрали въ конюшнѣ. Мардарій Аполлонычъ Стегуновъ («Два сосѣда») тотъ совсѣмъ добрякъ. Идиллически сидитъ на балконѣ прекраснымъ лѣтнимъ вечеромъ и пьетъ чай. Вдругъ донесся «до нашего слуха звукъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ». Стегуновъ «прислушался, кивнулъ головой, хлебнулъ и, ставя блюдечко на столъ, произнесъ съ добрѣйшей улыбкой и, какъ-бы невольно вторя ударамъ: Чюки-чюки-чюкъ! чюки-чюкъ! чюки-чюкъ!» Оказалось, что наказываютъ «шалунишку Васю», т. е. буфетчика «съ большими бакенбардами». Таковы представители помѣщичьяго сословія въ «Запискахъ Охотника». Если и встрѣчаются порядочные, то это все такіе люди, какъ Каратаевъ, кончающій жизнь трактирнымъ завсегдатаемъ, пьющимъ мертвую, буянъ Чертопхановъ, смѣшной приживальщикъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда.

Конечно, все это вмѣстѣ дѣлаетъ «Записки Охотника» произведеніемъ одностороннимъ, но это та святая односторонность, которая и въ исторіи, и въ литературѣ приводитъ къ великимъ результатамъ. Какъ ни одностороннe было содержаніе «Записокъ Охотника», но все-таки было не выдумано, и вотъ почему въ душѣ каждаго читателя во всей своей неотразимости выростало убѣжденіе, что нельзя людей, въ которыхъ лучшія стороны человѣческой природы воплощены такъ ярко, лишать самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ.

Содержаніе.

